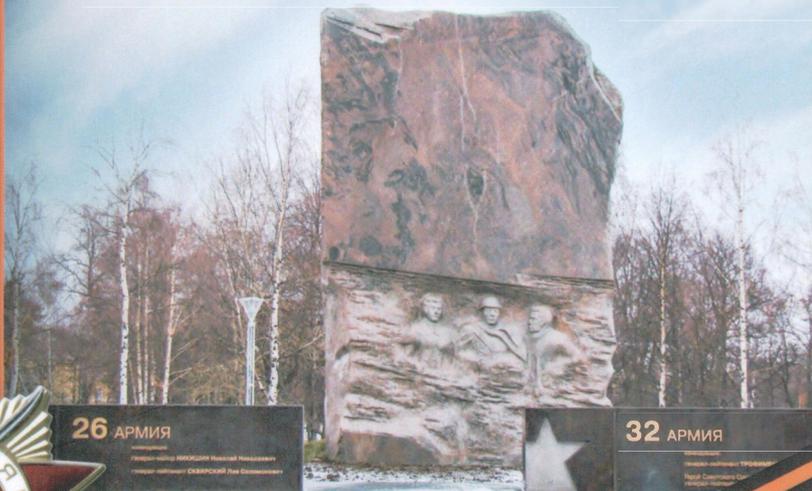

КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ И СОВЕТСКАЯ КАРЕЛИЯ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

26 АРМИЯ

Командующий: ИГОРЬ НИКОЛАЙ НАЗАРОВ
Командир полка: СЕРГЕЙ ЛЕВ СЕВЕРИН

32 АРМИЯ

Командующий: ТИМОФЕЙ
Николай Николаевич
Командир полка: СЕРГЕЙ

Институт истории, политических и социальных наук ПетрГУ
Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН
Карельское региональное отделение
Российского военно-исторического общества
Совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил
и правоохранительных органов Республики Карелия

**КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ
И СОВЕТСКАЯ КАРЕЛИЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

*Сборник статей
международной научно-практической
конференции*

Петрозаводск
Издательство ПетрГУ
2015

УДК 94(470.22)
ББК 63.3(2Р-6Кар)
К22

*Издается в рамках реализации комплекса мероприятий
Программы стратегического развития ПетрГУ на 2012– 2016 гг.*

Рецензенты:

Ю. М. Килин, д-р ист. наук, профессор,
О. И. Кулагин, канд. ист. наук, доцент

Редакционная коллегия:

С. Г. Веригин, Н. П. Черненко, Г. В. Чумаков (отв. ред.)

**70-летию освобождения
Республики Карелия**

от немецко-финской оккупации в годы
Великой Отечественной войны

1941–1945 годов

ПОСВЯЩАЕТСЯ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вот уже семь десятилетий отделяют нас от знаменательной даты в истории Республики Карелия – 30 сентября 1944 г. В этот день завершились военные действия на карельской земле. И хотя Вторая мировая война, которую вели страны антигитлеровской коалиции против государств фашистского блока, продолжалась еще почти целый год – до 2 сентября 1945 г., разгром агрессоров на Европейском Севере стал важнейшим событием завершающего этапа войны. Фашистская Германия, явившаяся инициатором Второй мировой войны, в итоге потерпела полное поражение и безоговорочно капитулировала. Но, сколько бы лет ни прошло, люди разных стран мира снова и снова будут возвращаться к этим событиям, ознаменовавшим торжество разума над безумием, гуманизма над варварством.

Народы России и стран, входивших в то время в состав Советского Союза, с особым чувством отмечают эти события, потому что СССР вынес на своих плечах основную тяжесть борьбы с фашизмом. Великая Победа была оплачена дорогой ценой – в годы войны погибло и умерло около 27 млн наших соотечественников. Колоссальным был и материальный ущерб. Фашисты разрушили 1710 городов и рабочих поселков, свыше 70 тыс. сел и деревень, 32 тыс. промышленных предприятий, разорили свыше 100 тыс. колхозов и совхозов. Наша страна потеряла треть своего национального богатства. Но, несмотря на всю тяжесть потерь, на жестокие испытания, советский народ выстоял и победил, проявив при этом чудеса воинской храбрости и трудового героизма.

Свой вклад в достижение Победы в Великой Отечественной войне, безусловно, внесли жители Карелии. Около 100 тыс. наших земляков воевали в рядах действующей армии, в партизанских отрядах и истребительных батальонах. Более 40 тыс. из них отдали свои жизни, защищая Родину. Самоотверженно работали труженики карельского тыла, реализуя лозунг «Всё для фронта! Всё для победы!».

В настоящее время продолжается активная исследовательская работа по изучению различных аспектов истории Великой Отечественной войны. Этому способствуют расширение документальной базы, приобщение историков к новым видам источников, исчезновение цензуры и излишней идеологизированности. При этом некоторые оценки потребовали определенного переосмысления или корректировки. Но нет сомнения в том, что бессмертный подвиг народа, спасшего страну и все человечество от фашистского порабощения, не подвержен инфляции и забвению.

29–30 сентября 2014 г. в столице Республики Карелия – Петрозаводске состоялась международная научно-практическая конференция «Карельский фронт и Советская Карелия в годы Великой Отечественной войны». В ней приняли участие ученые из академических научных центров и высших учебных заведений Москвы, С.-Петербурга, Петрозаводска, Архангельска, а также исследователи из соседней Финляндии. Вместе с историками в работе конференции активно участвовали сотрудники архивов, музеев, библиотек, краеведы, писатели, журналисты, представители общественных организаций. Организаторами и учредителями этого научного мероприятия выступили в первую очередь Институт истории, политических и социальных наук ПетрГУ и Совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов Республики Карелия. В подготовку конференции значимый вклад внесли Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН и Карельское региональное отделение Российского военно-исторического общества.

На конференции были заслушаны и обсуждены доклады и сообщения по актуальным вопросам истории Европейского Севера в период Великой Отечественной войны. Многие материалы были впервые введены авторами в научный оборот.

Особый интерес конференции придало участие историков из Финляндии. Это дало возможность сравнить подходы российских и финляндских исследователей к оценке одних и тех же проблем нашей общей военной истории.

Конференция показала, что история Великой Отечественной войны на Европейском Севере содержит еще достаточно мало-исследованных страниц.

Этот сборник – дань памяти подвигу и мужеству народов Советского Союза, в том числе жителей Карелии всех национальностей.

**Печали забудьте, обиды не троньте.
Пусть будет военная память строга.
Проснитесь, солдаты Карельского фронта.
Вставайте, ребята, стряхните снега.**

Г. В. Чумаков,
канд. ист. наук, доцент ПетрГУ

А. П. Худилайнен,
Глава Республики Карелия

***Уважаемые участники
Великой Отечественной войны,
представители науки, педагоги!***

***Уважаемые гости Карелии,
наши финские коллеги!***

Рад приветствовать вас в Карелии в преддверии большого события не только для нашей республики, но и для всей России. Завтра Карелия будет отмечать 70-летие освобождения от оккупации. Это достаточно новая знаменательная дата, которая отмечается в Карелии в пятый раз и учреждена в дань уважения к ветеранам и памяти погибших в Великой Отечественной войне. Новизна заключается в самом празднике, что подтверждает ценность изучения истории, ее новых фактов.

Научная конференция является событием не только для представителей науки. Это площадка для обсуждения разных точек зрения на те или иные исторические факты, ведь еще рано ставить точки в оценке событий 1941–1945 гг. Нужен разносторонний и взвешенный подход для окончательной оценки действий участников военных событий.

Конференция – яркое подтверждение того, что мы, несмотря на разные взгляды, можем встречаться, отстаивать свои точки зрения, вместе изучать документы тех лет. В некоторых темах финская наука давно изменила подход к изучению истории. Например, в финской истории имеет место гуманизация оценок военных событий. Для финских историков краеугольным камнем изучения войны стал личностный фактор, центром которого является ЧЕЛОВЕК. Как себя чувствовал участник во-

енных действий в условиях войны, начиная с бытовых моментов и заканчивая психологическими особенностями поведения? Как можно было остаться человеку человеком в нечеловеческих условиях? А Карельский фронт к тому же был сложен и в плане природных условий: тяжелый климат, сложный ландшафт.

Нельзя сказать, что российские историки не уделяли внимания личностному фактору изучения. Да, патриотическое воспитание долгое время у нас строилось на основе единой идеологии. Но формировать нравственные понятия и ценности у наших детей должны мы, их родители. О событиях Великой Отечественной войны дети должны узнавать из семейных историй, из рассказов ветеранов. Именно этот подход мы формируем в современном образовании, в воспитании подрастающего поколения. Вместе с тем изучение состояния ЧЕЛОВЕКА, участвующего в военных действиях, – одна из важнейших тем современной исторической науки.

Изучение и, самое главное, открытое обсуждение исторических фактов дает основу для важнейшего процесса формирования основ современного общественного сознания. И в первую очередь именно ценности, заложенные в человека обществом, управляют важнейшими историческими процессами. Почему в современном цивилизованном мире продолжают войны? Как не допустить этих разрушительных процессов? Ответы на эти вопросы во многом может дать изучение истории, открытие новых фактов и их оценка.

Желаю всем участникам конференции плодотворной работы и новых научных открытий!

И. В. Петеляева,
*заместитель Председателя Законодательного собрания
Республики Карелия*

***Уважаемые ветераны войны,
участники, гости и организаторы
международной конференции!***

От имени Законодательного собрания Республики Карелия приветствую вас, собравшихся на международную научно-практическую конференцию для широкого публичного обсуждения очень значимой для современной Карелии темы, особенно в преддверии подготовки празднования 70-й годовщины со дня Победы в Великой Отечественной войне.

Депутаты Законодательного собрания Республики Карелия поддержали предложение ветеранских организаций о торжественном праздновании в эти дни 70-летия освобождения Республики Карелия от немецко-финской оккупации.

Карельский фронт был самым протяженным из всех фронтов Великой Отечественной войны. Он действовал на наиболее сложной по природно-климатическим условиям территории, сдержав в 1941 г. натиск финской и немецкой армий, стремившихся захватить Кольский полуостров и Советскую Карелию. На Параде Победы на Красной площади в Москве 24 июня 1945 г. сводный полк Карельского фронта шел первым. С тех пор традиционно на парадах 9 мая знамя Карельского фронта несут первым среди знамен фронтов.

Не сомневаюсь, что участие в данном мероприятии ветеранов войны – непосредственных участников военных действий на Карельском фронте и доклады представителей научного

сообщества, основанные на исторических и архивных документах, еще раз будут свидетельством того, что всемирно-историческое значение Победы в Великой Отечественной войне и освобождения Республики Карелия от немецко-финской оккупации с каждым годом возрастает.

Великая Победа над фашизмом – сегодня, пожалуй, единственная нравственная ценность, которая не подвергается переоценке со стороны различных политических партий и общества в целом и является основой патриотического воспитания молодежи. Это особенно важно в связи с тем, что в некоторых странах Европы вновь поднимает голову воинствующий национализм, тот самый, что привел к появлению нацистской идеологии.

И наконец, значение этой замечательной даты определяется еще и тем, что с каждым годом уменьшается численность участников Великой Отечественной войны – живых свидетелей героизма и самопожертвования нашего народа. И нам надо успеть передать молодежи этот нравственный пример и жизненный опыт.

Благодаря совместной работе законодателей и органов исполнительной власти, меры социальной поддержки ветеранам и участникам войны предоставляются в соответствии с действующим федеральным и региональным законодательством в полном объеме. Пристальное внимание депутаты уделяют исполнению Федерального закона «О ветеранах». Кроме того, решение насущных проблем ветеранов – одно из главных направлений работы депутатов в своих избирательных округах.

К большому сожалению, не так много времени у нас осталось, поэтому важно на всех уровнях власти проявлять внимание и заботу о ветеранах войны, постоянно и своевременно реагировать на любые их обращения и просьбы, чтобы наши уважаемые ветераны оставались с нами как можно дольше.

Желаю вам успешной работы и надеюсь, что проводимое мероприятие в рамках подготовки празднования 70-летия Победы советского народа в Великой Отечественной войне будет способствовать поддержанию у ветеранов высокого морального духа, их стремлению принимать активное участие в общественной жизни, в воспитании подрастающего поколения и формировании патриотических чувств и убеждений у будущих защитников нашего Отечества.

Н. П. Черненко,
*председатель Совета ветеранов (пенсионеров) войны, труда,
Вооруженных сил и правоохранительных органов
Республики Карелия*

***Уважаемые участники
Великой Отечественной войны,
представители науки, педагоги!***

***Уважаемые гости Карелии,
наши финские коллеги!***

Совет ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов выражает признательность руководству ПетрГУ, ИЯЛИ КарНЦ РАН, Правительству Республики Карелия, поддержавших нашу инициативу по организации и проведению данной конференции.

На конференции присутствуют представители Финляндии, ведущие историки разных поколений России и Карелии, а также непосредственные участники тех грозных событий, в частности бойцы Карельского фронта Василий Петрович Репников и Григорий Яковлевич Танасейчук, малолетние узники концлагерей, жители блокадного Ленинграда, труженики тыла, а также представители молодого поколения – члены поисковых отрядов, студенты ПетрГУ. В тесной связи поколений – наша сила.

От имени президиума Совета ветеранов Республики Карелия я приветствую всех участников и гостей конференции, посвященной 70-летию освобождения Карелии от оккупации.

Нам дорого имя каждого бойца и командира Карельского фронта, партизана и подпольщика, бойца истребительных батальонов, минера, отдавших жизни за освобождение Карелии. Сегодня на конференции вам будет представлен предварительный итог работы поисковых отрядов, архивистов, работников

библиотек, музеев, ветеранских организаций в создании Единой электронной базы всех погибших в 1941–1944 гг. на территории Карелии защитников Отечества. База включает в себя более 130 тыс. имен воинов Северного и Карельского фронтов, информацию о местах сражений, гибели и захоронениях воинов, названий воинских подразделений, участвовавших в боях при освобождении Карелии.

На открытый сайт «Единая база данных «Победа» – Карелия» в течение 2012–2014 гг. пришло более 350 тыс. запросов по поиску родственников, погибших или воевавших в Карелии. Запросы пришли из стран СНГ, Европы, Азии, Африки, Южной и Северной Америки, Австралии.

Совет ветеранов благодарит Главу и Правительство Республики Карелия, Министерство культуры, руководство ПетрГУ, профессора, доктора исторических наук Ю. М. Килина и его студентов, членов поисковых отрядов, а также всех спонсоров, предоставивших денежные средства на проведение работ по созданию Единой базы данных.

К 70-летию Победы в Великой Отечественной войне предполагается расширение базы с учетом боев и потерь на Карельском перешейке и в Заполярье.

В. Г. Макуров,
канд. ист. наук, ст. научный сотрудник
ИЯЛИ КарНЦ РАН
(Петрозаводск)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ВООРУЖЕННОЙ БОРЬБЫ НА КАРЕЛЬСКОМ ФРОНТЕ

Ранним утром 22 июня 1941 г. войска фашистской Германии и ее союзников вторглись на территорию СССР. Так началась Великая Отечественная... В тот же день Президиум Верховного Совета СССР издал указы: «О мобилизации военнообязанных» и «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения» (в том числе и на территории Карелии).

Буквально с первых часов войны стала перестраиваться и вся жизнь Карелии. 24 июня 1941 г. решением Верховного Главнокомандования (ВГК) СССР на базе Ленинградского военного округа был образован Северный фронт (командующий генерал-лейтенант М. М. Попов), в состав которого вошли 7, 14 и 23-я армии. В оперативное подчинение Северного фронта передавались пограничные отряды Карело-Финского, Ленинградского и Мурманского пограничных округов, а также Балтийский военно-морской флот. Они получили задачу: оборонять государственную границу с Финляндией общей протяженностью свыше 1500 км и не допустить вторжения противника на советскую территорию¹.

26 июня 1941 г. соединения группы немецких армий «Север» форсировали р. Западную Двину и нацелили свой удар с юга

непосредственно на Ленинград. В тот же день президент Финляндии Р. Рюти официально объявил о состоянии войны между Финляндией и СССР. Для Советского Союза это означало открытие еще одного боевого фронта – на Европейском Севере, включая Карелию.

В Финляндии в результате проведенной мобилизации действующая армия к началу войны насчитывала около 470 тыс. человек. На севере Финляндии развернулась отдельная немецкая армия «Норвегия» (с середины января 1942 г. переименованная в армию «Лапландия», а с середины июня 1942 г. – в 20-ю горную армию). Противник превосходил советские войска в живой силе и боевой технике в 1,5–2,5 раза².

Военные действия начались 29 июня 1941 г. переходом в наступление немецкой армии «Норвегия», части которой пытались нанести главный удар на Мурманск. Последовавшие одна за другой атаки противника, обладавшего на этом участке 4-кратным превосходством в силах и средствах, не имели успеха³. В ночь с 30 июня на 1 июля 1941 г. на ряде участков Государственную границу СССР перешли и финские войска. 10 июля главнокомандующий вооруженными силами Финляндии маршал Маннергейм отдал приказ, призывавший финских солдат «освободить земли карелов»⁴.

На всех направлениях фронта развернулись ожесточенные кровопролитные бои. Первыми начали отражать вторгнувшиеся на территорию Карелии вражеские силы (в частности, в Приладожье) советские пограничники, не раз демонстрировавшие образцы стойкости и героизма. Одним из первых вошел в историю Великой Отечественной войны Герой Советского Союза Н. Ф. Кайманов, старший лейтенант погранотряда в Суоярвском районе, который удостоился этого высокого звания за умелое руководство обороной заставы⁵.

10 июля основные силы финской Карельской армии начали наступление на Онежско-Ладожском перешейке, где развернулись особенно затяжные и жестокие бои. Противник сумел захватить станцию Лоймола, перерезав тем самым железнодорож-

ную коммуникацию в полосе 7-й советской армии, и 16 июля захватил Питкяранту. Достигнув побережья Ладожского озера, финская армия развернула наступление одновременно на трех направлениях: Петрозаводском, Олонецком и Сортавальском. Наши войска отступали, ведя упорные бои с превосходящими силами противника. В сложной обстановке командование 7-й армии 21 июля создало две оперативные группы – Петрозаводскую и Южную, которые 23 июля предприняли контр наступление. Ожесточенные бои длились несколько дней, противник ввел в действие две свежие дивизии. Наши войска, понеся большие потери, в конце июля прекратили атаки. Но и противник вынужден был перейти к обороне, что позволило временно стабилизировать ситуацию⁶.

В оборонительных боях за Карелию летом 1941 г. исключительную стойкость и мужество проявили воины 168-й и 71-й стрелковых дивизий. Длительное время эти дивизии держали рубеж обороны, противостоя крупным силам Карельской армии финнов. Бывший начальник оперативного отдела 168-й дивизии С. Н. Борщев отмечает в своих воспоминаниях: «Двадцать пять дней мы стояли насмерть, защищая нашу государственную границу, и двадцать пять дней удерживали рубеж обороны»⁷. Но в конце июля в бой вступила вновь прибывшая 163-я немецкая дивизия. Здесь 28 июля в бою против гитлеровцев совершил свой воинский подвиг Тикиляйнен и бойцы его отделения. За этот подвиг П. А. Тикиляйнену присвоено звание Героя Советского Союза⁸.

23 августа Ставка ВГК Вооруженных Сил СССР приняла решение о разделении Северного фронта на два самостоятельных – Карельский и Ленинградский. Главной задачей Карельского фронта (КФ) стала оборона имевших большое экономическое и стратегическое значение районов – Карелии и Заполярья. В состав КФ (командующий до февраля 1944 г. генерал-лейтенант В. А. Фролов, затем генерал армии К. А. Мерецков) входили 7, 14, 19, 26, 32-я общевойсковые армии, 7-я воздушная армия и другие отдельные соединения и части советских войск; ему

оперативно подчинялись Северный военно-морской флот, Ладожская и Онежская военные флотилии.

Из всех советских фронтов Великой Отечественной войны КФ действовал самое продолжительное время (3,5 года) на самом протяженном расстоянии (около 1500 км – от Ладожского озера до Баренцева моря) и в особо сложных северных природно-климатических условиях. Труднопроходимая местность и неразвитая транспортная сеть позволяли вести боевые действия только по отдельным, изолированным между собой, направлениям (вдоль дорог в полосе 20–50 км), важнейшие из которых определились в 1941 г.: Олонецкое, Петрозаводское, Медвежьегорское, Ребольское, Ухтинское, Лоухское, Кандалакшское, Мурманское.

В начале сентября, перегруппировав свои силы, Карельская армия финнов начала генеральное наступление на Петрозаводском и Олонцеком направлениях. Ее 6-й армейский корпус наносил главный удар в направлении Олонец – Лодейное Поле. Используя превосходство в силах и средствах, противник прорвал оборону советских войск и 5 сентября захватил Олонец, а два дня спустя вышел к северному берегу р. Свири на участке Лодейное Поле – Свирьстрой и перерезал Кировскую железную дорогу.

Одновременно 7-й армейский корпус финнов нанес удар на Петрозаводском направлении, где в первой линии оборонялась Петрозаводская оперативная группа (ПОГ) и 71-я стрелковая дивизия. В результате неоднократных атак финнам удалось прорвать оборону советских частей. После небольшого перерыва финские войска 20 сентября вновь начали наступление, бросив на Петрозаводское направление более половины своей Карельской армии. 30 сентября они прорвали нашу оборону и устремились к Петрозаводску. В связи с угрозой городу и опасностью быть отрезанными командование ПОГ получило приказ оставить Петрозаводск и отойти на северный берег р. Шуи⁹.

Захватив Петрозаводск, финские войска продолжали развивать наступление на Медвежьегорск. После тяжелых упорных боев с превосходящими силами противника советские войска были вынуждены оставить Медвежьегорск.

К середине декабря войска Карельского фронта окончательно остановили продвижение вражеских армий на всех направлениях. Линия фронта стабилизировалась на рубеже: южный участок Беломорско-Балтийского канала – станция Масельгская – Ругозеро – Ухта – Кестеньга – Алакуртти. Планы противника, рассчитанные на быстрый захват северных районов СССР, провалились. Советским войскам удалось сохранить главную базу Северного флота – Полярный, незамерзающий порт Мурманск, северный участок Кировской железной дороги (с железнодорожной веткой Сорокская – Обозерская), по которому проходили грузы из Мурманска, а также осуществлялось снабжение войск Карельского фронта; на юге Карелии и на Карельском перешейке финским и немецким армиям не удалось соединиться и создать второе кольцо блокады¹⁰.

С декабря 1941 г. на Карельском фронте наступил новый этап боевых действий – период стабильной позиционной обороны. В течение почти двух с половиной лет советские войска прочно удерживали свои позиции от Баренцева моря до р. Свири, сковывали здесь значительные силы противника, а также предпринимали и наступательные операции.

Так, уже 3–10 января 1942 г. Масельгская оперативная группа под командованием генерал-майора Г. А. Вещезерского и Медвежьегорская оперативная группа под командованием генерал-майора С. Г. Трофименко провели Медвежьегорскую наступательную операцию с целью окружения и ликвидации крупной группировки финских войск. 3 января наши части начали наступление, но в ночь на 4 января финское командование, подтянув ближайшие резервы, предприняло несколько сильных контратак. Завязались ожесточенные упорные бои, продолжавшиеся до 10–11 января. С подходом резервов противника соотношение сил существенно изменилось в его пользу, поэтому Ставка ВГК решила прекратить наступление.

Тем не менее итоги Медвежьегорской наступательной операции имели важное значение. Советские войска продвинулись на запад от 2 до 5 км, освободили ряд населенных пунктов

и улучшили свои позиции. Неожиданность наступления вызвала растерянность в стане противника, и Маннергейм лично занимался организацией «отражения наступления русских». Финское командование не сняло ни одного полка с Медвежьегорского направления для усиления своих сил в районе р. Свири, что оказало помощь обороне Ленинграда. Более того, противнику пришлось бросить в бой имевшиеся резервы. Январские бои 1942 г. дали первый опыт для подготовки будущих решающих наступлений войск Карельского фронта.

24 апреля – 11 мая войска 26-й армии Карельского фронта провели Кестеньгскую наступательную операцию с целью разгромить противостоящие силы противника, закрепиться на новом более западном рубеже и усилить оборону Кировской железной дороги. Главный удар на Кестеньгу наносился силами двух дивизий: с севера – 23-й гвардейской стрелковой дивизией, с юга – 263-й стрелковой дивизией. Им противостояли немецкая дивизия СС «Север», сводная финская дивизия и ряд других подразделений.

24 апреля в 6 часов утра наши части перешли в наступление на главном направлении и к исходу дня вклинились в оборону противника на 1–3 км. Из-за слабой артиллерийской и авиационной поддержки в условиях сильного снегопада темп наступления оказался низким. Кроме того, противник бросил в бой все свои резервы и подразделения с соседних участков фронта, чтобы восстановить положение. После 3-дневной перегруппировки сил 3 мая советские войска возобновили наступление. Впоследствии немецкий генерал Дитмар, оценивая эти события, напишет, что в результате ударов русских на Кестеньгском направлении создалась критическая ситуация, которую удалось локализовать силами 163-й гитлеровской дивизии, спешно переброшенной сюда из района р. Свири. После еще одной 3-дневной перегруппировки сил советские войска 10 мая продолжили наступление, однако 11 мая, получив указание Ставки ВГК о переходе к обороне, прекратили его.

Тем не менее Кестеньгская и Мурманская наступательные операции (Мурманская проводилась с теми же задачами 28 апреля – 10 мая 1942 г.) сорвали планы противника по захвату Мурманска и станции Лоухи Кировской железной дороги, помогли обороне Ленинграда и улучшили позиции советских войск на отдельных участках Карельского фронта. Только на Кестеньгском направлении отборные части немецкой дивизии СС «Север» потеряли до 5 тыс. солдат и офицеров убитыми. Финский офицер службы информации О. Пааволайнен сделал в своем дневнике следующую запись о боях весной 1942 г. на Лоухском (Кестеньгском) направлении: «Наступление русских в Беломорье... вызвало напряжение чувств. Оборонительные бои на Лоухском направлении официально объявляются сегодня завершенными. Снова пиррова победа... Сейчас, год спустя, все кажется неясным, ненадежным, неопределенным»¹¹.

Решающее влияние на ход всей войны, в том числе и на севере нашей страны, оказала крупная победа советских войск в Сталинградской битве (19 ноября 1942 г. – 2 февраля 1943 г.). Маршал Маннергейм, касаясь в своих воспоминаниях оценки высшим финским руководством влияния Сталинградской битвы на ход «большой» войны и политического курса Финляндии, писал: «...3 февраля или через день после того, как немцы капитулировали в Сталинграде, в Ставке Главнокомандующего собрались президент Рюти, премьер-министр Рангель и министры Валден и Таннер, чтобы узнать мое мнение об общей ситуации. В ходе беседы пришли к единодушному мнению, что большая война пришла к переломному моменту и что Финляндии при первой же подходящей ситуации следует найти способ для выхода из войны. Одновременно констатировали, что пока еще мощь Германии препятствует осуществлению этого решения»¹².

В первой половине 1944 г. Вооруженные Силы СССР, проведя успешные военные операции под Ленинградом и Новгородом, на Правобережной Украине и в Крыму, вступили на территорию одного из союзников Германии – Румынию. В результате создавались благоприятные предпосылки для освобождения всех

районов страны и достижения полной и окончательной победы над вражескими войсками.

В январе 1944 г. войска Волховского и Ленинградского фронтов разбили немецкую группу армий «Север», 900 дней державшую в блокаде Ленинград. Эта победа оказала большое влияние на ход боевых действий в Карелии. По воспоминаниям маршала К. А. Мерецкова, в середине февраля его срочно вызвали в Ставку ВГК и уведомили, что Волховский фронт, которым он тогда командовал, ликвидируется, его войска передаются Ленинградскому фронту, а Мерецков назначается командующим Карельским фронтом. Тогда же Ставка ВГК сформулировала в общих чертах поставленную перед Карельским фронтом задачу: за летне-осеннюю кампанию 1944 г. освободить оккупированные районы Карелии и Кольского полуострова.

Советское Верховное Главнокомандование с целью разгрома финских войск и восстановления на северо-западе государственной границы приняло решение провести Выборгско-Петрозаводскую наступательную операцию силами Ленинградского и Карельского фронтов при содействии Балтийского флота, Ладожской и Онежской военных флотилий. Надо подчеркнуть, что только за первые 10 дней Свирско-Петрозаводской операции (с 21 по 30 июня) войска Карельского фронта освободили более 800 населенных пунктов Ленинградской области и Карелии, полностью очистили от врага Кировскую железную дорогу и Беломорско-Балтийский канал. Хотя противник оказывал упорное сопротивление, войска Карельского фронта продолжали движение вперед и 21 июля части 32-й армии вышли на государственную границу.

Мощные удары советских войск на Карельском перешейке и в южной Карелии обострили внутривойсковую обстановку в Финляндии. Среди населения росли антивоенные настроения, падало моральное состояние армии. Все это обусловило уход президента Рюти 1 августа 1944 г. в отставку. Его сменил маршал Маннергейм. Вновь сформированное правительство обратилось к СССР с предложением начать переговоры о перемирии или

заклучении мира. Советское правительство выразило согласие вступить в переговоры при условии, что Финляндия публично заявит о разрыве отношений с Германией и обеспечит вывод немецко-фашистских войск со своей территории до 15 сентября¹³. В ночь на 4 сентября правительство Финляндии сделало заявление о том, что принимает предварительные условия Правительства СССР о разрыве отношений с Германией и выводе немецких войск из Финляндии. Одновременно объявлялось о прекращении военных действий на всем участке расположения финских войск с 8 часов утра 4 сентября. Советские войска Карельского и Ленинградского фронтов тоже получили приказ Верховного Главнокомандования прекратить военные действия против Финляндии с 8 часов 5 сентября¹⁴.

19 сентября в Москве состоялось подписание соглашения о перемирии между СССР и Великобританией, с одной стороны, и Финляндией – с другой. Соглашением восстанавливалось с некоторыми изменениями действие Мирного договора между СССР и Финляндией от 12 марта 1940 г., его пункты в значительной мере относились к Карелии. Финляндия обязывалась: отвести свои войска за линию советско-финской границы 1940 г.; разоружить германские войска, остававшиеся на ее территории, и передать их советской стороне в качестве военнопленных; перевести свою армию на мирное положение в течение двух с половиной месяцев; немедленно передать СССР всех находившихся в ее власти советских и союзных военнопленных и насильственно уведенных граждан; возместить СССР убытки, причиненные военными действиями и оккупацией советской территории в размере 300 млн долларов; возвратить СССР в полной сохранности вывезенные с советской территории во время войны все ценности и материалы и др. На основе Соглашения о перемирии 10 февраля 1947 г. между СССР и союзными государствами, с одной стороны, и Финляндией, с другой стороны, был подписан мирный договор.

После заключения перемирия военные действия продолжались лишь на северном участке Карельского фронта против находившейся здесь 20-й немецкой горной армии. В конце

сентября 1944 г. в результате обходного маневра, осуществленного советскими 19-й и 26-й армиями, немецко-фашистское командование отвело свои войска на Кестеньгском, Ухтинском и Кандалакшском направлениях. В ходе боев противник понес большие потери. Территория Карелии была полностью освобождена. В октябре 1944 г. соединения Карельского фронта при поддержке кораблей Северного флота успешно завершили боевые действия на Крайнем Севере: в результате проведенной Петсамо-Киркенесской операции они освободили оккупированные районы Советского Заполярья. Государственная граница на северо-западе СССР была окончательно восстановлена. Карельский фронт, полностью выполнивший свои стратегические задачи, был расформирован 15 ноября 1944 г.

¹ Карельский фронт в Великой Отечественной войне, 1941–1945 гг. : военно-ист. очерк. М., 1984. С. 23–24.

² Там же. С. 17–20.

³ Центральный архив Министерства обороны РФ (далее – ЦАМО РФ) Ф. 1280. Оп. 1. Д. 9. Л. 15–17; Румянцев Н. М. Разгром врага в Заполярье (1941–1944). М., 1963. С. 30.

⁴ По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944 : документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 69–70; Puhtain asein. Suomen marsalkan päiväkäskeyä vosilta, 1918–1945. Helsinki, 1970. S. 120; Suomen historian dokumentteja. Helsinki, 1970. S. 420.

⁵ Героям Родины – слава! Петрозаводск, 1985 С. 97; Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 : сб. документов. М., 1968. С. 212–215.

⁶ ЦАМО РФ. Ф. 340. Оп. 5372. Д. 3. Л. 49; Д. 87. Л. 27–28; Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 42.

⁷ Борщев С. Н. От Невы до Эльбы. Л., 1970. С. 11.

⁸ Героям Родины – слава! С. 289.

⁹ ЦАМО РФ. Ф. 214. Оп. 1439. Д. 304. Л. 329; Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 50–51.

¹⁰ Карельский фронт в Великой Отечественной войне. С. 54.

¹¹ По обе стороны Карельского фронта. С. 230– 231.

¹² Там же. С. 312.

¹³ *Барышников Н. И., Барышников В. Н., Федоров В. Г.* Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1989. С. 274–279.

¹⁴ Внешняя политика СССР : сб. документов. Т. 5. М., 1947. С. 423.

А. Н. Осиев,

*член президиума Совета ветеранов (пенсионеров) войны,
труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов РК,
секретарь Карельского регионального отделения
Российского военно-исторического общества
(Петрозаводск)*

ПОИСКОВАЯ РАБОТА НА РУБЕЖАХ БОЕВ В КАРЕЛИИ

Поисковая работа в Карелии осуществляется региональным отделением «Поискового движения России» в составе 32 поисковых отрядов, входящих в два поисковых объединения: «Союз поисковых отрядов Карелии» и «Эстафета поколений», а также двумя поисковыми отрядами, работающими самостоятельно на основании закона РФ от 14.01.1993 № 4292-1 «Об увековечении памяти погибших при защите Отечества», постановления Правительства РК от 06.06.2011 № 136-П «Об утверждении Положения о порядке проведения поисковой работы», Соглашения между Правительством Российской Федерации и Правительством Финляндской Республики о сотрудничестве в увековечении памяти российских (советских) военнослужащих в Финляндии и финских военнослужащих в России, погибших во Второй мировой войне, от 11.07.1992, в целях выявления неизвестных воинских захоронений и не погребенных останков, установления имен погибших и пропавших без вести при защите Отечества и увековечения их памяти. Поисковикам Карелии помогают многочисленные поисковые отряды из других регионов страны, которые ежегодно участвуют в проводимых на территории республики «Вахтах памяти».

В 2014 г. в проводимых «Вахтах памяти» приняли участие свыше 40 поисковых отрядов из 20 регионов страны.

Поисковое движение Карелии активно развивается благодаря серьезной поддержке главы Республики Карелия, Министерства по делам молодежи, физической культуры и спорту РК, Республиканского центра патриотического воспитания граждан и допризывной подготовки молодежи, Совета ветеранов Республики Карелия.

В республике создан и работает на постоянной основе Координационный совет поисковых отрядов при Министерстве по делам молодежи, физической культуре и спорта РК, который рассматривает различные вопросы деятельности поисковых объединений.

Поисковые отряды организационно входят в ВОО «Поисковое движение России» и участвуют во всех мероприятиях, организованных и проводимых в стране данной организацией.

Поисковая работа в Карелии строится по нескольким направлениям:

1. Сохранение и благоустройство воинских захоронений, создание, сохранение и благоустройство других мест погребения погибших при защите Отечества, установка надгробий, памятников, стел, обелисков, других мемориальных сооружений и объектов, увековечивающих память погибших;
2. Сохранение и обустройство отдельных территорий, исторически связанных с подвигами погибших при защите Отечества;
3. Создание мемориальных музеев и сооружение на местах боевых действий памятных знаков;
4. Публикации в средствах массовой информации материалов о погибших при защите Отечества, в том числе в журнале «Военная археология», издание своих брошюр и журналов, организация выставок, создание сайтов поисковых объединений Карелии;

-
5. Присвоение имен погибших при защите Отечества улицам и площадям, географическим объектам, организациям, в том числе образовательным организациям, учреждениям, воинским частям и соединениям, кораблям и судам;
 6. Установление памятных дат, связанных с героизмом и мужеством, проявленных в боях с врагом. Например: «День неизвестного солдата» – 1 декабря; в Муезерском районе «Тропа Варламова» – 25 июля; и т. д.;
 7. Проведение мероприятий с молодежью Карелии, направленных на сохранение исторической памяти о защитниках Отечества, защищавших его в годы войны 1941–1945 гг.;
 8. Проведение поисковой работы, направленной на выявление неизвестных воинских захоронений и не погребенных останков, установление имен погибших и пропавших без вести при защите Отечества.

Последнее направление, пожалуй, наиболее интересное в нашей работе, так как охватывает разностороннюю деятельность поисковых отрядов. Назовем некоторые из них.

- 1) Работа в военных архивах России, Финляндии, Национальном архиве РК, где имеются данные о ходе военных действий, а самое главное, прослеживаются судьбы погибших и пропавших без вести защитников Отечества, именно документы помогают определить точное место их гибели и захоронения.
- 2) Поисковая работа на местах боев, которая строится по нескольким направлениям:
 - а) поиск останков военнослужащих, погибших в период 1939–1940, 1941–1944 гг., воевавших в стрелковых соединениях, отдельных частях, истребительных батальонах и т. д., в том числе погибших на территории Финляндии. Только за последние семь лет в Карелии было

найдено свыше 5400 не погребенных останков советских солдат и командиров;

- б) поиск останков военнослужащих, воевавших в составе партизанских отрядов, который осуществляет поисковый отряд «Имени партизанской бригады Григорьева И. А.» под руководством Сергея Михайловича Симоняна. За период с 1978 по 2014 г. им найдено и захоронено 207 партизан, погибших летом 1942 г. Еще осталось найти 315 погибших партизан 1-й партизанской бригады, которая в составе 648 человек вышла в тыл финских войск, откуда через 57 суток вернулись лишь 126 измученных голодом и непрерывными боями партизан;
- в) поиск и установление судеб бойцов спецгрупп НКВД, выполнявших разведку на оккупированной территории и пропавших без вести или погибших при выполнении задания. На протяжении 30 лет этим занимается поисковый отряд «Север» (СОШ № 3 г. Петрозаводска). Еще остались белые пятна в истории спецгрупп НКВД, подпольщиков, которые необходимо заполнить;
- г) поиск останков самолетов с целью установления имен погибших и пропавших без вести экипажей. В небе Карелии не было линии фронта в период войны. Воздушные бои кипели везде, и каждый такой вылет сопровождался мужеством и героизмом пилотов. К сожалению, более 800 пилотов не вернулись из боевых вылетов. В картотеке поискового отряда «Авиапоиск» числится 2400 карточек на летчиков;
- д) поиск неучтенных и утраченных воинских захоронений в лесах Карелии для последующего их учета и благоустройства, выявления имен погибших и похороненных в них военнослужащих. По состоянию на 1 ноября 1946 г. по КФСР выявлено и взято

на учет 120 военных кладбищ, 247 братских и 445 индивидуальных могил, в которых похоронены 11 642 человека. Из них благоустроено: кладбищ – 43, братских могил – 136, индивидуальных могил – 171. В настоящее время, по официальным данным РВК Карелии, на территории республики зарегистрировано 476 воинских захоронений, в которых захоронены порядка 57 тыс. человек.

Считается, что все воинские захоронения в 50–60-х гг. были перенесены в населенные пункты. Это официальные данные. Однако при детальной проработке данного вопроса выясняется, что в те годы работа была проведена больше на бумаге, чем в действительности. К 20-летию Победы в РВК были собраны похоронки со всей страны и направлены в те районы, где погибли воины. Пришли они и в Карелию. Но так как в 1944 г. часть территории Карелии была передана Ленинградской области, в 1949 г. были переименованы населенные пункты, озера и т. д. на Карельском перешейке, а в 1956 г. КФССР была переименована в КАССР, многие похоронки по ошибке попали в Карелию. Здесь их поделили на 13 районов из 18. И в 1965 г., пока были деньги, поставили мраморные обелиски с выбитыми на них фамилиями павших.

Например, в мемориале г. Суоярви числятся похороненными 1596 воинов. Однако на самом деле 856 из них лежат в других районах Республики Карелия, а также в Мурманской и Ленинградской областях, а один в Крыму (т. к. в данном случае КАССР – это Крымская АССР, село Яблоневка). На плитах мемориалов в Поросозере, Лоймоле, Вегарусе выбиты фамилии павших, которые захоронены в могилах других районов. И что интересно, эти могилы никто не переносил. В Найстенъярви стоит памятник, который надо полностью со всеми плитами переносить в Питкярантский район к озеру Ниетъярви. И таких примеров предостаточно. В Суоярвском районе на 1985 г. числилось 18 воинских захоронений, в которых значилось 3856 человек. За период с 1992 по 1995 г. поисковиками было выявле-

по еще 398 захоронений. Никто данные могилы не переносил. Они стоят заброшенные в лесу! Никто не задумывался, как можно 57 тыс. человек похоронить в 500 могилах, из которых 2/3 индивидуальных?

- 3) Поиск родственников военнослужащих, погибших в период войн и найденных поисковыми отрядами, имена которых удалось установить по сохранившимся при них смертным медальонам, наградам, именным предметам или спискам похороненных в неучтенных воинских захоронениях. За все время поисковых работ было установлено более 500 имен.
- 4) Оказание помощи местным органам власти в торжественно-траурных мероприятиях по захоронению найденных останков военнослужащих. За 2013 г. проведено 15 торжественных захоронений, за 2014 г. – 8.
- 5) Оказание помощи всем гражданам нашей страны, стран ближнего и дальнего зарубежья, обратившимся в поисковые отряды Карелии с просьбой об установлении судьбы погибшего или пропавшего без вести близкого им человека (работа консультативных пунктов). За 2013 г. оказана помощь 1687 обратившимся, за 9 месяцев 2014 г. – 544.
- 6) Оказание практической помощи гражданам в поиске мест захоронений погибших солдат. За 2014 г. 23 раза выезжали на место гибели.
- 7) Оказание консультационной помощи в выявлении военно-исторических объектов, при согласовании строительства автодорог, газопроводов и т. д.
- 8) Предоставление сведений о найденных погибших военнослужащих и установленных их именах в Книгу Памяти «Имена из солдатских медальонов» и информационную систему «ОБД Мемориал» для информирования граждан об установленных судьбах пропавших без вести или погибших на территории Карелии. Уже вышел

шестой том книги, куда внесены свыше 100 имен погибших солдат, установленных карельскими поисковиками.

- 9) Ведение «Базы данных по защитникам Отечества, погибшим на территории Республики Карелии в 1941–1944 годах», занесение в нее новых имен погибших или удаление из нее оказавшихся в живых военнослужащих, которые по архивным документам числились погибшими на территории Карелии. В базу внесено 129 270 персоналий, 20 168 подтверждающих документов, 289 захоронений.

Поиск на местности невозможен без специальных приборов, так как останки не видны на местности и данные приборы облегчают нашу работу. Поисковые отряды Карелии используют различные виды металлоискателей, которые производятся в Петрозаводске фирмой ООО «Техносфера». С 2014 г. проводятся испытания прибора (газоанализатора) для поиска останков солдат в воронках, ячейках, траншеях. Поиск останков не стоит на месте – он развивается. Поисковики страны уже применяют современные космические технологии по выявлению воинских захоронений (магнитно-лазерное сканирование поверхности земли). Данное новое направление поисковой работы позволит значительно повысить эффективность и результативность поиска.

Н. П. Черненко,
*председатель Совета ветеранов (пенсионеров) войны,
труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов РК
(Петрозаводск)*

РОЛЬ И ЗНАЧЕНИЕ ВETERАНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ КАРЕЛИИ В ПАТРИОТИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ МОЛОДЕЖИ

Карельская республиканская общественная организация ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов была создана в марте 1987 г. для повышения роли ветеранов в экономической, политической и социальной жизни республики и вошла в состав Всероссийской организации ветеранов войны и труда.

В этот период районные и городские ветеранские организации возглавили люди, прошедшие Великую Отечественную войну, послевоенный период, закаленные и набравшие жизненный опыт на партийной, советской и хозяйственной работе, военной службе. Их опыт позволил выстоять ветеранам в тяжелейший период пустых полок в магазинах, многомесячных задержек пенсий, зарплат, детских пособий, в условиях экономической, социальной и духовной катастроф.

Активная и принципиальная позиция в защите интересов людей старшего поколения с одновременной поддержкой социальной политики правительств Республики Карелия и Российской Федерации, направленных на улучшение жизни ветеранов, позволила организации сформироваться в самую влиятельную

и многочисленную ветеранскую организацию Республики Карелия. Сегодня она охватывает своим влиянием более 240 тыс. ветеранов различных категорий.

Координационный совет при президиуме Совета ветеранов объединяет более 30 общественных организаций и отделений всероссийского и регионального уровней, занимающихся патриотической работой среди молодежи.

Ветеранская организация республики активно включилась в работу за принятие Федерального закона «О ветеранах», который мог защитить экономически и социально ветеранов, малоимущих граждан, инвалидов, детей. В России этот закон был принят 12.01.1995 (№ 5-ФЗ). В Республике Карелия аналогичный закон был принят 14.07.1995 – «Об установлении звания “Ветеран труда Республики Карелия” и порядке его присвоения». Это была победа ветеранского движения России и Карелии.

Социальная и экономическая поддержка ветеранов со стороны правительств Российской Федерации и Республики Карелия позволила ветеранским организациям сосредоточить усилия на проблемах патриотического воспитания молодежи, мемориальной работе, сохранении и увековечении памяти защитников Отечества, павших в боях на Карельском и Северном фронтах в 1941–1944 гг. За прошедшие годы в республике создана достаточно развитая и эффективная система патриотического воспитания подрастающего поколения. Сегодня в городах, районных центрах и крупных сельских поселений действуют молодежные патриотические обучающие системы:

- Карельский кадетский корпус им. Александра Невского;
- 39 кадетских классов;
- 126 объединений, клубов, центров, в работе которых участвуют более 3500 человек;
- 51 военно-спортивный и профильный лагерь;
- 140 историко-патриотических школьных музеев, музеев предприятий и учреждений.

В Карельской региональной организации РОСТО (ДОСААФ) более 4 тыс. членов, объединенных в 11 районных и 144 первичных организаций, занимающихся допризывной подготовкой молодежи.

В патриотическом воспитании активно участвуют Комитет ветеранов войны и военной службы, Советы ветеранов пограничной службы, органов внутренних дел и внутренних войск Карелии, Федеральной службы безопасности, Карельского отделения Всероссийского движения «Боевое братство», КРОО «Жители блокадного Ленинграда», малолетних узников фашистских немецких и финских концлагерей, организации ветеранов 5-й дивизии ПВО, Афганистана, офицеров ФМФ России. Ветераны Великой Отечественной войны, военной службы, труда постоянные участники слетов и игр «Зарница», «Орленок», уроков мужества, школьных уроков Памяти и Славы. Ветеранские организации вместе со школами шефствуют над солдатскими захоронениями. Всего на территории Республики Карелия 498 памятников военной истории, из них воинских захоронений 455, в т. ч. периода советско-финляндской войны 1939–1940 гг. и Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. – 337 захоронений. Это братские и одиночные могилы, мемориалы, рубежи обороны, места боев.

За последние годы по инициативе и при участии ветеранских организаций отремонтированы и благоустроены мемориалы в Петрозаводске, Костомукше, Пряжинском, Калевальском, Олонецком, Беломорском, Кемском, Лоухском, Муезерском, Медвежьегорском, Лахденпохском, Питкярантском, Сегежском, Суоярвском муниципальных районах.

В Петрозаводске открыты новые мемориалы и памятники: площадь Победы; маршалу Г. К. Жукову; воинам-пограничникам, павшим в боях на Карельском фронте; работникам органов внутренних дел, погибшим при исполнении служебного долга; маршалу К. А. Мерецкову; И. И. Сенькину; морякам Онежской флотилии; а также мемориалы в Калевале, Великой Губе, Беломорске, Кеми, Лахденпохье, Суоярви, Пряжи, Кондопоге,

п. Видлица Олонецкого района, п. Ругозеро Муезерского района. Капитально отремонтирован мемориал «Вечный огонь» на могиле Неизвестного солдата в Петрозаводске.

Под девизом «Никто не забыт, ничто не забыто» работают молодежные поисковые отряды под руководством Карельского совета поисковых отрядов при поддержке Совета ветеранов республики и Центра патриотического воспитания молодежи.

Только в 2014 г. на территории Карелии работали 26 республиканских отрядов и 40 отрядов из 20 регионов России. Поисковые отряды вносят достойный вклад в патриотическое движение, увековечение памяти защитников Отечества и создание полной базы данных на всех погибших воинов Карельского фронта в 1941–1944 гг.

Празднование 70-летия освобождения Карелии является этапом к подготовке к 70-летию Победы советского народа в Великой Отечественной войне. Ведется строительство мемориала в Петрозаводске «Аллея Памяти и Славы воинам Карельского фронта», готовится к изданию «Атлас воинских захоронений времен Великой Отечественной войны, расположенных на территории Республики Карелия», пополняется Единая база данных «Назовем поименно бойцов Северного и Карельского фронтов, погибших и пропавших без вести на территории Карелии в 1941–1944 гг.», готовятся выставки материалов и экспонатов времен Великой Отечественной войны в музеях, архивах и библиотеках городов, районных центров и поселений, школьных музеях и уголках боевой и трудовой славы. Такие информационные мероприятия очень важны и для молодежи, и для ветеранов.

Народная мудрость гласит: «Ложь и правда – вечны, потому что ложь постоянно подпитывают, а правду убить не могут». Поддержать правду, помочь ей найти дорогу к сердцам людей – задача ветеранских организаций, наша общая задача. Весомый вклад в это, надеюсь, внесет настоящая конференция.

В. Н. Копанев,

преподаватель петрозаводской СОШ № 10

(Петрозаводск)

ЭВАКУАЦИЯ ОРГАНОВ ВЛАСТИ КАРЕЛИИ В 1941 ГОДУ

В огромной массе литературы, посвященной истории Великой Отечественной войны, проблема эвакуации населения, промышленных и сельскохозяйственных предприятий чаще всего рассматривается в общем плане, в рамках исследования проблем экономики в военный период. В несколько меньшем плане рассматривается эвакуация с социальной точки зрения: положения эвакуированного населения в местах эвакуации. Но почти совсем не рассматривается проблема эвакуации государственных, хозяйственных, партийных органов власти в республиках, областях, районах СССР в связи с угрозой оккупации их войсками противника. Как проходила их эвакуация? Куда попадал управленческий аппарат? Как он трудоустроивался? Имелись ли какие-либо льготы при эвакуации этого аппарата и пр.?

Общесоюзными проблемами обеспечения эвакуации населения, предприятий, военных материалов, оборудования, материальных ценностей руководил созданный 24 июня 1941 г. при Правительстве СССР Совет по эвакуации. На местах эти проблемы должны были решать партийные органы и правительства республик, областные, районные, городские комитеты партии и исполкомы местных Советов. Там создавались специальные комиссии, комитеты, бюро или советы по эвакуации.

В Карелии, почти сразу после вступления в войну Финляндии, в приграничные районы от имени правительства и партийных органов уже 28 июня пришли телеграммы об эвакуации населения и колхозов в глубину 20 км от границы¹. Это решение вызывало нервные настроения людей, преимущественно женщин, недовольство которых объяснялось тем, что семьи советских, партийных работников и военнослужащих вывозились и из той зоны, куда эвакуировали основную часть населения².

3 июля была создана Республиканская комиссия по эвакуации в составе секретаря ЦК КП (б) КФССР П. В. Солякова, заместителя председателя Совнаркома республики М. Ф. Иванова и секретаря Президиума Верховного Совета КФССР Т. Ф. Вакулькина.

На первом же заседании комиссии принимается решение о вывозе из Петрозаводска детей вместе с детскими яслями, детсадами и детскими домами, а также женщин с детьми до трех лет и детей до 14-летнего возраста. Трудоспособное население до последнего оставалось на оборонных работах, уборке урожая и т. п.³

В этом же решении говорится и об эвакуации 150 семей руководящих партийных и советских работников Карелии в Пудожский район. За организацию эвакуации этих семей отвечал секретарь Президиума Верховного Совета республики Т. Ф. Вакулькин⁴.

В районах республики, которым угрожала оккупация, соответствующую работу по эвакуации проводили советские и партийные органы. Как правило, во главе районных комиссий стояли секретари районных комитетов партии. Считая, что неудачи первых дней войны носят временный характер, эвакуация людей и предприятий предполагалась первоначально в районы ближайшего тыла внутри самой республики или, в крайнем случае, в близлежащие районы Вологодской и Архангельской областей.

Эвакуация из районов далеко не всегда проходила организовано. Так, при эвакуации из Сортавалы обстановку пани-

ки создали именно партийные секретари Богданов и Каджев и председатель горсовета Лезин. Панически сбежав из города, они оставили в столах служебные документы, штампы и печати горсовета. По их примеру бежали и хозяйственные руководители, не обеспечив вывоз сотен тонн муки, крупы, сахара, консервов, промтоваров и пр.⁵

В числе первых, бросив население на произвол судьбы, бежал председатель горисполкома г. Энсо. В Калевальском районе секретарь райкома партии и председатель райисполкома собирались бежать, когда противник находился еще в 120 км от райцентра⁶. Похожая ситуация сложилась и в Кестеньгском районе. Там партийные руководители (Рютиков и Кашинцев) должны были обеспечить эвакуацию населения, продовольствия и материальных ценностей в Беломорск, но они сбежали сначала в Лоухи, а затем и дальше. Причем Рютиков дал телеграмму жене в Беломорск, чтобы она немедленно оттуда эвакуировалась. Узнав о телеграмме, женщины подняли панику: «Нас эвакуируют в Беломорск, а свои семьи оттуда вывозят!»⁷. Таким образом, организацией партизанского отряда и истребительного батальона в Кестеньге никто не занимался. Мало того, пришлось уничтожить часть продуктов и скота.

Однако в целом эвакуация населения и предприятий в республике была проведена достаточно организованно. За 1941 г. из оккупированных районов Карелии были эвакуированы 293 промышленных предприятия и около 536 тыс. человек, или 75 %⁸.

Что касается эвакуации семей руководящих работников, то она тоже проходила по-разному. Одни семьи эвакуировались самостоятельно, преимущественно к своим родственникам, проживавшим в отдаленных районах Карелии или в тыловых районах Союза. В других случаях семьи партийных и советских работников вывозились организованным порядком. Так, например, был сформирован специальный эшелон по эвакуации семей из пограничной полосы и Петрозаводска в Пудожский район. Но в любом случае эвакуация таких семей происходи-

ла только с разрешения ЦК Компартии республики и выдачей соответствующего удостоверения, выдаваемого секретарем ЦК КП(б) КФССР А. С. Варламовым⁹.

Несмотря на начавшуюся эвакуацию населения из Петрозаводска, в том числе и семей руководящих работников, ничего не свидетельствовало о том, что столица Карелии будет сдана врагу. По крайней мере Петрозаводский горисполком 11 августа рассматривал на своем заседании вопросы подготовки школ города к новому учебному году. Для этого предусматривалось выделить из бюджета 945,2 тыс. рублей, открыть 180 учебных классов на 6 600 учеников¹⁰.

Однако в самом конце августа совместным постановлением СНК и ЦК партии республики создается оперативная группа в составе А. Д. Богданова (секретарь ЦК), В. В. Стефанихина (зампред Совнаркома), Арапова (замнаркома УНКВД) и др. по размещению центральных республиканских организаций в Пудож¹¹. По решению Республиканской комиссии по эвакуации 4–5 сентября принимается решение о дополнительной эвакуации организаций и учреждений со всеми ценными документами, материальными ценностями, штатами и т. п. из Петрозаводска. В Пудож были эвакуированы народные комиссариаты пищевой промышленности, здравоохранения, Госплан, технический аппарат Президиума Верховного Совета КФССР, Совнаркома, Центральный совет Осоавиахима, комитет по физкультуре и спорту и др. Туда же, в Пудож, переводилась и Карельская контора Сбербанка со всеми своими сотрудниками: женщинами с детьми и мужчинами, не ушедшими в армию. Списки эвакуируемых должны были согласовываться в Петрозаводском горкоме партии. Вместе с наркоматами и управлениями было признано целесообразным эвакуировать в Пудож и республиканские комитеты профсоюзов¹².

Чтобы разгрузить Пудож для размещения там соответствующих властных структур, одновременно принимается решение об эвакуации до 19 сентября семей советско-партийных работников из Пудожа вглубь страны.

Однако в связи с тем что финские войска уже вышли на западный берег Онежского озера в районе Шелтозера и эвакуация через озеро стала невозможной, 17 сентября совместным решением Совнаркома и ЦК Компартии республики принимается решение об эвакуации центральных учреждений не в Пудож, а в Медвежьегорск. Пудожский район фактически превратился в прифронтовой¹³.

Поскольку из Пудожа реальное сообщение с центральными районами страны могло осуществляться по Онего только через Вытегру, то республиканские органы власти теряли с ними связь в зимний период. Отсюда и решение перевода республиканских органов власти в Медвежьегорск. Эвакуацию всех органов власти из Петрозаводска Республиканская комиссия по эвакуации намечает на 23 сентября 1941 г.

Фактически эвакуация из Петрозаводска началась 21 сентября. В Медвежьегорск вместе со штатами, оборудованием, ценными документами была эвакуирована большая часть республиканских наркоматов, редакции газет «Тотуус» и «Ленинское знамя», типография им. Анохина, Онегзавод, Карелфинпотребсоюз, сортировки почты и цензуры, Центральные ремонтные мастерские, КОГИЗ, Госиздат, Аптекоуправление и др. Для эвакуации учреждений и организаций 21 сентября в 18:20 было подано 20 крытых вагонов и 8 платформ. Для перевозки центрального аппарата 21 сентября предоставлялся пассажирский поезд, а утром 22-го – «трудовой поезд»¹⁴. Часть учреждений, ранее эвакуированных в Пудож, тоже перемещалась в Медвежьегорск.

Для размещения в Медвежьегорске органов власти начальнику ББК Сергееву предписывалось передать один 3-этажный дом под служебные помещения. Для проживания сотрудников передавалась и гостиница Оборонстроя. В ней должны были проживать руководящие работники республиканских наркоматов и ЦК КП(б) КФССР в количестве 34 человек. Среди них были работники ЦК партии Жуков, Власов, Басаева, Афанасьев, Иванова, Яковлев, Морозов, Карахаев, а также секретарь Президиума Верховного Совета Вакулькин, из правительства

республики – Филимонов, из НКВД – Попов, из ЦК ЛКСМ – Петров, а также председатель Петрозаводского горсовета Ф. В. Балагуров и первый секретарь Петрозаводского горкома партии Н. А. Дильденкин¹⁵.

Чтобы обеспечить жильем прибывающий из Петрозаводска управленческий аппарат, проживающие в городе трудпоселенцы были переселены в Пиндуши. Их жилье заняли эвакуированные сотрудники СНК и ЦК КП(б) КФССР¹⁶. Одновременно постановлением Совнаркома было произведено сокращение штатов центральных аппаратов наркоматов и управлений. На 1 октября 1941 г. для 23 наркоматов и управлений он был определен численностью в 168 человек, т. е. средняя численность аппарата каждого учреждения составляла 7–8 человек¹⁷.

Центральные органы власти размещались в бывшем здании Управления Беломорско-Балтийского канала. Кроме этого, выделялся один 3-этажный дом, в котором полтора этажа со всей мебелью и оборудованием также предназначались для служебной деятельности. Руководители республики размещались в 16 номерах переданной для этих целей гостиницы Оборонстрой¹⁸. Для обеспечения питанием руководящих работников ЦК, СНК и наркоматов в кв. № 1 и 3 в доме по ул. Салунина д. 1/11 была организована столовая.

В самом Медвежьегорске центральные органы власти пробыли недолго. Он превратился в прифронтовой город, поэтому 20 октября было принято решение о переводе правительства и ЦК Компартии республики в Беломорск. Разместиться они должны были в здании Управления Кировской железной дороги, которое переводилось в Кемь¹⁹. В Беломорске находился штаб Карельского фронта, там начиналась Обозерская ветка железной дороги, что позволяло иметь связь с центральными районами страны.

Для размещения органов власти, обеспечения жильем их сотрудников была проведена «разгрузка» Беломорска: все детское население вместе с матерями было выселено за пределы республики, все районные организации переведены за пределы города, в большинстве в Сумпосад и Нюхчу, а те организации,

пробывание которых в районе не вызывалось необходимостью, переводились в Кемь²⁰. Еще раньше, в сентябре, из Беломорска было выселено все подучетное население – 324 семьи в количестве 792 человек. Для уточнения количества оставшегося населения и выявления лиц, проживающих без прописки, была произведена перепрописка жителей Беломорска²¹.

Из-за недостатка жилых помещений часть семей руководящих работников организованным порядком была вывезена в тыловые районы страны. Об этом свидетельствует удостоверение, выданное Н. И. Мезевецкому: «является сопровождающим семей сотрудников ЦК, следующих в северо-восточные районы СССР. Просьба ко всем организациям оказывать т. Мезевецкому необходимое содействие. Секр. ЦК – Варламов»²².

Для снабжения руководящих партийных и советских работников продуктами питания наркомун торговли предписывалось открыть в Беломорске один магазин закрытого типа. Список сотрудников, который обеспечивался им, должен был согласовываться с Ивановым – заместителем председателя Совнаркома республики.

В конце 1941 г. во властных структурах в Беломорске произошел конфликт. Дело в том, что бывший председатель Петрозаводского горисполкома Балагуров был назначен председателем Беломорского горисполкома. Это вызвало недовольство местных чиновников, поскольку часть из них была переведена на нижестоящие должности. Их места заняли работники из Петрозаводска. Жалобу беломорских работников поддержал секретарь Президиума Верховного Совета Вакулькин, считавший, что поскольку местных жителей и петрозаводчан в городе примерно поровну, то смещения работников в Беломорском горсовете производить не следовало бы.

Фактически, по словам Балагурова, петрозаводчане составляли 60 % населения Беломорска. Балагуров объяснял, что при назначении его и. о. председателя Беломорского горисполкома Г. Н. Куприянов, первый секретарь ЦК КП(б) КФССР и член Военсовета Карельского фронта, дал задание сохранить петрозаводские кадры. Кроме того, он отмечал, что в условиях

войны часть беломорских работников не справляется со своими обязанностями: город запущен, утопает в нечистотах, на зиму не обеспечен топливом, до полного развала доведены городская больница, торговля, общественное питание, не работает баня и т. п.

За время действия новых городских властей, т. е. до января 1942 г., было заново создано коммунальное хозяйство, создана ремонтная контора с 200 рабочих, оборудованы 4 столовые, открыта гостиница, заново организовано Горжилуправление и наведен порядок с эксплуатацией жилого фонда и т. п.²³ Официально в состав исполнительного комитета Беломорского горсовета Ф. В. Балагуров, Н. А. Дильденкин и Д. С. Кудрявцев были введены решением Президиума Верховного Совета КФССР только 18 августа 1942 г.²⁴

Органами власти были эвакуированы в тыловые районы СССР 293 предприятия, из которых на конец 1941 г. 124 уже приступили к работе. Только на вывоз оборудования потребовалось 6 553 вагона. Были эвакуированы 536 тыс. человек населения из 718 тыс. проживавших в республике до войны²⁵, судами Беломоро-Балтийского пароходства через Петрозаводск вывезено 180 тыс. человек, всего – 321 тыс. Кроме этого, пароходство перевезло 210 тыс. тонн груза²⁶.

Государственным, партийным, хозяйственным органам Карелии в первые военные полгода приходилось постоянно менять свое местопребывание, а это нарушало связь, контакты с местными органами власти, затрудняло управление республикой. Тем не менее властные структуры Карело-Финской ССР вполне достойно справились с труднейшими задачами военного времени.

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-8. Оп. 1. Д. 276. Л. 3.

² Там же. Д. 277. Л. 10.

- ¹ Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 1983. С. 49–50.
- ⁴ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 282. Л. 1–2.
- ⁵ По обе стороны Карельского фронта : документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 85.
- ⁶ Там же. С. 181
- ⁷ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 289. Л. 19–22.
- ⁸ Там же. С. 181.
- ⁹ Там же. Д. 276. Л. 54, 57.
- ¹⁰ Там же. Ф. 460. Оп. 1. Д. 447. Л. 23.
- ¹¹ Там же. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 51. Л.1.
- ¹² Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 282. Л. 65.
- ¹³ Там же. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 47. Л. 33.
- ¹⁴ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 282. Л. 87.
- ¹⁵ Там же. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 53. Л. 17.
- ¹⁶ Советы Карелии, 1917 – 1992 : документы и материалы. Петрозаводск, 1993. С. 215. Док. № 164.
- ¹⁷ НА РК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 47. Л. 40.
- ¹⁸ Там же. Л. 44.
- ¹⁹ По обе стороны Карельского фронта. С. 122.
- ²⁰ НА РК. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 282. Л. 130.
- ²¹ Там же. Л. 99.
- ²² Там же. Д. 276. Л. 58.
- ²³ Там же. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 97. Л. 6.
- ²⁴ Там же. Д. 98. Л. 94.
- ²⁵ По обе стороны Карельского фронта. С. 180–181.
- ²⁶ НА РК. Ф. 1394. Оп. 7. Д. 61. Л. 49.
-
-
-

Е. В. Меньшикова,
преподаватель ПетрГУ
(Петрозаводск)

РАЗМЕЩЕНИЕ И ПРОЖИВАНИЕ ЭВАКУИРОВАННЫХ ЖИТЕЛЕЙ КАРЕЛИИ В АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Во время Великой Отечественной войны в Карелии возникла необходимость проведения эвакуации. В связи с близостью фронта и наступлением финской армии летом 1941 г. население республики вывозилось в тыловые районы страны. Жители Карелии нашли приют в различных областях и республиках СССР. Всего за годы войны было эвакуировано 530 тыс. человек. Достаточно большое количество жителей КФССР были размещены в соседних областях, в том числе и в Архангельской области.

Архангельская область непосредственно граничит с Республикой Карелия. В годы войны эвакуация населения КФССР в Архангельскую область проводилась по железной дороге. Осенью 1941 г., после оккупации противником участков дороги Свирь – Масельгская, эвакуация проходила по северному участку железной дороги. Здесь значительную роль сыграла железнодорожная линия Сорокская – Обозерская. Также население вывозили в Архангельскую область автомобилями и подводами через Пудожский район КФССР. Всего за годы войны в Архангельскую область были эвакуированы 35 тыс. жителей Карелии¹. Помимо эвакуированных из КФССР, в Архангельскую область

прибывало население из Ленинграда, Мурманской области, Прибалтики и других регионов СССР. К августу 1942 г. в Архангельской области насчитывалось 75 тыс. эвакуированных².

Приезжающих людей необходимо было расселить и обеспечить самым необходимым. В связи с этим 23 августа 1941 г. Архангельский обком ВКП(б) и исполком облсовета приняли постановление «О расселении эвакуированных граждан с прифронтовой полосы». В сентябре было принято постановление «Об эвакуированном населении из прифронтовой полосы»³. Расселением эвакуированных и обустройством их в новых местах занималось Управление по эвакуации населения по Архангельской области.

Для приема эшелонов с эвакуированным населением в Архангельске, Вельске и Котласе были созданы эвакуопункты. Здесь приезжающие получали питание и ждали дальнейшей отправки. Первые железнодорожные составы с эвакуированным населением из Карелии стали приходить в июле 1941 г. Для размещения эвакуированных были определены следующие районы: Вельский, Устьянский, Шенкурский, Ровдинский, Виноградовский, Красноборский, Велико-Тоемский, Сольвычегодский, Котласский⁴. В дальнейшем жители из КФССР были размещены практически во всех районах Архангельской области. Наибольшее число эвакуированных из Карелии, по данным на 19 января 1943 г., проживало в Ленском (4414 чел.), Устьянском (4498 чел.), Няндомском (3811 чел.), Вельском (2620 чел.), Вилегодском (2618 чел.), Ровдинском (2023 чел.), Коношском (1895 чел.) районах⁵.

На местах, куда направлялись эвакуированные для проживания, должны были проводиться работы для размещения приезжающих. Так, 5 июля 1941 г. в докладной записке уполномоченного Архангельского облисполкома говорилось о подготовке Велико-Тоемского района к приезду эвакуированных. В районе были подготовлены 420 квартир, еще 723 нуждались в ремонте⁶. Но не во всех районах ремонт жилых помещений велся оперативно. Так, по итогам проверки жилищно-бытовых условий эвакуированных в апреле 1942 г. уполномоченными

Верховного Совета КФССР были выявлены следующие факты. В Няндомском районе некоторые эвакуированные проживали в малопригодных и даже непригодных для жилья квартирах. В Лимьском сельсовете Няндомского района в двух небольших домах, имеющих по одной комнате, размещено в одном случае 9 семей эвакуированных (24 чел.), в другом – 7 семей (20 чел.), хотя в селе было достаточно свободной жилой площади. Дома и отдельные комнаты, в которых проживали эвакуированные, были холодные, с постоянно возникающими проблемами с печным отоплением, у некоторых приезжих не было самых необходимых предметов домашнего обихода. Например, стола или ведра для воды, в результате воду для питья из реки носили небольшими баночками⁷.

Положение несколько улучшилось после принятия 13 сентября 1941 г. постановления СНК СССР «О строительстве жилых помещений для эвакуированного населения», где предлагалось строить жилища упрощенного типа: общежития, бараки, полуземлянки и т. д.⁸ В Архангельской области 5 октября 1941 г. исполкомом Архангельского облсовета было принято постановление «О строительстве жилищно-коммунальных помещений для эвакуированного населения». Согласно этому постановлению практически во всех районах области началось строительство общежитий и бань для приезжих. Но, несмотря на принятые меры, строительство велось достаточно медленно. В июне 1942 г. на заседании исполкома Архангельского облсовета обсуждался вопрос о проведении строительных работ на местах. Во многих районах объем работ не превышал 50 %, а в Велико-Тоемском, Коношском, Приозерном районах к строительству еще не приступили⁹.

Не менее остро стоял вопрос обеспечения эвакуированных продовольственными и промышленными товарами. В условиях военного времени продовольственное снабжение осуществлялось по карточной системе. Также большую помощь оказывали средства, собранные в ходе проведения месячников помощи.

Так, в Вельском районе в 1943 г. было собрано 87 424 руб., 6382 кг зерна, 4425 кг картофеля, необходимые вещи и обувь¹⁰.

Проводилась работа по трудоустройству приезжающих в Архангельскую область. В основном жители Карелии устраивались на работу в колхозы и на лесозаготовки. Также необходимо было устроить детей в детские сады и школы, к тому же в области достаточно много было детей-сирот. Здесь возникало немало трудностей. Школы часто находились далеко, в зимнее время у детей не было обуви и теплой одежды, многие не могли ходить в школы из-за состояния здоровья. Для детей карельской и финской национальности трудно было найти учителей, знающих финский или карельский язык. Поэтому преподавание в школах велось на русском языке. Всего за годы войны в Архангельской области в детские дома было устроено 4240 детей, в детские сады и ясли – более 60 тыс., усыновлено – 1300 детей¹¹.

Несмотря на проделанную работу в рамках оказания помощи в обустройстве эвакуированных жителей, встречалось немало фактов нерасторопности и нежелания местных представителей власти решать бытовые проблемы приезжающего населения. Так, в докладной записке уполномоченного облисполкома Архангельской области упоминались недочеты, связанные с обустройством эвакуированных в Приозерном районе. Здесь на 1 января 1942 г. проживали 3273 эвакуированных, в основном из КФССР. Снабжение продовольственными товарами проходило по линии сельпо, эвакуированные получали 400 г хлеба на человека, но бывали случаи, когда выдавали 200 или 300 г. В некоторых сельсоветах эту норму выдавали зерном, иногда люди не получали хлеб в течение 2–3 дней. Других продовольственных продуктов не выдавали. В связи с этим эвакуированные вынуждены были менять свои вещи на овощи у местного населения¹².

В Устьянском районе в 1943 г. в ходе проверки жилищно-бытовых условий эвакуированных было выявлено следующее: «председатели колхозов отказываются выдавать лошадей для подвозки дров, в отдельных колхозах не разрешают приезжим

пользоваться банями, медицинская помощь организована плохо, медицинские работники на вызова не приходят, есть случаи, когда районная больница отказалась принимать эвакуированных на лечение...»¹³.

Схожие проблемы можно встретить в письмах и жалобах жителей Карелии, которые поступали и в Архангельский облисполком, и в Верховный Совет КФСР. Многие из них достаточно эмоциональны, что свидетельствует об очень тяжелом положении некоторых семей, оказавшихся в эвакуации. Например, в письме Э. К. Лахти и И. И. Лахти написано следующее: «Наша жизнь здесь приближается к смерти, т. к. нам обоим почти 70 лет и мы не можем работать в лесу или на железной дороге, которую предлагают здесь... Мы, кроме как 400 г черного хлеба, больше ничего не получаем, и купить ничего нельзя, всё, что было у нас, – всё обменяли на пищу...»¹⁴. Многие жаловались на грубость работников сельпо, на то, что многие продукты, предназначенные для эвакуированных, распределяются между своими служащими.

Таким образом, жители Карелии, оказавшись в Архангельской области, столкнулись с целым комплексом проблем при обустройстве на новом месте жительства. Наиболее важные из них – это жилье, обеспечение продуктами питания и промышленными товарами, устройство на работу. Представители местной власти стремились разрешить данные трудности, но не всегда это получалось. Тому были объективные причины: трудности военного времени, большой приток эвакуированного населения в область, а также субъективные факторы.

¹ Макуров В. Г. Эвакуированное население Карелии на Европейском Севере России (1941–1945 гг.) // Карелия, Заполярье и Финляндия в годы Второй мировой войны : тезисы докладов международной науч. конф. (6–10 июня 1994 г.). Петрозаводск, 1994. С. 39.

² Николенко А. В. Социальная защита эвакуированного населения, 1941–1945 гг. : (на материалах Архангельской области) // Военно-исторический журнал. 2010. № 7. С. 35.

³ Там же. С. 35.

⁴ Государственный архив Архангельской области (далее – ГА АО). Ф. 1133. Оп. 1. Д. 47. Л. 5.

⁵ Там же. Д. 113. Л. 110.

⁶ Там же. Д. 47. Л. 30

⁷ По обе стороны карельского фронта : документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 215.

⁸ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.) : сб. документов за 50 лет. Т. 3 : 1941–1952 гг. М., 1968. С. 50.

⁹ ГА АО. Ф. 1133. Оп. 1. Д. 46. Л. 46.

¹⁰ Архангельская область в годы Великой Отечественной войны : сб. документов. Архангельск, 1975. С. 162.

¹¹ Николенко А. В. Социальная защита эвакуированного населения, 1941–1945 гг. С. 36.

¹² ГА АО. Ф. 2063. Оп. 1. Д. 1483. Л. 17.

¹³ Национальный архив Республики Карелия. Ф. 1215. Оп. 1. Д. 99. Л. 78.

¹⁴ Там же. Ф. 1394. Оп. 3. Д. 66/493. Л. 217.

Е. С. Сенявская,
*д-р ист. наук, профессор, ведущий научный сотрудник
Института российской истории РАН,
лауреат Государственной премии РФ,
действительный член Академии военных наук,
член Союза писателей России
(Москва)*

**«ПОГИБ ГЕРОЙСКИ.
НАГРАЖДЕН ПОСМЕРТНО»:
судьба майора П. Д. Нужа и его ордена.
История одного поиска**

С раннего детства я слышала рассказы отца, Спартак Леонидовича Сенявского, о Карельском фронте, о его боевых товарищах, павших и живых. Но из многих образов отцовских однополчан мне особенно запомнился майор Нужа, заместитель командира танкового полка по строевой части.

Я писала о нем сочинения. Стихи, ему посвященные, еще будучи школьницей, опубликовала в газете «Красная Звезда» 17 декабря 1983 г.

Я представляла этого человека пожилым, суровым, седым, потому что он был «гораздо старше» отца, относился к нему по-отечески, называл «сынок», а однажды чуть не выпорол сгоряча юного взводного за необдуманнный риск, мальчишескую браваду.

Лишь много лет спустя, в 1991-м, когда моего отца уже не было в живых, работая в ЦАМО над делами частей, в которых он служил, я узнала, что «пожилому» майору в июне 44-го

исполнилось 32 года. Но отцу, тогда 20-летнему, он казался почти стариком.

Карельский фронт. Медвежьегорское направление. 90-й отдельный линейный танковый полк действует в составе 32-й армии. 21 июня 1944 г. после короткого огневого налета артиллерии войска армии переходят в наступление. В этот день отличился в бою Петр Денисович Нужа.

Из краткого описания боевых эпизодов по действию 90-го отдельного танкового полка в преследовании и наступлении:

21-го июня рота танков капитана т. Осинцева с десантом пехоты, преследуя отступающего противника, отойдя 9 км от разъезда 13-й в направлении на Шарвары, встретила огневое сопротивление противника в районе безымянной речки. Танки с десантом, вырвавшись вперед боевого порядка пехоты, ведя с ходу огонь из орудий и пулеметов, подошли к мосту через безымянную речку. С головного танка было замечено, как группа финнов подожгла бикфордов шнур у моста. Мост с секунды на секунду должен был взлететь на воздух от заложенного фугаса. Оценив положение, командир головного танка – заместитель командира полка майор т. Нужа... на большой скорости проскочил мост на своем танке, а за ним еще два танка. Перед четвертым танком мост взорвался, но это не остановило мужественных танкистов. Взвод танков (три танка) ворвался в расположение противника, ведя интенсивный огонь с ходу, нанес ему значительные потери и не дал возможности закопать мины, подготовленные для минирования дороги. Рота пехоты противника была частью перебита и частью рассеяна по лесу. Огнем из танка была подбита грузовая автомашина, на которой группа финнов пыталась уйти от преследования. В этом коротком бою было уничтожено до 60 человек маннергеймовцев и взято 4 пленных. Кроме того, взяты трофеи: велосипеды, до 70 пар сапог, винтовки, автоматы и др. вооружение. ВЫВОД: Смелое решение майора т. Нужа обеспечило частям дивизии быстрое продвижение по не заминированным дорогам до сильно укрепленного рубежа, проходящего по р. Остер¹.

О другом эпизоде, случившемся несколько дней спустя, мне рассказывал отец.

После неудачной атаки два наших подбитых танка остались на нейтральной полосе, простреливаемой финским снайпером. Возле них находился мой отец. Рация не работала. Майор Нужа посылал к нему связных, чтобы передать приказ, но никто не сумел добраться. Они передвигались, как положено по уставу, короткими перебежками, но в тот момент, когда приподнимались для очередного броска вперед, снайпер «снял» их выстрелом в голову. Связной, которого послал мой отец, тоже погиб. На нейтральной полосе лежало уже несколько убитых. Тогда отец побежал сам – во весь рост, зигзагами, не «по правилам». Снайпер, пристрелявшийся к «коротким перебежкам», сориентировался не сразу. Пули свистели то у одного виска, то у другого, но ни одна не достигла цели.

Когда отец добрался до своих, майор Нужа, видевший его личачество и сильно переживавший за «сынка», схватился за ремень: «Мальчишка! Тебе что, жить надоело?! Выпорю!» Когда Петр Денисович успокоился – стал объяснять задачу: следовало узнать, насколько повреждены танки, можно ли их починить своими силами на «нейтралке» или придется оттащить к нашим позициям тягачом. Когда отец собрался бежать обратно, Нужа запретил ему и послал сержанта. Услышав приказ, тот сильно побледнел. Заметив его страх, Петр Денисович приказал: «Отставить!» – и пополз сам...

Так рассказывал мне отец. Позднее, в наградном листе на майора я нашла описание именно этого случая:

В боях с белофинскими захватчиками т. Нужа личным примером бесстрашия и выдержки побуждал своих подчиненных к отваге и мужеству. Так, после танковой атаки 23.06.44 г. в районе безымянного озера кв. 9060 было оставлено два подбитых танка на нейтральной зоне. Майор Нужа под огнем противника подполз к этим танкам и определил размеры повреждения их...²

Петр Денисович берег людей и всегда охотнее рисковал сам, чем посылал на смерть других. Поэтому его так любили

подчиненные. И в документах справедливо отмечалось, что «майор Нужа – один из наиболее скромных и заботливых офицеров полка»³.

Погиб майор через три дня, на рекогносцировке, на глазах у моего отца. Они стояли рядом. В центре – Нужа, справа – ротный, слева – отец, командир разведвзвода. Сверялись по карте с местностью. Вдруг майор начал падать – беззвучно. Грохот взрыва донесся потом. Осколки мины пришили на ствол березы. Только один отклонился в сторону. И ударил прямо в сердце майора.

В полку говорили: «Легкая смерть». Слабое утешение. Но на войне, где всякая смерть привычна, где судьба танкиста – обгорелые кисти рук на рычагах подбитой машины, мерки иные.

В архиве, изучая документы из личного дела Нужа, я узнала, что он погиб на следующий день после своего 32-го дня рождения.

Из наградного листа:

С началом преследования противника, находясь непрерывно с передовыми подразделениями полка, майор Нужа принимал участие в боях непосредственно в составе танкового экипажа как командир атакующей группы танков. Убит 26 июня 1944 г. в боях за населенный пункт Медвежья Гора⁴.

Из приказа командира 90-го отдельного танкового полка № 46 от 26.06.1944 (по строевой части):

В 12:30 26.06.44 г. в бою за поселок Медвежья Гора при выходе из танка для рекогносцировки местности погиб смертью храбрых зам. командира полка по строевой – майор Нужа Петр Денисович и тяжело ранен командир 2-й роты капитан Осинцев Иван Андреевич. Указанных лиц исключить из списков части и со всех видов довольствия с 26.06.44 г.⁵

Документы свидетельствуют: бой, в котором погиб майор Нужа, был нашими частями выигран, поселок Медвежья Гора от противника освобожден. В оперативной сводке Совинформбюро за 26 июня 1944 г. сообщалось:

Севернее Онежского озера наши войска, продолжая развивать наступление к западу и югу от города Медвежьегорск, продвинулись до 30 километров и заняли населенные пункты Карельская Масельга, Лосиная Гора, Медвежья Гора, Пергуба и железнодорожные станции Уница, Кяппесельга (на Мурманской железной дороге)⁶.

В именном списке безвозвратных потерь офицерского состава БТ и МВ 32-й армии за период с 20 по 30 июня 1944 г. и в извещении от 30 июня 1944 г. жене погибшего указано, что майор П. Д. Нужа похоронен с отданием воинских почестей в 5 км северо-восточнее поселка 2-я Кумса по дороге на поселок Медвежья Гора Медвежьегорского района Карело-Финской ССР, слева от дороги, кв. 8244⁷.

Приказом войскам 32-й армии № 0283 от 4 июля 1944 г. за передачу своего боевого опыта и хорошую боевую выучку личного состава, за личную отвагу и мужество, проявленные в боях с белофинскими захватчиками, майор Нужа награжден орденом Отечественной войны I степени посмертно⁸.

20 мая 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ об учреждении ордена Отечественной войны, в статуте которого был пункт о передаче ордена на хранение семьям погибших. Под действие этого пункта попала и награда Нужа. Вряд ли это было случайностью. Те, кто награждал майора посмертно, хотели оставить семье память о нем. Другие награды полагалось сдавать государству, эта становилась реликвией. Вот и отец утверждал, что орден Отечественной войны был выбран для награждения его погибшего командира именно с такой целью, и это решение было встречено в полку с большим одобрением.

12 июля 1944 г. командующий БТ и МВ 32-й армии гв. полковник Чернояров направил письмо вдове покойного – Е. Т. Мозгуновой:

Дорогая Евгения Трофимовна!

Ваш муж – заместитель командира части майор Нужа Петр Денисович как верный сын Социалистической Родины, проявив

геройство, отвагу и мужество, погиб в боях с фашистскими захватчиками 26 июня 1944 г., за что командованием посмертно награжден орденом Отечественной войны первой степени.

Выражая Вам и Вашей семье глубокое соболезнование по поводу тяжелой, нашей общей утраты, от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, вручаю Вам как самую дорогую для Вас память о муже-герое его орден Отечественной войны I степени.

Все бойцы и командиры части, в которой служил Ваш муж, поклялись жестоко отомстить за него врагу⁹.

Сам орден № 43223 и временное удостоверение № Б-255748 вместе с сопроводительным письмом 13 июля 1944 г. были отправлены председателю исполкома Целинского районного Совета депутатов трудящихся Ростовской области – для вручения семье погибшего «на хранение как память»¹⁰. Однако 27 июля из райисполкома пришел ответ, что жена Петра Денисовича умерла в мае 1944 г. (он так и не успел об этом узнать). Остался сын покойного – Нужа Анатолий Петрович, 5 лет, которого определяют в спецдетдом, и «до совершеннолетия сына орден и временное удостоверение будут храниться в спецчасти... райсовета»¹¹. На этом письме 13 августа 1944 г. полковник Черноярков оставил резолюцию: «Нач. штаба. Заготовить ответ о получении письма и напомнить, что при замене врем. удостоверений после войны на орденские книжки райсовет должен позаботиться и сделать все, что требуется для этого»¹².

Об этой истории, осиротевшем Толике Нужа и ордене его отца, я рассказала в статье «А в памяти нет тишины...» на страницах газеты «Красная звезда» в рубрике «Поиск» 8 мая 1991 г., призывая его откликнуться и задавая вопросы: Кем он стал? Что известно ему об отце? И получил ли он орден, достигнув совершеннолетия?

Откровенно говоря, надежды, что найдется кто-то из родственников майора Нужа, было мало. Но в конце мая в редакцию пришло сразу два письма – от двоюродной сестры Петра

Денисовича и от жены его сына, который в это время был в командировке. Завязалась переписка. Я выслала Анатолию Петровичу копии всех документов о его отце, которые мне удалось собрать в архиве. Узнала, как сложилась судьба его самого после смерти родителей, а главное – выяснила, что отцовский орден он так и не получил и даже не знал о его существовании.

Тогда с помощью Совета ветеранов Карельского фронта я начала поиск затерявшегося ордена.

Все копии официальной переписки направлялись сыну майора Нужа, который 28 июля 1991 г. прислал нам письмо:

Многоуважаемый Совет ветеранов Карельского фронта!

Ваше письмо о награждении моего отца – майора Нужа Петра Денисовича – орденом Отечественной войны I степени (посмертно) получил. Также получил копии документов из Центрального архива МО СССР.

Сердечно благодарен всем принявшим участие в этом розыске и поиске всех документов.

Никогда не забуду ваше участие, передам память об отце детям и внукам.

*Желаю вам всем самого доброго и прежде всего здоровья!
Успехов в вашем благородном деле!*

Ваш А. Нужа.

В июне – июле 1991 г. от имени Совета ветеранов было отправлено несколько писем – председателю исполкома Целинского районного Совета народных депутатов Ростовской области и военному комиссару Целинского райвоенкомата Ростовской области. 31 июля 1991 г. на наш запрос ответили, что «в Целинском райисполкоме этого ордена нет. Он возвращен в отдел

наград Президиума Верховного Совета СССР», куда нам «надо обратиться, чтобы довести благородное дело до конца»¹³.

Следующее наше письмо – от 16 августа – было направлено в Кремль. На него 13 сентября 1991 г. под № 21–26 из отдела наград Секретариата Верховного Совета СССР поступил следующий ответ: «Сообщаем, что Ваше письмо о передаче ордена Отечественной войны I степени погибшего в период Великой Отечественной войны офицера НУЖА П. Д. его сыну направлено в Главное управление кадров Министерства обороны СССР вместе с сообщением о том, что орден Отечественной войны I степени № 43223 поступил в отдел наград 8 декабря 1954 года»¹⁴.

30 сентября 1991 г. из Главного управления кадров Министерства обороны СССР сообщили, что письмо Совета ветеранов Карельского фронта по вопросу передачи ордена семье награжденного рассмотрено положительно и ГУК МО СССР просит отдел наград Секретариата Верховного Совета СССР выслать в его адрес «орден Отечественной войны I степени № 43223, которым был награжден майор НУЖА Петр Денисович, для передачи его сыну – НУЖА Анатолию Петровичу для хранения как память»¹⁵.

14 ноября орден и орденская книжка к нему были высланы отделом наград Секретариата ВС СССР начальнику 5-го Управления ГУК МО СССР с просьбой организовать их передачу сыну награжденного, а отчет о вручении награды направить в адрес отдела¹⁶.

22 ноября Совет ветеранов Карельского фронта направил еще одно письмо – в г. Ростов-на-Дону, в Управление кадров Северо-Кавказского военного округа, которому было поручено организовать вручение ордена по месту жительства А. П. Нужа, с просьбой «провести церемонию вручения награды в торжественной обстановке, с привлечением членов его семьи и желательно с освещением в местной печати»¹⁷.

И вот в конце декабря мне пришла открытка от самого Анатолия Петровича:

Дорогая Елена Спартакoвнa!

Сeгoднeя, 20 дeкaбрeя, пoлучил в вoeнкoмaтe oрдeн oтцa!

Кoнeчнo, этo стaлo вoзмoжным блaгoдaря Вaшим стараниям и рeдкoй зaбoтe. Сeрдeчнo блaгoдaрю Вaс, вceх, ктo пoмoг в этoм. Сoвeту вeтeрaнoв – тoжe блaгoдaрнoсть oт мeня и вceй сeмьи. Буду хрaнить вcю жизнь...

С уважeниeм, А. Нужa¹⁸.

Эта история завершилась на самом излете советской эпохи – за шесть дней до распада СССР, что лично мне представляется глубоко символичным. Мы успели «вскочить в последний вагон уходящего поезда». Во вновь образованном государстве, с разрушенной старой и еще не выстроенной новой иерархией чиновничьих структур, судьба моего поиска могла и не увенчаться успехом. И кто знает, на каком блошином рынке в лихие 90-е гг. мог оказаться орден майора Нужа...

Сегодня я отношусь к этому эпизоду своей жизни не только как к поиску семьи однополчанина моего отца или удачному розыску неврученной награды, не только как к долгу перед Памятью, но и как к бесценному научному опыту.

Более 20 лет назад, мне, тогда еще аспирантке, удалось провести уникальное исследование в жанре «микроистории», сопоставив освещение одних и тех же событий в разных источниках – официальных документах, отложившихся в военном архиве, и устных воспоминаниях одного из участников. Подобная историко-психологическая реконструкция прошлого, с учетом всех разночтений и нюансов в восприятии и передаче информации, позволила мне как начинающему ученому сформировать и критический подход к документам, и пристальное внимание к мелким деталям, и ту глубину сопереживания, погружения в «предмет изучения», которые предопределили мой дальнейший научный путь, заложили понимание того, что

сегодня называется исследованием «человека в экстремальных условиях войны». Таким образом, летнее наступление 1944 г. на одном из участков Карельского фронта, судьба майора Нужа и его ордена оказались у истоков формирования новой отрасли исторической науки – «военно-исторической антропологии».

¹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 387. Оп. 0680. Д. 18. Л. 138–139.

² Там же. Оп. 8660. Д. 94. Л. 210.

³ Там же. Л. 210.

⁴ Там же. Л. 210.

⁵ Там же. Ф. 90 олтп. Оп. 179510с. Д. 5. Л. 23 об.

⁶ Там же. Ф. 387. Оп. 8685. Д. 8а (газета 32-й армии «Боевой путь», 28 июня 1944 г.). Л. 3 об.

⁷ Там же. Оп. 8680. Д. 26. Л. 23, 30; Ф. 90 олтп. Оп. 179510с. Д. 7. Л. 122.

⁸ Там же. Оп. 8660. Д. 94. Л. 210.

⁹ Там же. Оп. 8680. Д. 26. Л. 30.

¹⁰ Там же. Л. 31, 43; Оп. 8660. Д. 83. Л. 498, 539.

¹¹ Там же. Оп. 8680. Д. 26. Л. 43.

¹² Там же.

¹³ Переписка по поводу ордена майора П. Д. Нужа. Личный архив.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

М. Б. Марков,
соискатель кафедры отечественной истории ПетрГУ
(Петрозаводск)

ИЗМЕНЕНИЯ ИДЕЙНЫХ ОСНОВАНИЙ СОВЕТСКОЙ ПРОПАГАНДЫ СРЕДИ ВОЙСК КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Любая пропаганда всегда стоит на определенных идейных основаниях, которые необходимо донести до масс и сделать руководством к действию. Советская пропаганда до войны строилась в первую очередь на марксистских положениях о классовой борьбе.

Соответственно пропаганда строилась вокруг двух главных тезисов: во-первых, нападение на СССР приведет к массовым выступлениям трудящихся в стране-агрессоре, которые, скорее всего, приведут к краху правительства. Во-вторых, в силу превосходства советского общественно-экономического строя Советского Союза над любой страной РККА тоже будет мощнее любой вражеской армии и в техническом и в морально-психологическом плане.

Нельзя сказать, что все пропагандистские утверждения не имели никаких оснований, но неизбежное огрубление и упрощение марксистских идеологием для их массового распространения привело к тому, что среди масс населения окрепла уверенность в легкой победе над любым противником. Многие молодые красноармейцы считали, что стоит им прокричать пра-

вильные лозунги и напомнить немецким солдатам о классовой солидарности, как те сразу же сдадутся.

Естественно, что первые же поражения в начавшейся войне вызвали большой кризис в области политической работы¹. Связан он был с тем, что формы политработы мирного времени были плохо приспособлены для агитации на фронте, но главным оказалось то, что было подорвано доверие к идейным основаниям пропаганды.

Для того чтобы вернуть доверие пропаганде и обеспечить мобилизацию на борьбу всех слоев населения, в советскую идеологию стали вносить значительные изменения. Акцент в пропаганде стали делать на патриотизме, зачастую апеллируя к национальным чувствам русского народа. Однако процесс этих изменений был долгим, сложным и отнюдь не являлся простым возвращением к некоему «естественному» состоянию национального патриотизма. Рассмотрим подробнее развитие этого процесса на примере агитационно-пропагандистской работы в войсках Карельского фронта.

Изначально, летом – осенью 1941 г., пропаганда говорила именно о защите социальных завоеваний Октябрьской революции². Пропагандисты утверждали, что немцы хотят возродить дореволюционные порядки, реставрировать абсолютизм и вернуть собственность старым хозяевам. В газете «Героический поход» по этому поводу была помещена соответствующая карикатура, изображавшая Гитлера в виде повара, который готовил для СССР «царя и митрополита»³. Очевидно, что пропаганда старалась использовать клише, связанные с негативным образом дореволюционной действительности. Однако для большинства бойцов, родившихся в советский период, она была достаточно мифологизирована и неконкретна.

Однако вскоре, после того как стал ясен характер оккупационного режима, пропагандисты начали говорить, прежде всего, о выживании народа в целом, апеллируя не к классовой сознательности, а к патриотизму. При этом пропагандисты никогда

не забывали подчеркнуть социальную обусловленность патриотических чувств.

Так, в газете «В бой за Родину» в январе 1942 г. в статье с характерным названием «Великая идея защиты Отечества» подчеркивалась именно социально-классовая обусловленность патриотизма. «В процессе упорной и напряженной борьбы народы нашей страны завоевали свое Отечество для строительства нового общества»⁴.

Схожие мотивы можно найти и в других материалах, например в статье «Артисты Урала в гостях у гвардейцев»⁵, в которой описана постановка пьесы «Человек с ружьем». Герой пьесы, встречаясь с Лениным, на вопрос, будет ли он воевать, отвечает так: «За Дарданеллы? – Нет!»⁶. Тогда Ленин объясняет ему, что воевать он будет не за интересы буржуазии, а за свои собственные.

Можно видеть, что общий посыл этих статей оставался одинаковым на протяжении всего периода войны: социальные завоевания являлись основой патриотизма, а их корень – в природе государства. Статья 1943 г. «Источник нашей силы», помещенная в газете «Красноармейский удар», содержала еще более конкретизирующие эти положения высказывания: «Прежде бесправный раб, пролетарий, став хозяином своей страны, создал мощную промышленность... Прежде вековечный горемыка, живший на грани нищеты крестьянин, став хозяином своей земли, построил социалистическое сельское хозяйство»⁷.

Однако пропаганда не только обращалась к общим лозунгам, но и раскрывала сущность патриотизма на примере конкретных людей. Так, автор одной из статей говорит о том, что его Родина празднует свое 25-летие⁸, т. е. сражается он исключительно как патриот СССР, а не некой абстрактной России. Схожие примеры встречаются и в других материалах. Такова, например, статья «Отличник»⁹, помещенная в газете «Красный воин» в декабре 1941 г. Описывая жизнь героя до революции, пропагандисты не жалели черных красок и постоянно подчеркивали то, что он работал на чужого человека, создавая ему прибыль, а сам

оставался за чертой бедности. После революции у героя статьи впервые появилась возможность работать в колхозе на себя и значительно улучшить свое материальное положение. Естественно, такой человек стал горячим патриотом СССР.

Те же мотивы прослеживаются и в статье «Два поколения»¹⁰, в которой описана беседа командира со своими молодыми подчиненными. Он рассказывает им о том, как прошел путь от батрака до получения майорского звания.

Призывы к защите социальных завоеваний были вполне органично соединены с необходимостью защищать жизни родных и близких: «Ты любишь свой завод, свой колхоз, школу, улицу, сад. Немец замахнулся на все это, на весь Советский Союз»¹¹. При этом речь шла не только о защите своей семьи, но и о защите существовавшего до войны уклада жизни.

Вместе с тем пропагандисты в период войны активно использовали и национал-патриотическую риторику и значительно смягчали оценки дореволюционного периода в истории России. Особенно эти изменения проявились в области отношения к военной истории. Образовался своеобразный список дореволюционных военных и политических деятелей, которые упоминались пропагандой исключительно в положительном ключе. Период активного использования дореволюционных имен и образов военной прессой начался в декабре 1941 г., вскоре после известной речи И. В. Сталина 7 ноября, когда он обратился к солдатам Красной Армии: «Пусть вдохновляет вас в этой войне мужественный образ ваших великий предков – Александра Невского, Дмитрия Пожарского, Александра Суворова, Михаила Кутузова! Пусть осенит вас победоносное знамя великого Ленина!»¹².

Пропаганда с зимы 1941 г. по 1944 г. стала старательно проводить мысль о том, что иноземные захватчики, приходившие в Россию, всегда бывали жестоко биты независимо от господствовавших на тот момент социальных отношений. Больше того, начала подчеркиваться связь между Красной Армией и воинскими традициями дореволюционного периода. Казалось бы,

это полный отказ от интернационализма и классовых установок и возвращение к национал-патриотизму, но все не так просто.

Образы государственных деятелей, зарекомендовавших себя на военном поприще, в значительной мере очищены от классово-ой оценки; все, что не соответствовало прогрессивному образу, затушевано. Князья или цари, изображенные пропагандой, на определенный момент становились выразителями воли всего народа, происходило «опрокидывание» политики в прошлое, образы исторических деятелей осовременивались.

Осовременивались и события. Так, например, в материалах, посвященных военным победам Александра Невского и Дмитрия Донского, в качестве важной составляющей их армии упомянуто народное ополчение¹³. Это явно не соответствовало историческим реалиям, зато позволяло, с одной стороны, связать РККА с древней воинской традицией, а с другой стороны, показать, что войны выигрывал вооруженный народ.

Особенно ярко представления пропагандистов о роли народных масс в войнах проявились в статье, посвященной смутному времени: «В народе копился и зрел гнев. Готово было вспыхнуть возмущение... Князья и бояре, дрожа за свое личное благополучие, предали народ»¹⁴. Таким образом, при обращении к дореволюционной истории внимание, помимо выдающихся исторических деятелей, было направлено и на народные массы, позиция которых в конечном итоге определяла успех военного или государственного деятеля.

Кроме того, из пропаганды никогда полностью не уходили образы героев времен Гражданской войны, таких как М. В. Фрунзе¹⁵, А. Я. Пархоменко¹⁶ и Г. И. Котовский, о котором в 1942 г. был снят фильм.

Вместе с тем такое положение не было статичным, и уже в 1944 г. в пропаганду стали все активнее возвращать прежние классовые и социальные символы, подчеркивая разницу между РККА и дореволюционной армией. Примером такого подхода могла служить большая статья С. М. Буденного, опубликованная в период подготовки 122-й стрелковой дивизии к празд-

нованию годовщины создания Красной Армии. В своей статье «Красная Армия – детище советского народа»¹⁷ маршал писал, что РККА принципиально отличалась от всех армий Европы и царской армии. Он подчеркивал народный характер новой армии, где солдаты и командиры происходили из одного и того же социального слоя. Более того, Буденный особо отметил: «Социальный отрыв офицерского состава царской армии от солдат и унтер-офицерского состава превратился в социальную вражду. В подавляющем большинстве офицеры переметнулись на сторону контрреволюции и составили ядро ее армии»¹⁸. Такое заявление в значительной степени неверно, так как немалая часть офицерского корпуса царской армии сражалась за красных, и во многом благодаря усилиям старых военспецов РККА удалось добиться победы. Однако если рассматривать слова С. М. Буденного с точки зрения пропаганды, то они достаточно логичны, ведь ему необходимо было подчеркнуть отличие новой армии от старой и указать на первичность классовых интересов по отношению к национальным.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что на протяжении Великой Отечественной войны происходил достаточно сложный и неоднозначный процесс изменения идейных основ пропаганды, который принципиально не сводим к простой замене классовых лозунгов и символов на патриотические. Напротив, говоря о патриотизме, советская пресса постоянно подчеркивала его социальную природу. В свою очередь, обращаясь за примерами воинской доблести и удачных военных решений в дореволюционный период, пропагандисты старались оосовременить образы военачальников и князей, чтобы они не вызывали неприятия у красноармейцев. Более того, на завершающем этапе войны, по мере того как РККА приближалась к границам СССР, в пропаганде стала возрастать классово-социальная составляющая.

-
-
- ¹ Директива ГлавПУ РККА начальникам политуправлений фронтов, политотделов армий, комиссарам и начполиторганов о ликвидации запущенности в устной пропаганде и агитации // Русский архив : Великая Отечественная. Т. 17. М., 1996. С. 87.
 - ² Грудью отстоим завоевания Октября // Героический поход. 1941. 7 нояб. С. 1.
 - ³ Прямой наводкой // Героический поход. 1941. 2 окт. С. 2.
 - ⁴ Великая идея защиты Отечества // В бой за Родину. 1942. 22 янв. С. 1.
 - ⁵ *Слинько В.* Артисты Урала в гостях у гвардейцев // Страж Севера. 1942. 25 авг. С. 2.
 - ⁶ Там же.
 - ⁷ Источник нашей силы // Красноармейский удар. 1943. 6 дек. С. 1.
 - ⁸ *Горбатенко Н.* Я сражаюсь за Родину // За Родину. 1942. 7 нояб. С. 2.
 - ⁹ *Морозов Г.* Отличник // Красный воин. 1941. 13 дек. С. 2.
 - ¹⁰ *Кулешин Я.* Два поколения // Красноармейский удар. 1943. 2 дек. С. 2.
 - ¹¹ Грудью защищать сталинскую конституцию // Сталинский боец. 1942. 5 дек. С. 1.
 - ¹² *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1943. С. 37.
 - ¹³ Великие предки : Александр Невский // За счастье Родины : красноармейская газета. 1941. № 115. С. 2.
 - ¹⁴ Великие предки : Минин и Пожарский // Героический поход : красноармейская газета. 1941. № 143. С. 2.
 - ¹⁵ *Соколов П.* Михаил Васильевич Фрунзе // Красноармейский удар. 1943. 31 окт. С. 2.
 - ¹⁶ *Плыкин Н.* Александр Пархоменко // Страж Севера. 14 сент. С. 2.
 - ¹⁷ *Буденный С. М.* Красная Армия – детище советского народа // Героический поход. 1944. 16 февр. С. 2.
 - ¹⁸ Там же.
-
-

Е. Ю. Матвеева,

*главный специалист Национального архива Республики Карелия
(Петрозаводск)*

**МАТЕРИАЛЫ
НАГЛЯДНОЙ АГИТАЦИИ ПЕРИОДА
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
(из фондов Национального архива
Республики Карелия)**

В Национальном архиве Республики Карелия хранятся различные материалы наглядной агитации и пропаганды периода Великой Отечественной войны. В фондах архива можно найти плакаты, листовки, газеты и другие материалы, выпущенные как советской стороной, так и стороной боевого противника. Это фонды Президиума Верховного Совета КФССР, коллекция документов участников Великой Отечественной войны, штаба партизанского движения, Военного правления Восточной Карелии, Военного штаба Восточной Карелии и др. Эти материалы представляют, несомненно, большой интерес для исследователей истории Великой Отечественной войны.

В данной статье мы рассмотрим более подробно один из фондов архива – «Коллекцию материалов наглядной агитации периода Великой Отечественной войны», в научном описании которого приняла участие автор исследования. В отличие от других фондов Национального архива РК, содержащих подобные материалы, в этом фонде собрана уникальная коллекция стеновой рукотворной печати.

К сожалению, на сегодняшний день не сохранилось документально зафиксированной информации о том, откуда и когда попали в архив эти материалы. В архивном фонде нашего учреждения имеется информация, что сбором материалов стеной печати 1941–1945 гг. архивисты Карелии начали заниматься с момента освобождения в 1944–1945 гг. Долгое время документы хранились в фонде научно-справочной библиотеки архива и не были поставлены на учет в составе Архивного фонда РФ.

В 2004 г. дирекцией НА РК в преддверии празднования 60-летия Победы было принято решение о включении в состав Архивного фонда РФ материалов наглядной агитации и пропаганды периода Великой Отечественной войны, находящихся в архивохранилище научно-справочной библиотеки НА РК.

В ходе работы по формированию фонда пришлось решать и вопросы сохранности отложившихся документов в связи с тем, что большинство из них большого формата. Были проведены реставрационные работы, созданы специальные средства хранения.

В результате научно-технической обработки была создана архивная коллекция. Коллекция состоит из 154 единиц хранения за 1941–1954 гг. (496 документов), которые включены в две описи:

- в первую опись вошли материалы наглядной агитации КарелфинТАГа, к которым относятся «Окна КарелфинТАГа» (сохранилось 20 экземпляров «окон»), плакаты и политкарикулы;
- во вторую – боевые листки, «молнии» и стенные газеты организаций, учреждений и предприятий, действовавших на территории Карелии в 1941–1945 гг.

В Национальном архиве РК отложились документы КарелфинТАГа (ф. Р-189) за 1940–1956 гг. Из них мы можем узнать историю образования и деятельности этого учреждения.

Карело-Финское телеграфное агентство (КарелфинТАГ) было создано Постановлением СНК КФССР № 106 от 24 июля 1940 г. Ответственным руководителем был назначен Николай Рафаилович Пантюхин.

По решению горкома ВКП(б) и по указанию отдела агитации и пропаганды ЦК в г. Петрозаводске с июня 1941 г. КарелфинТАГ приступил к изданию «Окон КарелфинТАГа»¹. Главным художником «оконов» был К. Л. Буторов. Одно время он работал в соавторстве с А. И. Шубиным, вскоре погибшим, поэтому ранние плакаты подписаны «Шубут». В выпуске «оконов» принимали участие художник О. Ф. Граф и поэт В. П. Гудков.

В сентябре 1941 г. вместе с другими учреждениями КарелфинТАГ был сначала эвакуирован в Медвежьегорск, а затем в Беломорск. Там был продолжен выпуск «оконов». За 1941 г. было выпущено свыше 50 «оконов» тиражом от 5 до 10 экземпляров.

«Окно КарелфинТАГа» – большой лист бумаги, на который наклеивались сводки Информбюро и рисовался сатирический плакат. Для подписей использовались пословицы и поговорки, стихи, цитаты из оперативных сводок и газет, как советских, так и противника. Тиражировались выпуски от руки под копирку. Вывешивались «окна» на зданиях и заборах. Затем в центре Беломорска была построена витрина, благодаря которой часть плакатов сохранилась до сих пор.

За период Великой Отечественной войны было выпущено более 600 плакатов. Над ними, кроме К. Л. Буторова, работали К. Н. Осипова, Г. А. Стронк, С. Х. Юнтунен. Примером для карельских карикатуристов было творчество ведущих мастеров политической сатиры. Художники испытали влияние Кукрыниксов, карикатуры которых им приходилось копировать.

Основными задачами «оконов» были: оперативно информировать население о положении на фронте, воодушевлять на подвиги в бою и тылу, вселять уверенность в Победе.

Кроме непосредственно самих «оконов», сохранились отдельные плакаты и наброски к ним. Условно их можно разделить на три группы:

- политическая карикатура – 58.
- политический плакат – 8.
- агитплакат – 25.

При описании плакатов и карикатур сохранены собственные названия, а при их отсутствии дано краткое описание содержания изображения.

Сохранившиеся плакаты помогают сегодняшнему исследователю понять и ощутить общий дух и настрой людей, ковавших общую Победу. Как и любое художественное произведение, политический плакат несет в себе эмоциональную окраску, частицу отношения человека к происходящему. Пример: *Кавалер «Ордена мороженого мяса», Не по Сеньке шапка, Батарея недолговременной обороны Берлина – об отношении к захватчикам; Убей гадину!, Защити!, За страну советскую бей зверье немецкое! – в поддержку советских солдат; Здоровый тыл – одно из условий победы, Если тебе комсомолец имя – имя крепи делами своими – тыл фронту.*

Так как большинство изобразительных материалов, вошедших в коллекцию, написаны К. Буторовым, хотелось бы остановиться на краткой биографии художника.

- *Буторов Константин Леонидович родился 30 апреля 1922 г. в селе Свирская Слобода Лодейнопольского района Ленинградской области. Умер в 1997 г. в Петрозаводске. Живописец, график; занимался тематической, жанровой картиной, пейзажем, плакатом.*

Член Союза художников СССР с 1944 г. Удостоен звания заслуженного работника культуры КАССР в 1970 г.

Окончил изостудию Дома народного творчества в Петрозаводске у художника В. Н. Попова².

В годы Великой Отечественной войны (1941–1945) работал главным художником «Окон КарелфинТАГа». В 1943 г. принимал участие во Всесоюзной выставке искусства агитационного плаката в Москве. В 1944 г. награжден Почетной грамотой ТАСС.

В июне 1944 г. выезжал на зарисовки в расположение 32-й армии. Принял участие в выставке произведений худож-

ников Карело-Финской ССР на тему «Фронт и тыл», которая состоялась в г. Беломорске в 1944 г.

Автор первых плакатов, призывающих к восстановлению разрушенных городов Карелии.

Участвовал в выставках: всесоюзных (1943, 1946, 1947, 1957), всероссийских (1957, 1961, 1968, 1974), художников Карелии в Москве (1952, 1959, 1971), Карельского изобразительного искусства в автономных республиках (1986, 1987), автономий (1971, 1989), в ГДР (Нойбранденбург – 1977, 1983, 1985), в Финляндии (Варкаус – 1976), персональные – Петрозаводск (1982, 1987).

Сегодня работы художника находятся в МИИ РК, НМ РК, музее-заповеднике «Кижы», НА РК.

В опись № 2 вошли материалы стенной печати учреждений и предприятий КФСР, действовавших на неоккупированной территории республики, за 1942–1943 гг.

Материалы представлены стенными газетами, боевыми листками, колхозными газетами, «молниями», сводками Информбюро.

Стенные газеты выпускались с периодичностью не чаще одного раза в месяц, «молнии» и сводки Информбюро в некоторых организациях выпускались ежедневно.

Ответственными за выпуск стенной печати, как правило, были комсомольские, партийные и профсоюзные первичные организации.

Особенностью боевых листков и колхозных газет является то, что они выпускались на форме (бланке), отпечатанной типографским способом, заполненным от руки. По сути, колхозная газета – тот же боевой листок.

«Молнии» и сводки Информбюро писались на разной бумаге, часто – оберточной. Формат бумаги тоже был разным. При составлении нового выпуска «молнии» часто использовали оборот предыдущего.

Документы в описи расположены по двум разделам:

- Боевые листки. Колхозные газеты. «Молнии» (1942–1943).
- Стенные газеты (1941–1943).

В первом разделе представлены материалы более мелких учреждений и организаций Карелии: это исполкомы райсоветов и сельсоветов, лесобиржи и лесопункты, избы-читальни, больницы, заводы и комбинаты, колхозы. Боевые листки, колхозные газеты и «молнии» носят, в основном, информационный характер о положении на фронтах или из жизни учреждений.

Во втором разделе собраны стенные газеты. Как правило, они большого формата, иногда склеены из нескольких листов ватмана. Крупно выписанный красками или цветными карандашами от руки заголовков, передовая статья редколлегии и заметки на злобу дня.

В фонде отложился большой блок стенной печати подразделений НКВД, различных наркоматов, подразделений Кировской железной дороги, исполкомов разного уровня и других предприятий и учреждений.

Стенная печать позволяет увидеть жизнь людей нашего края в это трудное военное время не по официальным источникам, а наглядно и эмоционально прочувствовать, какими же они были, чем жили, о чем мечтали.

В 2013 г. завершена работа по описанию материалов наглядной агитации периода Великой Отечественной войны, находящихся в Национальном архиве РК. Описи коллекции размещены на сайте Национального архива РК.

Документы коллекции были использованы на выставках архива и в Музее изобразительных искусств РК.

¹ Сначала в Москве начали выпускать «Окна ТАСС» по принципу «Окон РОСТА» В. Маяковского. Затем почти во всех крупных городах РСФСР и национальных республик был организован выпуск «Окон ТАСС».

² Открылась в 1936 г. Существовала до начала Великой Отечественной войны. В ней учились О. П. Бородкин, С. Х. Юнтунен, Ф. А. Линдхольм и др.

Ю. Г. Шикалов,
доктор философии
(Финляндия)

МЕНТАЛЬНЫЙ ПОРТРЕТ ФИНСКОГО СОЛДАТА ПЕРИОДА «ВОЙНЫ-ПРОДОЛЖЕНИЯ»

*Сталин, Гитлер и Маннергейм поспорили, чьи солдаты храбрее.
Для этого решили по очереди приказывать
рядовым прыгать с шестого этажа.
Первым вызвал своего солдата Гитлер.
Немецкий солдат беспрекословно выполнил приказ фюрера.
Вторым был красноармеец.
На приказ Сталина прыгать он громко выматерился, но прыгнул.
Гитлер уже предвкушал победу в споре,
когда Маннергейм вызвал финского солдата и велел ему прыгать.
– Да пошел ты!!! – возмущенно заорал финн, развернулся и ушел.
Так Маннергейм выиграл спор.
(Финский анекдот.)*

Тема Зимней войны и «войны-продолжения» является одной из самых популярных в современной финской историографии. Только за август – октябрь 2013 г. вышло в свет около 15 книг о войнах 1939–1944 гг., не считая переводных изданий. Среди них особое место занимает исследование Вилле Кивимяки, в котором автор анализирует психологию ветеранов войны. Книга получила всеобщее признание и была удостоена

высшей литературной премии Финляндии¹. Это показывает, что усиливающийся в последнее время интерес исследователей к «психологическому измерению» военных событий заметен и в Финляндии².

Другую заметную тенденцию в современной финской военно-исторической исследовательской литературе можно назвать «развенчиванием мифов». Примером тому может служить книга о Лаури Терни, тоже увидевшая свет в конце 2013 г. Об этом финском разведчике, человеке отчаянной храбрости, закончившем свою жизнь в джунглях Вьетнама в составе спецподразделения американской армии, было написано в Финляндии немало восторженных страниц. В 2006 г. Терни был признан «самым храбрым рыцарем “Креста Маннергейма”»³. Авторы же нового исследования попытались сорвать «личину героя» с этого, пожалуй, одного из самых почитаемых в Финляндии участников финско-советских войн. Как пишут исследователи, причиной написания книги было «смятение», которое они испытали, когда заметили, насколько документальные материалы и свидетельства очевидцев не соответствуют сложившемуся портрету героя⁴. Понятно, что большая часть общественности приняла эту книгу «в штыки», а ее авторов обвинили в поисках дешевой популярности. Однако среди читателей и критиков нашлось немало и таких, которые отнеслись к книге с пониманием и одобрением.

Формат данной статьи не оставляет места для составления подробного «ментального портрета» финского солдата, воевавшего в карельских лесах в период войны-продолжения. Можно сказать, что статья представляет собой попытку создания лишь общего «наброска» тех людей, которые противостояли частям Красной Армии на Карельском фронте.

Лаури Терни завоевал свою популярность как бесстрашный командир разведывательно-диверсионной группы, действовавшей в тылах Советской Армии на Карельском фронте⁵. Для финских солдат Терни стал олицетворением образа т. н. *korpisoturi*, что в буквальном переводе означает «воин из лесной глуши». Синонимом слову *korpisoturi* служило слово *metsäsissi*, или,

буквально, «лесной партизан». Такой перевод почти наверняка вызовет раздражение у большинства финнов, для которых слово «партизан» ассоциируется с понятием «убийца мирного населения». Для краткости будем называть этот тип финского солдата термином «лесной воин».

Для финнов понятие «лесной воин» связывается с образом лучших солдат, способных сражаться в крайне сложной обстановке и принимать самостоятельные решения вдалеке от командования. Этот образ начал складываться еще в период Зимней войны. Окончательно же образ «лесного воина» сформировался именно в период начала позиционной войны. Вначале этим именем называли пехотинцев, воевавших в лесах Беломорской Карелии и Приладжья. Считалось, что обычно «лесной воин» был родом из сельской местности, по гражданской профессии либо крестьянин, либо лесоруб. Тем не менее нередко и городские жители приобретали навыки «лесных воинов» после нескольких месяцев позиционной войны. Позднее, однако, «лесными воинами» стали называть и солдат, воевавших на северном участке фронта, а также на юго-восточных рубежах, в районе Свири и на Карельском перешейке, где лесов было относительно немного⁶.

Так прозвище «лесной воин» превратилось в своего рода почетный статус, заслужить который могли представители любых частей и родов войск в любом звании – от рядового до генерала. Например, среди высших офицеров славой «лесного воина» и заслуженным уважением солдат пользовался генерал-майор Эрки Раапана⁷. Раапана успешно руководил наступлением на Ругозерском направлении и был третьим по счету рыцарем «Креста Маннергейма». Он же принес последнюю победу финской армии в войне-продолжении в лесах под Иломантси в августе – сентябре 1944 г. За свое умение воевать в лесных дебрях Финляндии и Карелии он получил прозвище *korppikentaali* – «генерал из лесной глуши»⁸.

Прообразом «лесного воина» служили солдаты и офицеры разведывательных и диверсионных групп. Основными чертами в поведении испытанных «лесных воинов» были отрицатель-

ное отношение к дисциплине (*jermuileminen*) и фрондерство (*purkaus*) – порицание вообще всего происходящего, а в особенности приказов и наставлений, исходящих от «господ офицеров». При этом фрондерство не выражалось как бунт, а было, скорее, напускным. На деле, разумеется, приказы командиров исполнялись, но если командир не обладал должным авторитетом или приказ казался «воину» глупым, то выполнение такого приказа было далеко от безоговорочного⁹.

Образ «лесного воина» формировался в период, когда общий дух финской армии был далек от боевого. Многих раздражало то, что они воюют на чужой земле, да еще и в пору, когда дома было много работы. По мнению солдат, было достаточно дойти до прежних границ и на этом закончить боевые действия. Удачное начало наступления несколько подняло боевой дух в финских частях. После захвата Петрозаводска в армии разнеслись слухи о скором окончании войны. Продолжение же наступления вызвало уже открытое недовольство солдат, считавших, что теперь они воюют только для выгод Германии. Некоторые части просто отказывались наступать. Командование приняло меры, и в армии усилилась пропагандистская и разъяснительная работа, что несколько успокоило солдат. Переход к позиционной войне вновь ослабил боевой дух финских подразделений. При этом если раньше недовольство вызывали факторы, связанные с ведением боевых действий, то в период позиционной войны солдаты все чаще выражали недовольство бездействием и обычными бытовыми проблемами¹⁰.

Финский солдат, прошедший через жестокие бои Зимней войны, вообще не отличался особой дисциплиной и чинопочтанием. В отношениях между «господами офицерами» и рядовым существовала пропасть, берущая свое начало еще в гражданской жизни. Финский крестьянин привык надеяться только на себя и относился к любым представителям власти и к горожанам вообще с недоверием и некоторым презрением. Не удивительно, что офицерам редко удавалось заслужить уважение «лесных воинов».

Для того чтобы заслужить доверие солдат, офицерам следовало доказать, прежде всего, свою смелость. Маршал Маннергейм, например, прекрасно знал, что уважение солдата можно завоевать только личным примером отваги и рассудительности и поэтому нередко появлялся на передовой. Кроме того, в офицерах ценили справедливость и готовность защищать своих подчиненных перед вышестоящим начальством. Разумеется, большой вес в приобретении авторитета имели и профессиональные способности, как в командовании, так и во владении оружием. Прощения не было тому командиру, который ставил своих солдат под огонь противника, сам оставаясь в стороне. Таких офицеров солдаты иногда просто пристреливали¹¹.

Особенно настороженно и пренебрежительно солдаты относились к кадровым военным. Кнут Пиппинг, воевавший в Беломорской Карелии с ноября 1941 г. по февраль 1944 г., вскоре после войны написал диссертацию по социологии, в которой подробно описал и проанализировал жизнь и взаимоотношения солдат и офицеров в его роте. Пиппинг отмечал, что кадровые командиры отличались большей строгостью в соблюдении уставных отношений, чем офицеры-резервисты. При этом они обычно были плохими организаторами, когда дело касалось различных хозяйственных работ. Это было следствием того, что в мирных условиях кадровые офицеры привыкли к дисциплине и безоговорочным выполнениям их приказов, и в их распоряжении всегда было множество «послушных» рабочих рук. «Лесные воины», однако, не желали быть бессловесным «пушечным мясом». Кадровые военные в их среде вообще считались ограниченными тупицами. В ходу была поговорка, что «в кадетскую школу идут лишь те, которые уже вообще никуда не годятся». Младший офицерский состав приравнивался к полиции в гражданском обществе, к которой простые финны всегда относились пренебрежением¹².

Солдатский фольклор изобиловал анекдотами и рассказами о взаимоотношениях с офицерами. Разумеется, в них простой солдат всегда оказывался на высоте. Например, «лесные воины»

считали ниже своего достоинства отдавание чести офицерам, что, разумеется, приводило к конфликтным ситуациям, особенно в тылу, во время отпусков. Один из ветеранов, воевавших на Карельском фронте, вспоминал: «Когда я был в первый раз в отпуске вместе с Мартти Лаасасенахо, то мы решили не отдавать чести офицерам по чину ниже майора, если они не были фронтовиками. Разумеется, это создавало большие трудности, но все обходилось до тех пор, пока в Хельсинки, на трамвайной остановке возле Стеклянного дворца (здание в самом центре города. – Ю. Ш.), один капитан из береговой артиллерии не начал требовать: “Почему не приветствуете?” Мартти взглянул на него и ответил: “Я и раньше не приветствовал полицейских”. После чего он впрыгнул в трамвай, двери которого тут же закрылись»¹³.

Во взаимоотношениях между рядовым и офицерским составом постоянно присутствовал элемент своего рода классового конфронтации. Это объяснялось тем, что офицеры в основном были из образованной среды «господ», тогда как рядовой состав в большинстве своем состоял из представителей «низших классов». Лишь на фронте, где офицеры нередко жили в одном блиндаже с солдатами, конфронтация ослабевала, но при этом не исчезала совсем. Хотя фронтовые офицеры и жили вместе с солдатами, и считались «лесными воинами», тем не менее они оставались «господами», поскольку у них были свои «комнаты» в блиндажах, вестовые и прочие блага, и они не участвовали в караулах и хозяйственных работах¹⁴.

Хорошо освещает взаимоотношения солдат и офицеров следующий рассказ одного из ветеранов: «Лежим мы на нарах головы к стене и ноги в сторону прохода. Майор Рянкипохья вошел в наш блиндаж вечером и спрашивает, попал ли он в нужное ему место. Кто-то из нас ему ответил, что это то место, которое он ищет. Майор взорвался: “Поднимитесь и доложите!” Мы приподнялись посмотреть, что это за хозяин здесь объявился. Видим, что у него на петлицах майорские знаки, но это не могло быть поводом, чтобы мы встали. Наш старший по блиндажу

сержант Эдвин Тойвонен и говорит: “Ну, бывали здесь господа и повыше чином, но никогда такого шума не поднимали. Так что если вы наш новый командир, то попробуйте представиться, кто вы такой есть”. <...> Майор поднял страшный шум. <...> Стал хвататься за кобуру. Здесь Эдвин достал свой 9-миллиметровый, бабахнул возле самого уха и заявляет: “Дьявольщина, здесь еще ни один хозяин глотку не драл. Если есть дело какое – то говори, если нет – то пошел прочь. Здесь никто не собирается расшаркиваться. От нас убрали нормального капитана, и если мы получили вместо него какое-то дерьмо, то иди и поищи место получше”. <...> Майор совсем белым стал и не знает что сказать. Потом ему кто-то показал его закуток, и он туда ушел. Немного погодя вышел обратно и произнес: “Холодный был прием”. На что Эдвин отвечает: “Сами же вы его и организовали”. Обычно мы на “ты” обращались, но поскольку он был новенький, да еще немножко господином себя показал, то здесь пришлось “выкатать”. Майор пожелал, чтоб таких случаев больше не повторялось. На что получил ответ: “Того и мы желаем. Мы здесь уже так давно, что сами знаем, что надо делать и когда”. Это условие и начало соблюдаться. На следующее утро Рянкипохья забрал двух посыльных и пошел осматривать окрестности. Я был одним из этих посыльных. <...> Там он нас спросил, что за человек этот наш старший по блиндажу. Объяснили ему, что это один из лучших мужиков на свете, что он хороший командир и готов ко всему. Рянкипохья тогда сказал, что он получил неверное представление и поступил неправильно, когда начал требовать чинопочитания. Сказал, что очень хорошо представляет, что здесь это не пройдет. Предложил, что отныне, когда в блиндаже находимся, то все на “ты” и никакого расшаркивания. Из этого типа потом получился хороший человек, и мы все его потом зауважали»¹⁵.

Как уже упоминалось, одним из основных критериев, который «лесные воины» ставили на первое место при оценке своих командиров и товарищей, являлась личная смелость. По наблюдениям Пиппинга, поскольку опасность на передовой при-

существовала постоянно, то к ней привыкали. Опытные солдаты знали, что в условиях позиционной войны реальная угроза смерти не так уж и велика. Солдаты, например, брали с собой что-нибудь «почитать», когда уходили в караул, или топили сауну в непосредственной близости от вражеских позиций. Однако «лесные воины» старались излишне не бравировать своей отвагой, обычной их присказкой было выражение «и я там тоже трясся от страха». Бравада была основана на опыте, и поведение резко менялось, как только менялась ситуация¹⁶. Иными словами, меры предосторожности соответствовали уровню опасности текущего момента.

К. Пиппинг называет такое поведение «основанным на принципе экономичности». Излишняя осторожность подвергалась насмешкам, но и глупая бравада считалась глупостью. «Лесные воины» не особенно ценили проявления смелости, которые не приносили выгоды подразделению. Участников рейдов по тылам противника уважали, но если рейд не приносил ощутимых результатов – то говорили о «напрасной суете». При этом большим уважением пользовались солдаты, которые своими смелыми действиями в бою помогали товарищам и выручали их от угрозы гибели. Трусы становились объектами насмешек, однако и к ним относились с определенным пониманием, и иногда даже прощали проявления трусости. Даже к дезертирам относились снисходительно, и за бегство с фронта не осуждали, а лишь спорили, как долго тот или иной беглец пробудет на свободе¹⁷.

Отрицательное отношение фронтовиков к «букве устава» и чинопочитанию было заметно и по их внешнему виду. Например, сержанты часто ходили в форме без знаков различия. «Лесные воины» вообще бравировали тем, что их не интересует получение нашивок и повышение по службе. Сержанты не образовывали своей «кастовой» группы, а старались жить вместе с рядовыми, особенно на передовой линии¹⁸.

Типичный облик «лесного солдата» был далек от уставного. Вот как описывает один из офицеров группу диверсантов-разведчиков Л. Терни в июле 1944 г.: «Я отметил, что все члены

группы выглядели на редкость бодрыми и хорошо обученными. По примеру командира у всех были закатаны рукава и расстегнуты воротники летних гимнастеров»¹⁹. Летом потрепанная гимнастерка с расстегнутым воротником и закатанными рукавами, зимой – маскировочный халат поверх свитера и меховой безрукавки, на ногах сапоги-пъексы с загнутыми носками для ходьбы на лыжах или валенки, в руках автомат – таким был типичный облик «лесного воина». У разведчиков он дополнялся многодневной щетиной и далеко неуставной «прической», особенно после длительных рейдов по тылам²⁰.

Рассказывают, что раз некий полковник-артиллерист остановил группу Терни и начал отчитывать их по поводу «несолдатского вида». Терни послушал немного, затем лицо его потемнело и он сказал: «Господин полковник, меня зовут Лаури Терни, и я готов умереть за эту землю. Готовы ли вы, господин полковник?» После этих слов полковник молча сел в машину и уехал²¹. Существует несколько вариантов этого рассказа, но суть в них одна: «лесной воин» представлял собой «Рэмбо» своего времени. Это был человек, готовый не только воевать, но и выживать в условиях карельских лесов. Война была для «лесных воинов» работой, которую надо было выполнить даже ценою жизни, а устав нередко являлся помехой в этом трудном деле.

¹ *Kivimäki V. Murtuneet mielet. Taistelu suomalaissotilaiden hermoista 1939–1945.* Helsinki, WSOY, 2013.

² В России пионером этого направления в военно-исторических исследованиях можно назвать Е. С. Синявскую. См.: *Синявская Е. С. Военно-историческая антропология и психология.* Петрозаводск, 2012.

³ Крестом Маннергейма называлась специальная награда финского ордена Креста Свободы, появившаяся после Зимней войны и вручавшаяся до весны 1945 г. Крестом награждались военнослужащие, совершившие какой-либо героический поступок (всего было 191 награждение и 4 вторых). Крест Маннергейма являлся самой почетной военной наградой Финляндии, а выплачиваемое вместе с ним денежное вознагражде-

ние в размере 50 тыс. финских марок соответствовало (по состоянию на 1942 г.) годовому окладу лейтенанта.

⁴ *Pohjonen J., Silvennoinen O. Tuntematon Lauri Törni. Helsinki, Otava, 2013. S. 9.*

⁵ *Op. cit. S. 12.*

⁶ *Suomalainen korpisoturi. Taistelijan elämää talvi- ja jatkosodassa. Helsinki, Oy Valitut Palat, 1994. S. 11.*

⁷ *Op. cit. S. 13.*

⁸ Об этом генерале подробнее см. в кн.: *Partanen J., Pohjonen J., Tuunainen P. E. J. Raappana. Rajan ja sodan kenraali. Helsinki, Otava, 2007.*

⁹ *Suomalainen korpisoturi. S. 11.*

¹⁰ *Salminen E. Propaganda rintamajoukoissa 1941–1944. Helsinki, Otava, 1976. C. 97–102, 203; Suomalainen korpisoturi. S. 154–157.*

¹¹ *Suomalainen korpisoturi. S. 143–144.*

¹² *Pipping K. Komppania pienoisyhdistykset. Sosiologisia havaintoja suomalaisesta rintamajoukoista 1941–1944. Helsinki, Otava, 1978. S. 13, 115.*

¹³ *Sotasavotta. Korsuelämää 1939–1944. Helsinki, Otava, 1975. S. 167.*

¹⁴ *Pipping K. Komppania pienoisyhdistykset... S. 116–117.*

¹⁵ *Sotasavotta. S. 170–171.*

¹⁶ *Pipping K. Komppania pienoisyhdistykset... S. 160–161. Suomalainen korpisoturi. S. 11.*

¹⁷ *Pipping K. Komppania pienoisyhdistykset... S. 161–162.*

¹⁸ *Op. cit. S. 122–123.*

¹⁹ *Pohjonen J., Silvennoinen O. Tuntematon Lauri Törni. S. 12.*

²⁰ *Suomalainen korpisoturi. S. 13.*

²¹ *Pohjonen J., Silvennoinen O. Tuntematon Lauri Törni. S. 348.*

Г. В. Чумаков,
канд. ист. наук, доцент ПетрГУ
(Петрозаводск)

ПИСЬМА ФИНСКИХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ГРАЖДАНСКОГО НАСЕЛЕНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Боевые действия на территории Карелии и Кольского полуострова в годы Великой Отечественной войны заметно отличались от военных действий, происходивших на других, расположенных южнее участках Восточного фронта. В связи с этим значительный интерес представляет изучение восприятия различных аспектов этой войны непосредственными ее участниками. И в первую очередь финляндской стороной, которая являлась главным военным противником СССР на Европейском Севере.

Среди многочисленных документальных источников по истории Великой Отечественной войны особое место занимают письма и дневники очевидцев тех драматических событий. Личные письма – ценнейший источник, который позволяет существенно дополнить и расширить наши представления о структуре и состоянии сознания, психологии, мотивации поступков их авторов в определенное историческое время. Письма как исторический источник интересны уже тем, что их авторы являлись непосредственными участниками событий, и зафиксированы эти события, как правило, вскоре после свершения,

а не по прошествии долгого времени. Все описываемые события отражены через личностное восприятие и оценку авторов, т. е. субъективны. Это очень важно для изучения, прежде всего, морального состояния, социального настроения, преобладавших в той или иной социальной среде, для исследования жизненных ценностей. Субъективность в изложении событий одновременно является и недостатком писем как документального источника, где по разным причинам могут присутствовать умолчания, некоторые искажения, описания могут возникать под влиянием настроения пишущего и т. д.

В основу нашего исследования была положена, прежде всего, переписка финских военнослужащих и жителей Финляндии на протяжении всех военных лет. Эти письма были захвачены советскими партизанами и разведчиками на различных этапах войны. Выдержки из большинства используемых нами писем впервые вводятся в научный оборот. Учитывая более мягкую, чем в Советском Союзе, военную цензуру, эти письма являются достаточно точным зеркалом, в котором с большой полнотой и эмоциональным накалом отразились жизненные ценности людей, находившихся с другой стороны фронта, их представления о причинах и результатах идущей войны. Написанные чаще всего в полевых условиях, эти письма обычно кратки, но имеют ярко выраженный индивидуальный характер. Они повествуют о самом значимом для автора.

Говоря о таком источнике, как письма с фронта, следует отметить, что, хотя он и является массовым, при работе с ним, как правило, приходится иметь дело с единичными письмами многих авторов. В то время как комплексы писем одного лица встречаются сравнительно редко. В тех случаях, когда такие письма принадлежат перу известных людей или адресованы им, они могут отложиться в именных фондах архивов и музеев. Что касается писем рядовых граждан, то они обычно хранятся в семейных и личных архивах участников войны или их родственников, недоступные исследователям.

Еще один источник личного происхождения – дневники. Авторами большинства как опубликованных, так и неопубликованных дневников являлись, как правило, представители офицерского состава, военные корреспонденты и писатели. Написанные «для себя», они отличаются большей свободой и раскованностью суждений, даже чем письма. Но и в дневниках, как в любом другом документе, сохраняется, хотя и значительно слабее, элемент самоцензуры.

Кроме эпистолярных источников, нами были использованы отдельные официальные документы финского военного командования, содержащие оценки тех или иных сторон войны, а также материалы допросов финских солдат, попавших в советский плен. И хотя все указанные группы источников имеют субъективный характер, в совокупности при сравнительном анализе они позволяют выявить достаточно четкие тенденции, существовавшие в сознании финнов в годы войны.

Анализируя вышеназванные источники, мы стремились выяснить, как менялись взгляды различных категорий финского населения по следующим вопросам: отношение к началу и ходу войны; отношение к своим немецким союзникам; отношение к Красной Армии, советским партизанам и гражданам СССР; оценка состояния дел в Финляндии на различных этапах войны; оценка перспектив окончания войны.

Вступление Финляндии в войну против СССР вызвало у подавляющей части финского общества чувства воодушевления и бурного патриотизма. Как писал много лет спустя в своих воспоминаниях бывший финский офицер И. Виролайнен: «Возник большой национальный подъем, и появилась вера, что наступило время исправить нанесенную нам несправедливость... Тогда успехи Германии на западе настолько нас ослепили, что все финны от края до края потеряли рассудок... Общее представление было таким, что военный поход на восток закончится за несколько недель, во всяком случае к осени»¹.

Эта послевоенная оценка настроений общественности Финляндии находит подтверждение и в солдатских письмах, напи-

санных в первые недели войны. Хотя рядовые финские солдаты реагировали на начало войны более приземленно и прагматично: «Уже несколько дней мы не испытываем недостатка ни в чем, поскольку от рюсся (пренебрежительное название русских. – Г. Ч.) нам досталось много всякого добра. Очень много продуктов: макароны, мука, масло, хлеб, а также мясные и рыбные консервы... Рюсся пришлось так внезапно уходить, что они оставили почти все имущество... Нам нужно еще протянуть довольно длинный кусок телеграфного провода, прежде чем попадем на новую границу, хотя я не знаю, где она находится, но, наверное, все же в другом месте, чем прежняя. Создаем настоящую Великую Финляндию»².

В дневнике финского офицера службы информации М. Хаавио по случаю парада финских войск 10 сентября 1941 г. в захваченном ими Олонце записано следующее: «Наш армейский корпус под командованием своего отважного генерала (генерал П. Талвела. – Г. Ч.) и оружием смелых и самоотверженных солдат расчистил дорогу в Олонию до самой легендарной Свири... Знаю, что тыл радуется вместе с нами. Мы здесь, чтобы обезопасить границы. Мы являемся освободительной армией...»³.

Однако, по мере перехода к позиционным действиям и затягиванию войны, настроения у финских солдат постепенно начинают меняться. Уже в конце 1941 г. вера в близкую победу сменяется сомнениями и пессимизмом. Документы финской армии говорят о том, что среди части солдат все чаще раздаются невеселые ноты, появляются настроения моральной подавленности. Так, еще 15 ноября 1941 г. командующий Карельской армией генерал-лейтенант Хейнрикс в специальном приказе писал: «Учитывая, что в некоторых войсковых подразделениях Карельской армии имело место проявление усталости от войны, в связи с чем иногда были случаи серьезной недисциплинированности, предлагаю командирам и начальникам обращать на это серьезное внимание и сделать все возможное для предотвращения данных проявлений, а также поднятия морального состояния в подразделениях»⁴.

Генерал привел ряд фактов дезертирства и неповиновения. Для преодоления этих негативных тенденций предлагался целый набор мер – от тайного надзора до культурных мероприятий. Уже упомянутый выше офицер М. Хаавио отмечал в своем дневнике 23 февраля 1942 г.: «...Один солдат рассказывал, что находящиеся на фронте солдаты из городских рабочих недовольны, так как домашние пишут о плохих условиях жизни. Солдаты считают, что отсюда (южный берег р. Свири. – Г. Ч.) уже никогда не смогут вернуться домой»⁵.

Так, в письмах с фронта в 1942 г. можно встретить такие рассуждения: «Дорогой брат! <...> Этот поход оказался очень продолжительным. В прошлое лето, когда мы пошли в поход, мы думали, что он продлится всего несколько недель и мы поспеем на сенокос домой. Но теперь похоже на то, что мы даже в этом году (1942 г. – Г. Ч.) не попадем на сеноуборку. Говорят, что здесь несколько сот человек отказались идти на передовые линии. Сегодня их должны судить... Эти люди были старших возрастов с 1906 по 1911 г. рождения. Если бы все поступали так, то война бы скоро закончилась» (написано в Масельге 07.06.1942)⁶. Солдат Микконен пишет своему знакомому Тикканену: «Было бы хорошо, если бы эта война скорее кончилась, и вернуться скорее домой. Эта жизнь мне страшно надоела. Я желаю скорее освободиться отсюда, но не отпускают». Другой солдат Наумане Олави пишет другу: «Товарищ, я такого мнения по отношению к этой войне, что это есть проект уничтожения финского народа»⁷.

Хотя в 1942 г. такие настроения не получили еще массового распространения среди финских военнослужащих, но стало расти число различных нарушений дисциплины – коллективные невыходы на учебные занятия, случаи дезертирства, отказы выполнять боевые приказы и др.

Пессимистические настроения финских солдат были связаны напрямую с изменением далеко не в лучшую сторону состояния дел в тылу, на территории самой Финляндии. Как с точки зрения материального положения, так и массового сознания.

Из тыла на фронт все чаще шли далеко не радостные письма. Например, солдату Неволайнену пишет его сестра из Нурмесы летом 1942 г.: «Сейчас в смысле питания здесь стало тоже плохо, так как нельзя достать дополнительно муки. У меня нет хлебной карточки, а у матери есть, и мы вместо хлеба едим закрутку»⁸. А мать солдата Венсяляйнена сообщает сыну: «...Сахару у нас мало, а осенью обещают давать еще меньше. Говорят, что будут месяцы, в которые совершенно не будем получать...»⁹. Как сообщил попавший в плен к советским партизанам солдат Хеленгус Суло-Юханус: «В Финляндии живут голодно. Иногда дают по 125 г масла на 10 дней. Мяса совсем нет... Из-за голода много финских детей отправлено в Швецию, в т. ч. мой сын Герман, 6 лет»¹⁰.

Письма из Финляндии в целом совпадают с выводами, содержащимися в сводке разведывательного отдела Карельского фронта от 15 июля 1942 г.: «...Продовольственное положение продолжает ухудшаться... Финское радио от 07.07.1942 как о большом достижении сообщило, что из Германии получено около 10 тыс. тонн пшеницы. Но это количество покрывает только небольшую часть потребного до нового урожая хлеба... Недостаток хлеба в Финляндии до нового урожая исчисляется в 200 тыс. тонн... Норма выдачи хлеба составляет 266 г свежего или 200 г сухого хлеба на день... Норма выдачи мяса уменьшена. Вместо 12 марок мясо будет выдано на 8 марок в месяц (1 кг мяса стоит 30–40 марок)...»¹¹. А сержанту Лаури Тайванену мать из Оулу пишет: «...Пора бы эту войну заканчивать и отпускать всех на мирный труд, исправлять разрушенное войной. Надеемся, что это время настанет и даже очень скоро...»¹².

Подобных по содержанию писем, как из тыла, так и с фронта, становилось все больше. Естественно, что моральное настроение от переписки не улучшалось.

В 1943 г. антивоенные настроения среди финских военнослужащих становятся все шире и конкретнее. Так, солдат Тойво Пулккинен писал в феврале своему брату Вяйне: «Здесь ходят слухи, что Финляндия ведет переговоры о мире в США.

У солдат уже давно создалось такое мнение, что посредством Америки мы сможем мир заключить. В последнее время русские творят чудеса на юге и наступают силами, страшнее прежних. Они приносят страх немцам... Здесь уже никто не верит в победу немцев, и навряд ли и господа уже в это верят. Хотя они об этом открыто не говорят»¹³.

Растет стихийное недовольство продолжающейся войной и в самой Финляндии. В этом плане характерно содержание опросного листа финского военнопленного, жителя деревни Хауталамби в губернии Оулу Хермана Хаутаярви, который показал на допросе следующее: «...В начале войны население Финляндии было упоено большими надеждами на быструю победу немцев, а вместе с теми и финнов. Но в связи с затяжкой войны, резким удорожанием экономического положения страны и большими потерями армии мнение населения разделилось. Большая часть рабочих, занятых на лесоразработках, и малоимущих крестьян не верят в проводимую пропаганду и не питают никаких надежд на победу Германии и Финляндии... Меньшая часть населения – лесопромышленники, зажиточные крестьяне, ремесленники и т. п. все еще надеются на немцев... Немцы чувствуют себя в нашей стране полными хозяевами... На хозяйничество немцев народ недоволен, но открыто пока еще враждебности не проявляет. В нашей деревне пока немцы ничего плохого не сделали, но в деревне Ункама пьяные немецкие солдаты и офицеры начали приставать к женщинам. А когда женщины начали сопротивляться, то пустили в ход оружие, и было убито несколько женщин...»¹⁴. Шел еще только 1943 г.

К началу 1944 г. мирные настроения охватывают значительную часть финских военнослужащих и гражданских лиц. В письме капралу Урхо Хенстену его знакомая пишет в марте 1944 г.: «Можно с облегчением вздохнуть, если бы война закончилась. В противном случае все покатится навстречу гибели. Все сейчас живут в надежде скорого мира...»¹⁵.

Отражены в солдатских письмах и особенности отношения финнов к советским гражданам, как гражданским лицам, так и военнопленным.

В начале войны в отношении русских вообще и военнопленных красноармейцев в частности явно преобладали чувства превосходства и презрения. Например, в письме, датированном ноябрем 1941 г., солдат по имени Вянтти пишет своей подруге: «Дорогая! Я уже не в Хамина. Пошел добровольцем на эту завоеванную территорию. Здесь хорошо... Несу караульную службу... Здесь более ста военнопленных, они выполняют всякую работу... Ваньки убирают у нас комнаты, рубят дрова и топят баню пару раз в неделю. Это немного похоже на господ. Каждый день становимся все ленивее... Здесь уже есть немного гражданских жителей, в основном старики и женщины, у которых сохранился свой дом. Мы ремонтируем ваям дома и помогаем гражданскому населению...»¹⁶. В руки Чрезвычайной государственной комиссии попало письмо бывшего студента Хельсинкского университета рядового 7-го пограничного егерского батальона Салминена, который писал следующее: «Вчера расстреляли двух русских, отказавшихся приветствовать нас. Уж мы покажем этим русским!»¹⁷.

К 1944 г. взгляды финнов в отношении советских граждан претерпевают определенные изменения в сторону смягчения. Характерно письмо Хеллен Аклгрэн капралу Урхо Хенстену в феврале 1944 г.: «Сюда в Пеутиа должны привезти 50 человек русских. Посмотрим, что они из себя представляют. Есть ли среди них симпатичные личности, и будут ли наши женщины и девушки сходить с ума из-за них и бегать за ними. Я, конечно, постараюсь остаться в стороне или, вернее, там видно будет. Ты тоже пишешь, что русские девушки там у вас очень желанные. Конечно, ты пишешь, что не занимаешься этими делами, но я думаю, что не первый ли ты за ними...»¹⁸.

Особое беспокойство и даже боязнь уже с конца 1941 г. стали вызывать действия советских партизан. Так, в отчете финского оккупационного штаба по Беломорскому округу за октябрь

отмечалось: «...Безопасность на территории округа стоит под вопросом, потому что неприятельские партизанские группы в течение октября неоднократно совершали нападения на деревни, которые находились на нашем направлении... Партизанская деятельность на территории между фронтами шириной в 100 км, достигая государственной границы, держит местное население и расположенных по районам служащих и рабочие формирования под угрозой... В настоящее время нет возможности улучшить положение...»¹⁹.

С 1942 г. в связи со значительной активизацией боевых действий партизанских отрядов Карельского фронта на территории Карелии, Мурманской области и северо-восточных районов Финляндии эта тема становится для финских оккупационных войск особо болезненной, вплоть до завершения военных действий в сентябре 1944 г. Еще в начале 1942 г. солдат Томпи писал своей сестре: «Весна, ночи очень темные, даже страшно ехать на лыжах, ведь не знаешь, в каком месте охотятся партизаны»²⁰.

Финское командование вынуждено было признать эффективность и высокий боевой уровень советских партизан. Так, в обзоре Главной ставки «Тактические и другие сведения о противнике» от 15.02.1943 отмечалось: «Партизаны – не обычные фронтовики. Это хорошо обученные отборные люди. А по действиям можно предполагать, что каждое задание строго проработано перед его выполнением... Особенно нужно отметить хорошую подготовку в преодолении препятствий, применение к местности и избегание быть обстрелянными, даже в том случае, если они обнаружены... Действия партизан чаще всего очень дерзки. Офицеры находятся почти всегда впереди...»²¹.

В 1943 г. партизанская война становится поистине настоящей «головной болью» для финнов. Капрал Лейнонен Армас в письме своему другу солдату Хярконену пишет в июле 1943 г.: «Последние две недели мы все время были в тревоге. Узнали, что иваны находятся в движении, пришлось за ними гоняться. Русские довольно большие прохвосты, теперь они начали ходить в Финляндию, нападать на гражданское население.

В Суомуссалми убили около 30 человек. Я боюсь, что они и в нашу деревню еще зайдут. Финская армия ни к черту не годна. Она не способна защитить даже мирное население. Русские хозяйничают на нашей территории, как им заблагорассудится, а половина наших мужчин спят в городах, в тылу. Пограничные деревни оставлены без охраны, на произвол судьбы... Немчура затеяла эту чепуху, от которой скоро не отделаешься»²². Его однофамилец солдат Лейнонен пишет своей жене: «У нас теперь очень беспокойные дни, т. к. русские все время партизаныт. Скоро предстоит отпуск, но в такие дни не хочется ехать. Ведь там, в тылу, скорее можешь попасть в руки русских»²³.

Особый страх перед партизанами усилился летом 1944 г. Так, в письмах, захваченных партизанским отрядом «Красный партизан» 01.09.1944 на дороге Лендеры – Пиелисьярви, «красной нитью» проходит мысль о том, что «...до фронта еще десятки километров, а опасность от партизан здесь больше. Они почти ежедневно нападают на автоколонны... Много ребят погибло, и нас здесь ожидает эта же участь...»²⁴.

Даже столь краткий анализ содержания писем финских военнослужащих и мирных жителей Финляндии, а также некоторых официальных документов финского военного командования наглядно свидетельствует о произошедшем кардинальном изменении общественного сознания в Финляндии по ключевым вопросам войны и мира на Европейском Севере.

¹ См.: По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944 : документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 67–68.

² Там же. С. 74–75.

³ Там же. С. 99–100.

⁴ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-213. Оп. 1. Д. 177. Л. 123 об.

⁵ См.: По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944. С. 193–194.

⁶ НА РК. Ф. П-213. Оп. 1. Д. 177. Л. 72.

⁷ НА РК. Ф. П-213. Оп. 1. Д. 177. Л. 124 об.

⁸ Там же. Л. 124.

⁹ Там же. Л. 101.

¹⁰ Там же. Ф. П-213. Оп. 1. Д. 178. Л. 1.

¹¹ Там же. Д. 176. Л. 52–53.

¹² Там же. Д. 407. Л. 10.

¹³ Там же. Л. 59.

¹⁴ Там же. Д. 408. Л. 112 об.

¹⁵ Там же. Ф. П-213. Оп. 1. Д. 633. Л. 40.

¹⁶ См.: По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944. С. 129.

¹⁷ См.: *Веригин С. Г.* Карелия в годы военных испытаний : политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2009. С. 367–368.

¹⁸ НА РК. Ф. П-213. Оп. 1. Д. 633. Л. 41 об.

¹⁹ См.: По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944. С. 126–128.

²⁰ НА РК. Ф. П-213. Оп. 1. Д. 620. Л. 25.

²¹ Там же. Л. 28–29.

²² См.: По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944. С. 364.

²³ НА РК. Ф. П-213. Оп. 1. Д. 620. Л. 26.

²⁴ Там же. Л. 27.

В. Эркиля,
писатель
(Финляндия)

ФИНСКИЙ ВЗГЛЯД НА НАЧАЛО «ВОЙНЫ-ПРОДОЛЖЕНИЯ»

Вторая мировая война обернулась для Финляндии двумя войнами – Зимней войной и «войной-продолжением». Обе эти войны велись между Финляндией и СССР. В Финляндии эти войны принято связывать между собой, но их рассматривают также как отдельные войны. Если рассматривать их как единое целое, получается, что Вторая мировая война началась для Финляндии 30 ноября 1939 г. Это дата начала Зимней войны. День, когда СССР совершил нападение на Финляндию. Но когда же Вторая мировая война началась для СССР? Может быть, это случилось уже 17 сентября 1939 г., в день начала войны против Польши? В любом случае год начала Второй мировой войны – 1939-й.

Основанием для начала Зимней войны явился Договор между Германией и СССР, заключенный министрами иностранных дел СССР и Германии, Молотовым и Риббентропом 23 августа 1939 г. В дополнительном протоколе к договору был обозначен раздел территории Восточной Европы на зоны интересов Германии и СССР. Германия ставила целью объединить в составе единого государства, в частности, немецкоязычные территории, как-то: Судетскую область Чехословакии, немецкие территории Польши и Австрию. В зону советских интересов входили Прибалтика, Финляндия и румынская Бессарабия. Польшу было

принято разделить между Германией и СССР. Они совершили нападение на Польшу с интервалом примерно в две недели в сентябре 1939 г.

В конце 1939 г. государства Прибалтики согласились с военным требованием СССР о предоставлении Красной Армии баз на территории Прибалтики. Спустя полгода страны Прибалтики были поочередно присоединены к Союзу ССР на основании проведенных там референдумов. Финляндия не согласилась на выдвинутые СССР требования о переносе линии государственной границы и обмене территориями. Финляндия была готова предложить СССР только территории близ Ленинграда – Куоккалу и Териоки.

СССР совершил нападение на Финляндию в расчете захватить страну в течение двух недель. Перед Зимней войной в СССР продолжали считать, что финское общество все еще разобщено, как во времена гражданской войны двадцатью годами ранее. В действительности было иначе. В Финляндии советские войска столкнулись с ожесточенным сопротивлением. Война длилась 105 дней. На войне погибло примерно 130 тыс. советских и примерно 26 тыс. финских воинов. В результате войны Финляндия была вынуждена передать СССР 10 % собственной территории. На стороне Финляндии оказались симпатии мирового сообщества и добровольцы из многих стран мира. Реальной военной помощи Финляндия не получала. Даже Германия не оказывала поддержки Финляндии.

Окончание войны не привело к атмосфере доверия и мира в отношениях между странами. Каждая из сторон сохраняла предубеждения и – что хуже – стремление к реваншу. СССР неоднократно нарушал границу Финляндии и сосредотачивал войска на границе с ней. Финляндия попыталась заключить государственный союз со Швецией, но безуспешно. Германия и СССР выступили против такого союза.

В мае 1940 г. президент Р. Рюти интересовался возможностью получения вооружений из Германии. Гитлер отверг это предложение, сославшись на политические причины. Пассажирский

самолет «Калева» был сбит советским истребителем между Таллином и Хельсинки в июне 1940 г.

Политика Германия изменилась, когда после французской и норвежской кампаний стало вновь возможно провозглашать патриотические лозунги. Во время торговых переговоров в Берлине немецкая сторона впервые намекнула финнам, что действительный противник Германии – это СССР.

Осенью 1940 г. Германия и Финляндия договорились о том, что Германия может осуществлять снабжение своих баз в Северной Норвегии, используя территорию Финляндии. Отношения Германии и Финляндии с СССР обострялись. Транзитный договор не вызвал особого недовольства со стороны СССР. По мере сближения Финляндии и Германии идея государственного союза между Финляндией и Швецией была окончательно забыта.

У СССР были основания напомнить Германии о сферах влияния, обозначенных в пакте Молотова – Риббентропа. 12 ноября 1940 г. Молотов направился в Берлин, где поднял финляндский вопрос. Молотов потребовал свободы действий по отношению к Финляндии с тем, чтобы Германия не вмешивалась в ход событий. Молотов также стремился расширить некоторые положения договоренностей о сферах влияния. Он сообщил, что СССР хочет усилить свое влияние в Румынии, а также отправить войска в Болгарию. Гитлеру это не подходило. Об этих переговорах Финляндии стало известно от Германии. В конце 1940 г. СССР потребовал от Германии вывести войска из Финляндии, на что Германия никак не отреагировала.

К концу 1940 г. Германией был разработан план «Барбаросса». О нем не знали в Финляндии. Когда Германия заинтересовалась подготовленностью Финляндии к войне, в Финляндии это поняли так, что Германия уверена в намерении СССР напасть на Финляндию. В Финляндии полагали, что для отражения возможного советского нападения стране необходима помощь со стороны Германии.

В январе 1941 г. Финляндии стал известно, что в течение зимы СССР сосредоточил на границе 20 пехотных дивизий, 2 кавале-

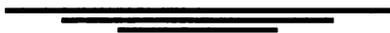

рийские дивизии, 5 танковых дивизий и много полевой артиллерии. Вблизи от границы были построены новые аэродромы и дороги. В Финляндии обдумывали возможность частичной мобилизации, но было решено ограничиться усилением воздушной разведки.

Когда разрыв между Германией и СССР стал очевиден в конце зимы – начале весны 1941 г., в Финляндии возникли надежды на возврат утраченных в результате Зимней войны территорий. Одновременно возникало желание присоединить Восточную Карелию к Финляндии. По инициативе президента Р. Рюти было составлено адресованное германской стороне обоснование прав Финляндии на Восточную Карелию.

Решающие переговоры по вопросу поддержки Финляндией курса Германии состоялись между военным руководством двух стран в Хельсинки с 3 по 6 июня. Спустя два дня начался перевод немецких частей из Норвегии в Лапландию.

Когда Германия напала на СССР, Финляндия объявила о своем нейтралитете. Спустя несколько дней Финляндия оказалась участницей войны, когда СССР провел бомбардировки финской территории, потому что на территории Финляндии имелись немецкие части. Так началась война, которую в Финляндии называют «войной-продолжением».

П. Иивари,
доктор философии
(Финляндия)

ЛАПЛАНДСКАЯ ВОЙНА – МАЛОИЗУЧЕННЫЙ ЭПИЗОД ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Лапландской войной называется вооруженный конфликт, возникший, когда Финляндия начала выполнять условия соглашения о прекращении огня и соглашения о перемирии, заключенные с СССР 2 и 15 сентября 1944 г. соответственно. В конце августа 1944 г. в ходе финляндско-советских переговоров СССР и его союзники по антигитлеровской коалиции потребовали от Финляндии публично порвать связи с Германией и приказать горным частям вермахта покинуть территорию Финляндии к 15 сентября 1944 г. 2 сентября Финляндия должна была публично объявить о разрыве отношений с Германией [8]. Премьер-министр Финляндии А. Хакцелль сообщил об этом в радиообращении к нации [12]. Так было выполнено главное предварительное условие. Прекращение огня вступило в силу 4 сентября на финской стороне и на следующий день на советской стороне линии фронта. За этим последовали переговоры о перемирии.

Соглашение о перемирии между Финляндией и Советским Союзом (союзниками) было заключено 19 сентября 1944 г. Вторая и пятая статьи соглашения были определяющими в процессе начала войны в Лапландии. Вторая статья гласила: «Финляндия обязуется разоружить германские наземные, морские и воз-

душные вооруженные силы, которые остались в Финляндии после 15 сентября 1944 г. и передать их личный состав Союзному (Советскому) Главнокомандованию в качестве военнопленных, в чем Советское правительство окажет финской армии помощь. Правительство Финляндии также обязуется интернировать находящихся на ее территории германских и венгерских граждан». В пятой статье, в свою очередь, говорилось: «Финляндия, порвавшая всякие отношения с Германией, также обязуется порвать всякие отношения с государствами-сателлитами Германии» [9].

В Северной Финляндии на тот момент находилось около 200 тыс. солдат 20-й горной армии Третьего рейха, укомплектованной немцами и австрийцами. Армия отвечала за наступательные и оборонительные действия в Северной Финляндии от Куусамо до Петсамо (Печенга), выход к Ледовитому океану с первоначальной целью захватить Мурманск и отрезать советские пути снабжения. Обеспечение добычи никеля в Петсамо являлось для Германии главной стратегической задачей. Штаб горной армии располагался в г. Рованиеми, а командующим армией являлся австрийский генерал-полковник Л. Рендулик [13], [3].

До разрыва отношений с Германией Финляндия воевала против СССР с немецкими братьями по оружию. Тогда Финляндия подчеркивала, что не является союзником Германии. Главнокомандующий финской армии маршал Маннергейм четко придерживался данного определения и хотел дистанцироваться от германского руководства. Согласно официальной позиции Финляндии, речь шла об отдельной войне, войне-продолжении с целью вернуть территории в Карелии, Куусамо и Салла, утраченные в ходе Зимней войны 1939–1940 гг. [2]; [4].

Германия уже с 1943 г. начала готовиться к выходу Финляндии из войны [1]. Задачей являлся отвод войск, находившихся в Северной Финляндии, от советской линии фронта в северные части Лапландии. План изначально был составлен на случай прорыва финской обороны и последующей оккупации советскими войсками южной Финляндии [1], [7]. С сентября 1944 г.

ситуация существенно изменилась, так как бои уже велись не против советских войск, а против финнов в Лапландской войне.

Пока финны и немцы были соратниками по оружию, они сохраняли между собой корректные отношения. В Северной Финляндии действовала также финская гражданская администрация. Местное население положительно относилось к немцам, и появление военных на улицах стало привычным явлением [5]. Ситуация изменилась после подписания соглашения о прекращении огня. Сначала немецкие и финские войска смогли договориться о том, что немцы будут отступать, а финны будут следовать за ними в нескольких километрах. Советская сторона тщательно следила за ходом отступления согласно так называемому договору об осенних маневрах и вскоре заметила, что боевые действия как таковые не ведутся [6]. Работавшая в Финляндии Союзная контрольная комиссия, которая по сути управлялась советской стороной, потребовала от Финляндии принятия более жестких мер [10]. Финнам, однако, было непросто начать войну против бывших братьев по оружию.

В середине сентября все же произошли боевые столкновения. Первый серьезный бой между финнами и немцами произошел 15 сентября 1944 г. на о. Суурсаари (Гогланд). Немцы стремились захватить остров у финнов после того как Финляндия перестала воевать на стороне Германии. Попытка захвата Суурсаари оказалась ошибочной и безуспешной. Атака была плохо подготовлена и оказалась тщетной.

Активные боевые действия начались 1 октября 1944 г., когда 11-й финский егерский полк совершил высадку в Торнио у самой границы со Швецией. В результате немцам пришлось ускорить отступление на север.

Еще до начала Лапландской войны из самых северных коммун провинции Лапландии было эвакуировано 12 тыс. человек. Сразу после заключения соглашения о прекращении огня 6 сентября был отдан приказ об эвакуации гражданского населения из провинции Лапландия и восточных коммун провинции

Оулу. Основная часть населения была эвакуирована в Остроботнию и другие регионы Финляндии. В Швецию переехало 56 500 беженцев в быстро развернутые лагеря и далее в шведские дома. Всего было эвакуировано 75 % населения провинции Лапландия – 168 тыс. человек. Вместе с людьми необходимо было забрать также домашних животных и скот [11].

Финские потери в Лапландской войне составили 774 человека убитыми, 262 пропавшими без вести (из них 164 попали в плен) и 2904 ранеными. Треть погибших финнов подорвалась на минах. Немецкие потери составили почти 1 тыс. убитыми, более 2 тыс. ранеными и 1300 пленными [1]. Попавшие в финский плен были переданы советской стороне. Финны, оказавшиеся в немецком плену, были перевезены в Норвегию, где большинство из них было освобождено весной 1945 г.

Однако с окончанием войны потери не закончились. Немцы установили в Лапландии большое количество мин, чтобы обеспечить отход. Оставшиеся после войны мины приводили к жертвам среди гражданского населения еще много лет, вплоть до 1970-х гг. Несмотря на то что на сегодня обезврежено около 1,2 млн единиц взрывчатки, отдельные снаряды встречаются до сих пор, через 70 лет после окончания войны.

Наряду с военными аспектами другими важными вопросами Лапландской войны являются организация эвакуации, разрушение инфраструктуры, отношения между немецкими солдатами и финскими женщинами и положение их детей, а также развитие отношений Финляндии с соседними государствами.

На тему Лапландской войны в Финляндии написано множество работ. Они посвящены в первую очередь военным действиям. Однако в мире Лапландская война является весьма малоизвестной страницей заключительного этапа Второй мировой войны. Говоря о том, что Лапландская война является малоизученной страницей нашей военной истории, я имею в виду то, что международные источники и архивы еще не в полной мере изучены. Кроме того, весьма мало ученых принимают участие в международных исследованиях. В настоящее время

В. Эрккиля и я пишем книгу на эту тему, в рамках этой работы у нас есть возможность продолжить сотрудничество с исследователями Петрозаводского университета – профессором С. Г. Веригиным и доцентом Г. В. Чумаковым. Данная тема по-прежнему содержит интересные вопросы, которые могут быть раскрыты в ходе совместной работы.

Библиографический список

1. *Ahto S. Aseveljet vastakkain. Lapin sota 1944–1945. Helsinki: Kirjayhtymä, 1980.*
2. Барышников Н. И., Барышников В. Н. Финляндия во Второй мировой войне. Л., 1985 (перевод на фин. яз.: *Barysnikov N. I., Barysnikov V. N. Suomi II maailmansodassa. Hels.; Vaasa, 1988.*)
3. *Hölter H. Armee in Der Arktis: Die Operationen Der Deutschen Lappland-Armee. Verlag Hans-Henning Podzun, 1953.*
4. *Йокунин М. Финляндия на пути к войне : исследование о военном сотрудничестве Германии и Финляндии в 1940–1941 гг. Петрозаводск, 1999*
5. *Junila M. Zusammenfassung: Das Zusammenlebender finnischen Zivilbevölkerung und der deutschen Truppen in Nordfinnland in den Jahren 1941–1944. Bibliotheca Historica, Unversität Oulu, 2000*
6. *Kulju M. Lapin sota 1944–1945. Gummerus, 2013.*
7. *Lunde H. O. Finland's War of Choice: The Troubled German-Finnish Alliance in World War II. Newbury: Casemate Publishers, 2011.*
8. МИД Финляндии, 31.08.1944 // Архив Министерства иностранных дел Финляндии. Ф. 110, В3.
9. МИД Финляндии, 19.09.1944 // Окончательный текст Соглашения о перемирии между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенным Королевством Великобритании и Северной Ирландии, с одной стороны, и Финляндией – с другой. Архив Министерства иностранных дел Финляндии. Ф. 110, В3.

10. МИД Финляндии, 21.09.1944 // Архив Министерства иностранных дел Финляндии. Ф. 110, В10.
11. МИД Финляндии, 18.08.1945 // Архив Министерства иностранных дел Финляндии. Ф. 110, F3.
12. Архив YLE. Национальная телерадиовещательная компания Финляндии Yle (http://yle.fi/elavaarkisto/artikkelit/jaahyvaiset_aseveljille_47239.html#media=47242).
13. *Rendulic L.* Gekämpft Gesiegt Geschlagen. Welsermühl, 1952.

С. М. Титов,

*научный сотрудник Национального музея РК
(Петрозаводск)*

ОНЕЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ В 1944 ГОДУ

70 лет назад войска Карельского фронта изгнали немецко-финских захватчиков с территории Карелии. Решающими оказались события летних месяцев 1944 г., когда в ходе активных наступательных действий были освобождены районы Южной Карелии и г. Петрозаводск. Важную роль в этих боях сыграли моряки Онежской военной флотилии, которым выпала честь первыми войти в столицу Карело-Финской ССР.

История Краснознаменной Онежской флотилии – одна из ярких страниц хроники Великой Отечественной войны в Карелии. Однако объектом полноценного научного изучения эта история не стала до сих пор. Это касается как общего хода событий 1941–1944 гг. на Онежском озерном фронте, так и отдельных кампаний и, в частности, кампании 1944 г. Общую информацию по данной теме можно почерпнуть, обратившись к целому ряду изданий¹. Но приходится признать, что содержащиеся в них данные не отличаются полнотой, вследствие чего всей картины состояния и деятельности Онежской флотилии в мае – июне 1944 г. составить по ним сложно. Вместе с тем в нашем распоряжении имеется изданная еще в 1945 и 1948 гг. «Хроника боевых действий Онежской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза». Подготовленное для служебного пользования на основе архивных сведений, это издание

в краткой, но емкой форме излагает основные события боевых действий на Онежском озере, в том числе и кампанию 1944 г.²

Сегодня к этим материалам добавляются сведения финского Военного архива, размещенные на сайте Национального архивного агентства Финляндии. Благодаря публикации оперативных донесений и журналов боевых действий Онежской береговой бригады и ее частей и подразделений, оперативных документов штаба группы «Олонец», штаба и подразделений 7-й пехотной дивизии финнов появилась реальная возможность не только проверить точность показаний советской стороны, но и дополнить их теми данными, которые многие годы оставались недоступными для отечественных историков.

Зиму 1943–1944 гг. корабли и катера Онежской флотилии провели на стоянках в Череповце и Рыбинске. С личным составом проводились занятия по планам боевой подготовки. На кораблях и катерах осуществлялись работы по модернизации, ремонту оборудования, машин и механизмов. 25 января 1944 г. командующим флотилией вместо отозванного в распоряжение Наркомата ВМФ контр-адмирала П. С. Абанькина был назначен капитан 1-го ранга Н. В. Антонов, занимавший до этого должность начальника штаба Онежской флотилии.

К началу кампании 1944 г. в боевом составе флотилии числились дивизион канонерских лодок (командир капитан 3-го ранга И. П. Никулин, 4 корабля), 1-й дивизион бронекатеров (командир капитан-лейтенант Я. Г. Ельников, 2 отряда – 8 катеров), дивизион минных катеров (командир капитан 3-го ранга М. Ф. Крохин, 3 отряда – 13 катеров) и охрана водного района (командир капитан 3-го ранга А. З. Павлов, дивизион катерных тральщиков – 5 катеров, группа сторожевых кораблей – 2 корабля, отряд сторожевых катеров – 9 катеров). Всего, не считая вспомогательных судов, флотилия имела 41 корабль и катер, боеспособными из которых были 39 (1 канонерская лодка и 1 минный катер находились в ремонте). 29 мая в ее состав вошел еще один (девятый) бронекатер, а 3 июня прибыли две 100-мм плавучие зенитные батареи³.

С. М. Титов,

*научный сотрудник Национального музея РК
(Петрозаводск)*

ОНЕЖСКАЯ ВОЕННАЯ ФЛОТИЛИЯ В 1944 ГОДУ

70 лет назад войска Карельского фронта изгнали немецко-финских захватчиков с территории Карелии. Решающими оказались события летних месяцев 1944 г., когда в ходе активных наступательных действий были освобождены районы Южной Карелии и г. Петрозаводск. Важную роль в этих боях сыграли моряки Онежской военной флотилии, которым выпала честь первыми войти в столицу Карело-Финской ССР.

История Краснознаменной Онежской флотилии – одна из ярких страниц хроники Великой Отечественной войны в Карелии. Однако объектом полноценного научного изучения эта история не стала до сих пор. Это касается как общего хода событий 1941–1944 гг. на Онежском озерном фронте, так и отдельных кампаний и, в частности, кампании 1944 г. Общую информацию по данной теме можно почерпнуть, обратившись к целому ряду изданий¹. Но приходится признать, что содержащиеся в них данные не отличаются полнотой, вследствие чего всей картины состояния и деятельности Онежской флотилии в мае – июне 1944 г. составить по ним сложно. Вместе с тем в нашем распоряжении имеется изданная еще в 1945 и 1948 гг. «Хроника боевых действий Онежской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза». Подготовленное для служебного пользования на основе архивных сведений, это издание

в краткой, но емкой форме излагает основные события боевых действий на Онежском озере, в том числе и кампанию 1944 г.²

Сегодня к этим материалам добавляются сведения финского Военного архива, размещенные на сайте Национального архивного агентства Финляндии. Благодаря публикации оперативных донесений и журналов боевых действий Онежской береговой бригады и ее частей и подразделений, оперативных документов штаба группы «Олонец», штаба и подразделений 7-й пехотной дивизии финнов появилась реальная возможность не только проверить точность показаний советской стороны, но и дополнить их теми данными, которые многие годы оставались недоступными для отечественных историков.

Зиму 1943–1944 гг. корабли и катера Онежской флотилии провели на стоянках в Череповце и Рыбинске. С личным составом проводились занятия по планам боевой подготовки. На кораблях и катерах осуществлялись работы по модернизации, ремонту оборудования, машин и механизмов. 25 января 1944 г. командующим флотилией вместо отозванного в распоряжение Наркомата ВМФ контр-адмирала П. С. Абанькина был назначен капитан 1-го ранга Н. В. Антонов, занимавший до этого должность начальника штаба Онежской флотилии.

К началу кампании 1944 г. в боевом составе флотилии числились дивизион канонерских лодок (командир капитан 3-го ранга И. П. Никулин, 4 корабля), 1-й дивизион бронекатеров (командир капитан-лейтенант Я. Г. Ельников, 2 отряда – 8 катеров), дивизион минных катеров (командир капитан 3-го ранга М. Ф. Крохин, 3 отряда – 13 катеров) и охрана водного района (командир капитан 3-го ранга А. З. Павлов, дивизион катерных тральщиков – 5 катеров, группа сторожевых кораблей – 2 корабля, отряд сторожевых катеров – 9 катеров). Всего, не считая вспомогательных судов, флотилия имела 41 корабль и катер, боеспособными из которых были 39 (1 канонерская лодка и 1 минный катер находились в ремонте). 29 мая в ее состав вошел еще один (девятый) бронекатер, а 3 июня прибыли две 100-мм плавучие зенитные батареи³.

Переход с мест зимних стоянок в главную базу – город Вытегра – основные силы флотилии совершили в период с 5 по 15 мая (один отряд минных катеров прибыл 3 июня), а уже 16 мая суда впервые вышли в Онежское озеро. сторожевые корабли начали конвоирование буксиров и барж, шедших по маршруту Вытегра – Шала и обратно. Забегая вперед, заметим, что в период с 16 по 31 мая было проконвоировано 15 караванов, а с 1 по 30 июня – 20. Остальные корабли и катера, помимо несения сторожевой службы и выполнения других боевых задач, проводили учебные артиллерийские стрельбы. В качестве мест базирования флотилии, как и в прошлые годы, были определены г. Вытегра (главная база) и пос. Шальский (маневренная база).

Организационно Онежская флотилия входила в состав Краснознаменного Балтийского флота и подчинялась его командующему. В оперативном отношении, в соответствии с директивой Ставки Верховного Главнокомандования от 31 марта 1944 г., она подчинялась командующему Карельским фронтом. Согласно указаниям Главного морского штаба и приказа командующего фронтом на флотилию возлагались следующие задачи: разведка, действия на коммуникациях противника и активная оборона побережья Онежского озера во взаимодействии с частями 7-й и 32-й армий⁴.

Первая боевая операция кампании 1944 г. состоялась в ночь с 8 на 9 июня в полосе мыс Сухой Нос – мыс Самбо (Чейнаволоок) и имела целью разведку расположения огневых средств и береговых батарей противника и уничтожение его плавучих средств. Выполнение задачи возлагалось на 3 катера 2-го отряда минных катеров и отряд кораблей поддержки (3 катера). Плавсредств противника обнаружить не удалось, но возле Ропручья отряд был обстрелян финской артиллерией. Стреляли 4-я моторизованная тяжелая батарея (выпущено 20 гранат калибра 122 мм) и 13-я легкая береговая зенитная батарея (65 снарядов калибра 40 мм). В ответ катера дали 2 залпа (72 ракеты), после чего «на берегу вспыхнуло пять пожаров, вслед за которыми последовало два сильных взрыва».

Финны в своих документах отмечают, что при обстреле один снаряд попал в боковую стенку хозяйственного здания (не причинив, правда, серьезного ущерба), один повредил здание офицерского клуба, возле которого стоял электрический столб, другие упали на здание штаба и на середину берега, где повалили пару телефонных столбов и нарушили телефонную связь. В целом задача, поставленная перед отрядом, была выполнена, но при отходе осколками разорвавшегося снаряда был поврежден один катер, который пришлось взять на буксир⁵.

10 июня 1944 г. началось наступление войск Ленинградского фронта, поставившее Финляндию на грань военной катастрофы. Стремясь любыми способами стабилизировать обстановку, финское командование 11 июня принимает решение начать переброску части своих дивизий из Карелии на Карельский перешеек, а 16 июня отдает приказ об отходе основных сил II армейского корпуса (с Масельгского перешейка) и группы «Олонец» (с Олонецкого перешейка) в сторону государственной границы. Вечером 17 июня первые подразделения финских войск начали покидать свои позиции. В это же время войска Карельского фронта полным ходом готовились к наступлению, до которого оставались считанные дни.

17 июня командующий флотилией капитан 1-го ранга Н. В. Антонов был вызван в штаб 7-й армии, где получил указания относительно дальнейших действий флотилии. В соответствии с директивой штаба Карельского фронта на нее была возложена задача «огнем корабельной артиллерии и высадкой десантов содействовать форсированию р. Свирь и наступлению правофланговых соединений 7-й армии, действующих вдоль западного побережья Онежского озера на Петрозаводск». Иначе говоря, флотилия должна была взаимодействовать с 368-й стрелковой дивизией, которой командовал генерал-майор В. К. Сопенко⁶.

Внезапный отход финнов с позиций, которые они занимали и укрепляли с осени 1941 г., оказался для советского командования неожиданным и какое-то время оно, судя по всему,

не имело четкого представления о намерениях противника: будет ли он обороняться на северном берегу Свири или продолжит отступление в северном и северо-западном направлениях. Для того чтобы прояснить ситуацию 19 и 20 июня корабли флотилии провели 2 разведывательные операции в береговой полосе от Ропручья до мыса Куликов.

Вечером 19 июня сразу в нескольких местах действовали отряд минных катеров (4 катера) и 2 отряда бронекатеров (по 3 катера в каждом). Кроме того, наготове стоял отряд сторожевых катеров, которому предстояло (если, конечно, позволит обстановка) «доставить десант в районы действия катеров». Разведка выявила наличие противника по всему указанному району, так что повсюду катерам приходилось вступать в перестрелку с береговыми батареями противника. Десант пришлось отложить, хотя, как выяснилось позднее, именно его финское командование опасалось больше всего, а потому тут же ускорило отвод своих частей в сторону Петрозаводска⁷.

Самыми результативными в ходе этих событий оказались моряки 3-го отряда дивизиона минных катеров, которые из своих реактивных установок (по-фински – *urkutykki* – «органные пушки») обстреляли позиции финнов на мысе Часовня (там находился 2-й взвод 5-й механизированной полевой батареи, имевший 2 пушки калибра 76 мм) и на мысе Куликов (здесь располагалась 401-я легкая полевая батарея с 4 пушками калибра 75 мм). В первом случае с катеров было выпущено 96 ракет, во втором – 192. В результате на берегу были отмечены взрывы и пожары, однако этим, как выясняется, дело не ограничилось. По финским данным, при обстреле мыса Часовня одна серия русских ракет попала в расположение батареи, а 1 снаряд угодил прямо в оружейный дворик 2-го орудия, вследствие чего 4 финских солдата были убиты, а еще 4 – ранены⁸.

20 июня советские моряки повторили свои атаки. Первыми в полдень к финскому берегу подошли 7 катеров дивизиона минных катеров. Пройдя мимо мыса Часовня и вызвав на себя огонь сразу нескольких финских батарей, катера подошли к мысу Ку-

ликов и несколькими залпами обстреляли расположение 401-й легкой батареи финнов.

Как отметили финны, на сей раз русские действовали особенно настойчиво и в течение 40–50 минут 5 раз атаковали объекты на форте Куликов, не причинив, впрочем, никаких серьезных разрушений. В ходе перестрелки 401-я батарея израсходовала 168 снарядов, не добившись ни одного попадания в катера противника. В отчете флотилии указано, что на берегу были замечены 8 очагов пожара и сильные взрывы. Этого финны не подтверждают, но признают, что русским удалось-таки накрыть 401-ю батарею своими ракетами. Некоторые из них разорвались буквально в 3 м от орудийных позиций, но на сей раз потерь не было.

Причиной такого везения, как совершенно верно оценили финны, оказалась недостаточная мощность русских 82-мм реактивных снарядов. Их фугасное действие было слабым, а от осколков артиллеристов 401-й батареи, по всей видимости, спасли обложенные камнями стенки орудийных дворики. После этого катера 3-го отряда произвели разведку огневых точек противника на берегу Свирской губы, где в упор, с дистанции 200 м, обстреляли позиции финнов. Всего в ходе этой операции дивизион минных катеров выпустил 504 реактивных снаряда и 1917 патронов калибра 12,7 мм.

Вечером того же дня отряд из 4 бронекатеров провел разведку огневых точек противника на участке мыс Самбо – мыс Сухой Нос. Одно за другим были обстреляны расположения финнов у Подщелья, Каскесручья и Ропручья. На берегу загорелось несколько строений. Финны отвечали вяло, но смогли нанести повреждение одному бронекатеру. Впрочем, оно оказалось несущественным и было исправлено на месте⁹.

В это время ситуация на сухопутном фронте существенно изменилась. К ночи 20 июня на свирский берег вышли части 368-й стрелковой дивизии. Попытка форсировать реку сходу не удалась (финны отбили атаку), поэтому пришлось переправляться постепенно – не сразу и не в одном месте. На приозерном фланге

дивизии (в районе Вознесенья), где действовал 1224-й стрелковый полк, форсирование было назначено на утро 23 июня. Задача по обеспечению переправы возлагалась на Онежскую флотилию, для чего был выделен отряд катеров (17 вымпелов) под командованием командира дивизиона бронекатеров капитан-лейтенанта Я. Г. Ельникова.

21 июня началось наступление основных сил 7-й армии в районе Лодейного Поля. В этот же день моряки приступили к расчистке Онежского обводного канала. На следующий день к месту готовившейся переправы были доставлены собранные в Вытегре лодки, а также 2 буксирных парохода и 2 баржи, которые предполагалось использовать в качестве переправочных средств. В 5 часов утра 23 июня залп корабельных орудий и реактивных установок возвестил о начале форсирования Свири в районе Вознесенья. Благодаря хорошей подготовке и мощной артиллерийской поддержке, операция прошла быстро и практически без потерь. В ходе нее катера сначала вели огонь по позициям противника, а потом приняли участие в переброске на правый берег реки личного состава и техники¹⁰.

Форсировав Свирь, части 368-й стрелковой дивизии начали преследование противника по дороге Вознесенье – Петрозаводск. К исходу дня 24 июня авангард достиг рубежа Щелейки, а сутки спустя вышел на подступы к Рыбреке. После этого генерал-майор В. К. Сопенко принял решение осуществить запланированную еще ранее десантную операцию в Лахтинской бухте (севернее Шелтозера). В 13 часов 26 июня отряд катеров флотилии (1 сторожевой и 2 броневых катера) высадил в указанном месте роту 1224-го стрелкового полка (97 чел.), которой удалось перерезать идущую вдоль озера дорогу и во взаимодействии с подошедшим авангардом дивизии разгромить оборонявшиеся в данном районе силы противника. Как показали дальнейшие события, бой под Шелтозером стал последним относительно крупным боестолкновением на пути 368-й стрелковой дивизии к столице Карелии. Шелтозерский десант смешал все карты финского командования, и оно под шумок донесений об «унич-

тоженном» батальоне русских отказалось от планов дальнейшего сопротивления, ускорив отвод своих войск за Петрозаводск¹¹.

Стремясь настигнуть уходящего противника и нанести ему наибольшие потери, командующий Карельским фронтом распорядился осуществить еще одну десантную операцию. Вечером 27 июня 1944 г. отряд кораблей флотилии (27 боевых кораблей, 1 транспорт и 3 буксира с баржами) вышел в озеро, имея на борту десант 31-го отдельного батальона морской пехоты (780 чел.). К утру следующего дня он приблизился к Уйской губе (у села Деревянное). Около 7 часов, после артподготовки, к берегу пошли первые катера с десантниками. Находившиеся в Деревянном немногочисленные финские подразделения не сопротивлялись, вследствие чего вся операция, по словам ее участника В. Е. Минарова, прошла «спокойно, уверенно, смело и сравнительно быстро»¹².

Высадка основных сил десанта завершалась, когда около 9 часов с самолета-разведчика поступило сообщение о пожарах в Петрозаводске, до которого теперь оставалось чуть более 20 км. После этого командующий флотилией капитан 1-го ранга Н. В. Антонов приказал провести разведку Петрозаводской губы, направив туда 3-й отряд минных катеров под командованием командира дивизиона капитана 2-го ранга М. Ф. Крохина. Катера вышли в 9:50 и 40 минут спустя, не встретив сопротивления противника, подошли к петрозаводскому причалу. Там моряков ждала встреча с узниками петрозаводских концлагерей.

В это же время, не дождавшись завершения разведки, командующий флотилией на большом охотнике «Марсовый» в сопровождении 2-го отряда минных катеров пошел в сторону Петрозаводска. В 11:35 корабли подошли к городской пристани, в 12:00 начался митинг в честь освобождения столицы Карело-Финской ССР, а в 12:40 в ознаменование этого события был произведен салют – 21 выстрел из 76-мм орудия большого охотника «Марсовый».

Приняв решение занять Петрозаводск, капитан 1-го ранга Н. В. Антонов шел на риск. Точных данных о положении

и намерениях противника в штабе флотилии не было, как не было и сил, способных отразить возможную контратаку финнов. Достаточно сказать, что в первые часы весь контингент освободителей Петрозаводска состоял только из экипажей катеров (порядка 130 чел.). Десантники со своими пулеметами и пушками находились в районе село Деревянное – станция Деревянка и в Петрозаводск их доставляли в течение второй половины дня 28 июня и ночью 29 июня. Однако даже после этого сил для обороны города было маловато. И только когда во второй половине дня 29 июня в Петрозаводск с юга и севера вошли подразделения 368-й и 313-й стрелковых дивизий, стало ясно, что теперь столице Карело-Финской ССР уже больше ничего не угрожает.

Действия моряков в операции по освобождению Петрозаводска не остались без внимания командования: 29 июня флотилии была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего, 2 июля Указом Президиума Верховного Совета СССР она была награждена орденом Красного знамени, а 10 июля дивизионы канонерских лодок, бронекатеров и минных катеров Онежской флотилии были удостоены почетного наименования «Петрозаводских».

Однако в тот же день, 10 июля 1944 г., нарком ВМФ СССР адмирал флота Н. Г. Кузнецов подписал приказ о расформировании Онежской военной флотилии. Связано это было с тем, что озерное побережье было полностью очищено от противника, боевые действия теперь велись только на суше и необходимость содержать флотилию отпала. В соответствии с распоряжениями Главного морского штаба боевые корабли и катера передавались на другие флота и флотилии, а мобилизованные суда возвращались их прежним владельцам.

Процедура расформирования флотилии продолжалась 3 недели. В это время канонерские лодки и сторожевые корабли еще продолжали конвоирование транспортов и буксиров с баржами, а катера дивизиона катерных тральщиков осуществили контрольное траление в Петрозаводской, Кондопожской, Великой,

Лижемской и Уницкой губах, в Кижских шхерах и в Повенецком заливе. В ходе тральных работ мин обнаружено не было, и Онежское озеро было объявлено свободным для плавания.

История Онежской военной флотилии закончилась 2 августа 1944 г., когда на ее последнем боевом корабле – сторожевом корабле № 15 – был спущен военно-морской флаг¹³.

Для Онежской военной флотилии кампания 1944 г. оказалась самой короткой за весь период ее существования. Однако в эти полтора месяца действия моряков оказались наиболее удачными. Разведка занятого противником берега, обеспечение переправы через реку Свирь и 2 успешные десантные операции сыграли важную роль в освобождении Петрозаводска от финских захватчиков.

¹ Вьюненко Н. П., Мордвинов Р. Н. Военные флотилии в Великой Отечественной войне : (краткий военно-исторический очерк). М., 1957; Боевые вымпела над Онего : воспоминания моряков Онежской военной флотилии о Великой Отечественной войне. Петрозаводск, 1972; Боевая летопись Военно-Морского флота, 1944. М., 2006; Широкопад А. Б. Три войны «Великой Финляндии». М., 2007.

² Хроника боевых действий Онежской военной флотилии в Великой Отечественной войне Советского Союза. Вып. 2 (14 мая 1943 – 2 августа 1944 г.). М., 1948.

³ Хроника боевых действий... С. 66.

⁴ Там же. С. 65–66; Басов А. В. Флот в Великой Отечественной войне, 1941–1945 : опыт оперативно-стратегического применения. М., 1980. С. 226, 293.

⁵ Хроника боевых действий... С. 71–72; 4. Moottoroitu raskas patteri 1944–1944 (18855). S. 7–8; Rannikkotyöstörykmentti 4. Esikunta 1944–1944 (21634). S. 21.

⁶ Koskimaa M. Syväriltä Nietjärvelle. Aunuksen ryhmän taistelut kesällä 1944. Werner Söderström Oyj – WSOY Porvoo; Helsinki; Juva, 1998. S. 31–35; Карельский фронт в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. М., 1984. С. 192.

- ⁷ Хроника боевых действий... С. 74–78.
- ⁸ Хроника боевых действий... С. 76; 7. Divisioonan esikunta. Tykistökomentaja 1944–1944 (5784). S. 44–45; 5. Moottoroitu kenttäpatteri. II jaos 1944–1944 (18831). S. 11.
- ⁹ Хроника боевых действий... С. 80–81; Rannikkotykistörykmentti 4. Esikunta 1944–1944 (21634). S. 36–38; Rannikkotykistörykmentti 4 1944–1944 (21625). S. 5; 401. Kevyt patteri 1944–1944 (17116). S. 19–20; 4. Moottoroitu raskas patteri 1944–1944 (18855). S. 11; 5. Moottoroitu kenttäpatteri 1943–1944 (18829). S. 16–17.
- ¹⁰ Хроника боевых действий... С. 82–84.
- ¹¹ Там же. С. 85–88; Карелия в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 : документы и материалы. Петрозаводск, 1975. С. 302–303; *Koskimaa M. Syväriltä Nietjärvelle...* S. 117–119; Rannikkotykistörykmentti 4. Esikunta 1944–1944 (21634). S. 52; По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944 : документы и материалы. Петрозаводск, 1995. С. 469; ЦАМО. Ф. 368 сд (1698). Оп. 1. Д. 12. Л. 161–164.
- ¹² Карельский фронт... С. 213; Архив КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 6. Д. 122. Л. 7.
- ¹³ Хроника боевых действий... С. 94–100.
-
-
-

Л. Н. Юсупова,
канд. ист. наук, доцент ПетрГУ
(Петрозаводск)

ВКЛАД ОСОАВИАХИМОВСКИХ КОМАНД В РАЗМИНИРОВАНИЕ ТЕРРИТОРИИ КАРЕЛИИ В 1944–1945 ГОДАХ

Поиск эффективных методов патриотического воспитания подрастающего поколения получил отражение в принятых государственных программах в нашей стране на современном этапе. В сложившейся ситуации заслуживает внимания опыт воспитания патриотизма в СССР. Деятельность Общества по содействию обороне, авиационному и химическому строительству (далее – Осоавиахим) как центрального института реализации государственного проекта массового военно-патриотического воспитания в советской стране представляется одной из наиболее значительных в этой области по достигнутым результатам¹. В то же время отдельные этапы в деятельности организации, включая Великую Отечественную войну и послевоенные годы, остаются недостаточно изученными не только в целом в современной российской историографии, но и в региональном измерении темы.

История деятельности команд, созданных Осоавиахимом, по разминированию освобожденной от оккупации территории республики в 1944–1945 гг. представляет собой одну из ярких

страниц героической летописи истории Великой Отечественной войны в Карелии. Именно на этот период приходится самая масштабная работа осоавиахимовцев по разминированию территории Карело-Финской ССР после освобождения республики от оккупации.

Работы по разминированию освобожденной территории Карелии начались 25–26 июля 1944 г. Войсковые команды минеров следовали за наступающими частями Красной Армии. Постановлениями ГКО от 19 февраля 1944 г. и 19 сентября 1944 г. на Осоавиахим была возложена задача ликвидировать смертоносное оружие и подготовить освобожденные от врага территории СССР для мирной жизни населения. В июле 1944 г. был создан Республиканский штаб по сплошному разминированию территории республики. Штаб возглавил председатель Центрального Совета Осоавиахима республики В. В. Ванидовский. По материалам отчета председателя ЦС Осоавиахима КФССР за 1944 г., в организации состояло 11 446 членов, из них женщин – 7960². В общество входили 542 первичные организации, представлявшие промышленные предприятия, колхозы, совхозы, учебные заведения и школы. На 1 января 1945 г. в общество входило 15 785 человек³.

Территория, подлежащая разминированию в Карелии, составляла 75 984 км² при общей площади республики 168,6 тыс. км². Из 29 районов республики врагом были оккупированы 18. Территория для работ по разминированию, предназначенная по плану командам минеров Осоавиахима, составляла 41 351 км²; 16 733 км² должны были разминировать войсковые части минеров¹.

В соответствии с постановлением СНК и ЦК КП(б) КФССР от 21 марта 1944 г. в республике началось формирование районных команд минеров по линии Осоавиахима, каждая численностью от 25 до 50 человек в возрасте не моложе 15 лет. Как свидетельствуют биографии минеров, комплектование команд происходило большей частью из числа молодых людей, возвратившихся из эвакуации или освобожденных из оккупации. К июлю 1944 г. на курсах Осоавиахима в республике было

подготовлено 44 младших инструктора по разминированию и свыше 1200 бойцов⁵.

Как свидетельствуют сохранившиеся списки членов команд минеров и потерь в них, а также и списки осоавиахимовцев, представленных к наградам, личный состав команд минеров состоял исключительно из молодежи, причем в большинстве это были девушки 1927–1928 годов рождения.

В воспоминаниях бывших минеров подчеркивается, что они поступали на специальные курсы военной подготовки по призыву комсомола к молодежи Карелии. Занятия на курсах по минно-подрывному делу проходили в течение двух недель, программа курсов была рассчитана на 70 часов. Осоавиахимовцы проходили обучение без отрыва от основной работы, занятия проходили ежедневно и длились три часа.

Обучение на курсах по минно-подрывному делу завершалось экзаменом перед комиссией. На экзамене проводилась также проверка практических навыков будущих участников разминирования. По завершению экзамена комиссия выносила решение о том, в каком качестве в дальнейшем использовать курсанта на работах по разминированию: как рядового или младшего инструктора или помощника командира взвода или отделения. Подготовка же командного состава (начальников команд, командиров взводов и отделений) и инструкторов проходила по особой 300-часовой программе.

В отчетах Центрального и районных советов Осоавиахима КФСР по организации курсов по минно-подрывному делу в 1944 г. обращается внимание на то, что на них остро ощущался дефицит экспонатов, необходимые технические приспособления слушатели видели только на плакатах. Слабая материально-техническая база курсов не позволяла организовать полноценного обучения осоавиахимовцев. К тому же остро ощущалась нехватка преподавателей и программ обучения, от чего также страдало качество подготовки минеров. В сезон 1944 г. в некоторых районах республики (например, Суоярвском, Шелтозерском, Ведлозерском) полностью отсутствовали условия для организации курсов по подготовке минеров среди членов Осоавиахима⁶.

По состоянию на 31 августа 1944 г., как отмечалось в отчете председателя Центрального совета Осоавиахима о ходе формирования районных команд в КФССР, из 838 закончивших курсы мужчин работали в командах 120 человек, в то время как из прошедших подготовку на курсах 1406 женщин участвовали в разминировании 865 бойцов⁷. По специальному постановлению правительства и ЦК ВКП(б) КФССР от 13 июля 1944 г. к работам по разминированию не привлекались лица, подлежащие призыву в армию. В сведениях о военной подготовке минеров, представленных ЦС Осоавиахима КФССР на 1 октября 1944 г., число обучающихся членов организации составляло 2375 человек⁸. В целом за сезон 1944 г. на курсах Осоавиахима было подготовлено 2290 минеров и 123 инструктора, из них участвовали в работах по разминированию 1237 минеров и 97 инструкторов. В 1944 г. в 18 освобожденных районах республики были задействованы 19 осоавиахимовских команд, самыми многочисленными были команды минеров в Пудожском и Беломорском районах, соответственно 986 и 651 человек⁹.

За сезон 1945 г. подготовку на курсах прошли 596 минеров и 97 инструкторов, к работам же было привлечено 760 минеров и 86 инструкторов¹⁰. В этом сезоне 14 осоавиахимовских команд минеров работали в 14 районах республики¹¹. По данным отчета ЦС Осоавиахима КФССР от 26 октября 1945 г., на работы по разминированию было привлечено 60 % подготовленных минеров-осоавиахимовцев¹².

Проблема комплектования команд минеров по линии Осоавиахима оставалась сложной на протяжении всего периода работ по разминированию в республике. Об этом говорят и показатели укомплектованности команд минерами в соседних областях Северо-Запада к лету 1946 г. Если в Карелии этот показатель составлял 16,5 %, то в Новгородской области – 61, в Псковской – 21, в Вологодской – 51, в Ленинградской области – 36 %¹³.

Руководство общим ходом работ на минном поле осуществляли инструкторы. Минеры выстраивались цепью в группах по 6–7 человек на расстоянии в 25–50 м друг от друга и начинали движение по команде. От дорог, разминированием которых

занимались минеры войсковых частей, осоавиахимовцы проверяли участки до 50 м в сторону. После завершения проверки ставился трафарет со словами «Дорога проверена», на котором минер писал свою фамилию.

В материалах отчетов председателей районных советов Осоавиахима КФССР встречаются многочисленные упоминания о том, что команды минеров были плохо обеспечены транспортом по перевозке собранных трофеев с поля боя на склад. Из-за отсутствия транспорта минеры ежедневно совершали длительные пешие переходы на расстояние 40–50 км с грузом на плечах. По данным тех же отчетов, не отличалась в лучшую сторону и обеспеченность минеров боевым комплексом оснащения.

За сезон 1944 г. минерами-осоавиахимовцами было обезврежено: мин типа Т-35 – 8782 шт., ПМД – 8530, ПОМЗ – 8787, трубчатых – 13 705, бутылочных – 1126 шт.¹⁴ Как вспоминают бывшие минеры, финские саперы были большими мастерами по установке мин-сюрпризов, или «самodelов», которые искусно маскировались и были очень коварным оружием. «Мины устанавливались (противником. – Л. Ю.) без всякой системы, отдельными “кустами”, “очагами” по 5–10 штук, а то и в одиночку через 40–50 м друг от друга. Противник преследовал цель – при малом расходе взрывных средств держать в напряжении целые районы...» – указывалось в докладной записке начальника штаба разминирования Карельского фронта от 1 ноября 1944 г.¹⁵

Если учитывать, что отделение из шести человек обезвреживало за рабочий день до 60–70 мин, то можно представить себе, каким сверхчеловеческим испытанием для осоавиахимовцев была эта работа. Отдельные мины, установленные в начале войны, не только зарастали бурьяном, но и «врастали» в землю, взрыватели на них ржавели. «Сапер на фронте за 200 обезвреженных мин представлялся к награде, – обращал внимание читателей Ю. Власов в статье “Для них война закончилась в 1947 г.” на страницах газеты “Карелия”, – минер-осоавиахимовец Василий Мишин снял 295 мин, его товарищ Александр Правдин – 313... Это ли не воинский подвиг?! Но за него не давали боевых

наград»¹⁶. Отличившихся осоавиахимовцев награждали значком «Отличный минер», грамотами Президиума Центрального совета Осоавиахима СССР и Верховного Совета КФССР, в отдельных случаях могла быть назначена премия.

За сезон 1944 г., по официальным данным ЦС Осоавиахима КФССР, число подрывов среди минеров и инструкторов составило 101 жертву, из них были убиты 34 человека и ранены 67 человек. По спискам пострадавших минеров Центрального совета Осоавиахима за сезон 1944 г. видно, что в большинстве случаев это были девушки. В сезон 1945 г. среди минеров и инструкторов были убиты 9 и ранены 19 человек¹⁷. В отчетах председателей районных команд в Республиканский штаб по сплошному разминированию указывались такие причины чрезвычайных происшествий в ходе работ, как нарушение исполнительской дисциплины, необеспеченность необходимым комплексом оснащения минеров, допуск к работе неопытных людей, нарушение бойцами мер предосторожности.

Командами Осоавиахима в 1944 г. разминировано 19 097 км², в 1945 г. – 21 629 км², войсковыми частями обезврежено 1159 и 9504 км² соответственно¹⁸. В целом за 1944–1945 гг. были завершены работы по разминированию 12 районов республики.

Главными итогами работы команд минеров за сезон 1944 г. стали 170 разминированных населенных пунктов, 4451 разминированная дорога, были проверены 1142 населенных пункта. В целом по итогам сезона минерами было обезврежено 9525 противотанковых и 39 265 противопехотных мин противника, а также 2525 отечественных мин.

За сезон 1945 г. были разминированы 189 населенных пунктов и 2652 дороги. В этот сезон командами Осоавиахима было обезврежено 25 735 противотанковых и 64 635 противопехотных мин противника. Минерами войсковых частей было ликвидировано соответственно 35 776 и 294 972 единицы смертоносного оружия. В целом за 1944 и 1945 гг. силами команд Осоавиахима было обезврежено 45 092 отечественные мины, минерами войсковых частей – 77 759 единиц опасного оружия¹⁹.

Осоавиахимовские команды минеров внесли значительный вклад в разминирование территории Карелии после оккупации в годы Великой Отечественной войны, их деятельность представляет еще одну грань ратного и трудового подвига нашего народа в окончательной победе над врагом в годы войны 1941–1945 гг.

¹ Никонова О. Ю. Воспитание патриотов : Осоавиахим и военная подготовка населения в уральской провинции (1927–1941 гг.). М., 2010.

² Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-2264. Оп. 1. Д. 47. Л. 103.

³ Там же. Оп. 7. Д. 13/116. Л. 122.

⁴ Там же. Д. 133. Л. 7.

⁵ Там же. Д. 13/116. Л. 141.

⁶ Там же. Д. 5/38. Л. 105.

⁷ Там же. Д. 4/26. Л. 13.

⁸ Там же. Д. 5/38. Л. 36.

⁹ Там же. Л. 105.

¹⁰ Там же. Л. 6.

¹¹ Там же.

¹² Карелия в годы Великой Отечественной войны : освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни, 1944–1945 : сб. документов и материалов. Петрозаводск, 2010. С. 283.

¹³ НА РК. Ф. Р- 2264. Оп. 7. Д. 5/38. Л. 7.

¹⁴ Там же. Д. 14/118. Л. 8.

¹⁵ Карелия в годы Великой Отечественной войны. С. 276–277.

¹⁶ Карелия. 1995. 28 марта

¹⁷ НА РК. Ф. Р-2264. Оп. 7. Д. 16/43. Л. 71.

¹⁸ Там же. Д. 5/38. Л. 8.

¹⁹ Там же. Л. 12.

Л. И. Вавулинская,
канд. ист. наук, ст. научный сотрудник
ИЯЛИ КарНЦ РАН
(Петрозаводск)

ДЕМОБИЛИЗОВАННЫЕ ВОИНЫ В КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР: ПОЛОЖЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА (1944–1947)

В статье на основе документальных материалов, выявленных в Национальном архиве Республики Карелия, впервые в местной исторической литературе освещаются проблемы бытового и трудового устройства демобилизованных из Красной Армии воинов.

В первые послевоенные годы демобилизованные составили наиболее массовое пополнение рабочего класса как в стране, так и в республике. На основании Закона о демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии от 23.06.1945 были уволены первые 13 старших возрастов. В том же году демобилизация коснулась 10 последующих возрастов рядового и сержантского состава, а также военнослужащих, имевших законченное высшее и среднее техническое образование, бывших студентов и др.¹ В 1948 г. процесс демобилизации в основном завершился.

Но еще до начала массовой демобилизации, в декабре 1943 г. – январе 1944 г., на предприятия лесной промышленности республики, игравшей важную роль в обеспечении фронта и тыла лесоматериалами, было направлено более 5 тыс. рабочих из не-

строевого состава действующей армии. Многие из них были судимы, а часть находилась на временно оккупированной немцами территории. Из числа поступивших в республику демобилизованных 25–30 % были больны дистрофией².

Предприятия лесной промышленности оказались не подготовлены к приему такого количества рабочих. Так, на Маленгском механизированном лесозаготовительном пункте в январе – феврале 1944 г. количество работающих возросло до 1500 человек, тогда как это предприятие могло принять не более 600 рабочих. На Вирандозерском механизированном лесопункте число рабочих составило более 1 тыс. человек, а предприятие могло разместить не более 500 рабочих. Такое же положение было на других предприятиях, которые не имели возможности обеспечить прибывших демобилизованных воинов сносными бытовыми условиями. Все это усугубило и без того тяжелое положение прибывших из Красной Армии бойцов, которые в силу ранений, контузии и слабого физического состояния, как правило, не могли работать на основных работах в лесу и поэтому не пользовались дополнительным питанием.

5 марта 1944 г. демобилизованные – лесорубы Чупинского леспромхоза – направили коллективное письмо на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева. В нем говорилось: «Мы, демобилизованные из рядов РККА как нестроевые (раненные и больные), мобилизованы на лесозаготовки, на которых проработали по 2 месяца. За эти два месяца многие из нас заболели, так как работали в летней обуви и еще больше сильно истощали. Из нашей среды, примерно 40 человек, уже трое умерло.

Причины истощения следующие:

1. Получаем хлебный паек 500 г на день, который состоит из сорицы, и причем, как правило, всегда сырой. По сравнению с доброкачественным хлебом получаем не более 400 г на день.
2. Приварок – суп – обычно состоит почти из воды, похожей на помой и, причем, дают 2 раза в день по 0,5 литра. Получаемая овсяная каша на завтрак составляет 2–3 ст. ложки,

которая не может удовлетворить 5–6-месячного ребенка на один раз. Мы же на этом питании вынуждены работать еще в лесу...

В тех случаях, когда человек уже совершенно не может выйти на работу, то начальство только и обещает посадить на иждивенческий паек, то есть на 300 г хлеба и одну порцию супа. В результате рабочий Горбачев после смены пошел в больницу и по дороге умер. В общем, мы ходим уже не как люди, а как тени... Учет труда ведется путано, что не найдешь конца, причем мы стоим особо по сравнению с кадровыми рабочими. Ведомости на зарплату составляются не по месяцам и без указания удержаний. Большинство из нас сидит без денег, распродали последнее белье и для того, чтобы выкупить несчастный суп, вынуждены продавать хлеб из мизерного пайка... Мы еще Родине пригодимся своей работой, но нам нужно спасти жизнь»³.

Из 134 бывших бойцов Красной Армии, работавших в Чупинском леспромхозе, умерло от истощения 15 человек, 51 рабочий был освобожден от работы военной медицинской комиссией⁴. На Нижне-Идельском лесопункте проживали около 600 человек, питание было плохим: суп-вода из сущика и ложка каши, овощей не выдавали. На работу не выходило около 60 дистрофиков⁵. На Вирандозерском лесопункте из 778 демобилизованных были отправлены домой по состоянию здоровья 384 человека, переданы другим организациям 75 человек, умерло 84 человека, из них вследствие дистрофии 73 человека, сбежало 45 человек, осталось 190 человек. Из оставшихся рабочих 34 человека были больны (7 человек – дистрофией и цингой, остальные имели освобождение от работы вследствие травм и простудных заболеваний)⁶.

11 марта 1944 г. ЦК КП(б) и СНК КФССР приняли специальное решение об усилении питания этих рабочих и отправили значительную часть их по домам. Для демобилизованных рабочих Вирандозерского лесопункта было выделено 98 медицинских пайков. На лесопункте имелись 1 врач и 2 фельдшера, врачебно-амбулаторный пункт с 10 больничными койками.

Кроме того, была организована база отдыха с усиленным питанием, где в течение 20 дней отдыхало 32 человека. Несмотря на это, смертность на лесопункте не прекратилась. Более того, после освобождения комиссией райвоенкомата значительной части демобилизованных и отправки их по домам, некоторые из оставшихся на лесопункте рабочих начали добиваться освобождения, не останавливаясь даже перед самоистощением: продавали полученные медицинские пайки, хлеб и другие продукты питания.

15 марта 1944 г. нарком здравоохранения КФССР Альховский направил председателю СНК КФССР П. Прокконену и секретарю ЦК КП(б) КФССР Г. Куприянову докладную записку, в которой подчеркивалось, что положение демобилизованных бойцов таково, что «на ближайшие несколько недель следует уже ставить вопрос не о рабочей силе, а просто о людях, которых нужно спасти от угрозы смерти»⁷.

ЦК КП(б) и правительство республики вынуждены были снизить на 30 % нормы выработки для этого контингента и, чтобы избежать большой смертности, организовали на лесозаготовках 3 госпиталя на 325 коек, расширили стационары больничного типа. На 7 крупных предприятиях были созданы двухнедельные базы отдыха с пропускной способностью 140 человек в смену. Направление на эти базы производилось профорганизациями по заключению врача. В 1944 г. на базах побывало 357 человек. Все рабочие, прошедшие отдых на базах, приступили к физическим работам на производстве⁸.

В августе 1944 г. был утвержден список предприятий НКЛеса, получающих медицинские пайки для усиленного питания истощенных рабочих и их госпитализации – Чупинский, Кемский, Сумский, Медвежьегорский, Беломорский леспромхозы, Маленгский лесопункт, а также лесозаводы. Всего было выделено 725 медицинских пайков, включавших по 1 кг сахара, 6 кг творога, 6 л молока и 2,7 кг рыбы в месяц. Кроме того, госпитализировано 385 человек⁹. По ходатайству правительства

республики лесорубам была увеличена норма хлеба до 800 г. Демобилизованные красноармейцы, которые по состоянию здоровья не могли работать на лесозаготовках, были отправлены домой – свыше 2 тыс. человек¹⁰.

В октябре 1944 г. по постановлению ГКО на предприятиях Наркомлеса КФССР было введено улучшенное снабжение рабочих. Для рабочего, выполняющего дневные нормы выработки, выдавались следующие продовольственные товары в день: мяса – рыбы – 323 г, жиров – 30 г, крупы – 200 г, овощей (картофеля) – 200 г. Рабочим, выполняющим нормы выработки от 110 % и выше, выдавалось 900 г хлеба в день, от 100 до 110 % – 800 г в день, не выполняющим нормы выработки – 600 г в день. Введение повышенных норм питания удовлетворительно сказалось на укреплении физического состояния работающих, снижении заболеваемости дистрофией¹¹.

Вместе с тем на предприятиях лесной промышленности республики текучесть рабочих кадров оставалась высокой. Только на предприятия Наркомлеса КФССР за 1944 г. прибыло 62 постоянных рабочих, а убыло 970; прибыло демобилизованных из Красной Армии 1466 человек, а убыло 4670; прибыло временно мобилизованных 7132, а убыло 5499; прибыло реэвакуированных 3219, а убыло 1456¹².

С началом массовой демобилизации из действующей армии в 1945 г. перед органами власти республики встали задачи создать надлежащие материально-бытовые условия для возвращающихся в республику демобилизованных воинов, обеспечить их трудоустройство и закрепить эти кадры в республике. Совет Министров КФССР совместно с ЦК КП(б) КФССР 4 июля 1945 г. приняли постановление «О мероприятиях по организации встречи, материально-бытового обеспечения и трудового устройства бойцов и офицеров, демобилизованных из рядов действующей Красной Армии и Военно-Морского Флота», в котором на партийные, общественные и советские органы была возложена обязанность обеспечить демобилизованных питанием, медпомощью, транспортом до места назначения,

культурным обслуживанием, жилой площадью, организовать наилучшее трудовое устройство с учетом работы, не ниже выполняемой ими до ухода в армию¹³.

Постановлением СНК СССР от 1 августа 1945 г. для демобилизованных из Красной Армии и членов их семей в 1945 г. были сохранены налоговые льготы по сельскохозяйственному налогу на хозяйства, по военному налогу для членов семей демобилизованных, по налогу на холостяков, одиноких и малосемейных граждан СССР, установленные для военнослужащих и их жен, сроком на один год со дня демобилизации служащего. Кроме того, граждане, демобилизованные из Красной Армии, были освобождены от взимания военного налога в 1945 г.¹⁴

По сведениям военного отдела ЦК КП(б) КФССР, за период Великой Отечественной войны военными комитетами республики было мобилизовано в ряды Красной Армии до 100 000 военнообязанных. На 12 января 1946 г. в КФССР прибыли 9 301 демобилизованный, из них женщин – 1099¹⁵. Правительство республики выдало ссуды на восстановление и строительство жилых домов 438 фронтовикам в сумме 1 695 100 руб., на хозяйственное обзаведение – 16 фронтовикам в сумме 19 600 руб., оказало единовременную денежную помощь в сумме 21 825 руб. Жилой площадью были обеспечены 887 демобилизованных, отремонтировано 442 дома и квартиры, обеспечены топливом 2237 человек, скотом – 150 человек. Из прибывших в республику демобилизованных воинов было трудоустроено 7418 человек, из них в промышленности – 3368, в сельском хозяйстве – 1582, в колхозах – 1749, на предприятиях и в учреждениях городского хозяйства – 719¹⁶.

Однако, как отмечалось в постановлении бюро ЦК КП(б) КФССР от 13 сентября 1945 г. «Об устройстве и обеспечении демобилизованных из действующей армии по Карело-Финской ССР», горкомы и райкомы партии, городские и районные исполкомы советов, руководители хозяйственных и профсоюзных организаций допускали случаи, когда демобилизованные не обеспечивались жильем и топливом, им не возвращалась

принадлежавшая ранее жилая площадь, не принимались должные меры по повышению квалификации прибывших в республику демобилизованных, по созданию производственных и жилищно-бытовых условий, в результате чего в Кондопожском леспромхозе из 12 демобилизованных 10 ушли с работы из-за отсутствия жилой площади. Демобилизованный Аристов до войны работал в сапожной мастерской Рыборецкого сельсовета Шелтозерского района, однако его не приняли на прежнее место работы, предложив работать конюхом. Демобилизованный Компанец (Пудожский район) вследствие того, что ему не были созданы условия в работе (совхоз № 1), был вынужден перейти работать в колхоз, за что был осужден народным судом на 4 месяца тюремного заключения и содержался под стражей в течение 17 дней. Верховный суд КФСР отменил приговор за отсутствием в действиях Компанейца состава преступления¹⁷.

Бывшие фронтовики составили особый социум послевоенного советского общества. Демобилизация, о которой так мечтались на фронте, для многих обратилась серьезной проблемой. Прежде всего для самых молодых (1923–1927 годов рождения), т. е. тех, кто ушел на фронт со школьной скамьи, не успев получить профессии, обрести устойчивый жизненный статус¹⁸. В особом положении оказались и фронтовики – инвалиды Отечественной войны, остро нуждавшиеся не только в хирургическом или терапевтическом лечении, но и в специальной психологической поддержке. По инвалидности вернулись в республику с фронтов Отечественной войны 5295 человек¹⁹. Для них оказался более сложным, чем для других демобилизованных, поиск работы, и даже спустя два-три года после окончания войны значительная часть инвалидов оставалась нетрудоустроенной.

Большую помощь демобилизованным оказывали местные Советы. Так, исполком Кондопожского райсовета отремонтировал 46 домов демобилизованных, вновь построил для них 30 домов, выдал 495 тыс. руб. ссуд 50 демобилизованным воинам на строительство домов и 15,5 тыс. руб. 9 фронтовикам на приобретение

скота. Была оказана продовольственная помощь и выдано 620 кг зерна, 2600 кг картофеля, 50 банок консервов, 340 кг рыбы. Демобилизованным выделено 100 км³ дров, отведен лесосечный фонд на 267 км³ строительного леса для строительства и восстановления жилых домов и хозяйственного обзаведения²⁰.

Значительную материальную помощь бывшие фронтовики получили от хозяйственных организаций и предприятий, на которых трудились. Например, Сегежский бумкомбинат отпустил 6500 руб. на восстановление жилых домов и квартир демобилизованных, им было выдано 50 пайков продовольственных товаров из резерва подсобного хозяйства, 100 одеял, 25 пар обуви, 92 м мануфактуры, 28 пар белья, несколько костюмов и т. д. С помощью руководства целлюлозного комбината в Харлу 30 демобилизованных воинов приобрели 19 коров и 11 овец и коз. Комбинат выделил демобилизованным 18 пар обуви, 11 фуфаяк, 15 пар брюк, 10 простыней, 5 одеял, 38 м мануфактуры, 160 м сукна, 7 пар белья, 2 костюма, 3 пальто, 50 кг семенного картофеля. Кроме того, комбинатом бесплатно было отпущено 30 пар обуви для взрослых и 45 пар обуви для детей, 1110 м мануфактуры и других материалов на общую сумму 5700 руб., выделено для дополнительного питания 250 кг сухих фруктов и концентратов, за счет соцстраха выдана единовременная помощь в размере 1500 руб. В пионерские лагеря были направлены 25 детей демобилизованных (стоимость путевок – 6300 руб.) и т. д.²¹

Одной из самых важных задач местных органов власти являлось трудоустройство демобилизованных. В основном они вернулись на предприятия и в учреждения, где работали до мобилизации, заняв прежнюю должность или должность в соответствии с новой специальностью и квалификацией, приобретенной в армии. В конце марта 1947 г. в республике насчитывалось 13 882 демобилизованных рядовых и сержанта, из них трудоустроено в промышленности и городских учреждениях – 6442 человека, в сельских предприятиях и учреждениях – 4035 человек, работали в колхозах – 2 605 человек²².

Демобилизованные офицеры в большинстве случаев заняли более ответственные и оплачиваемые должности по сравнению

с довоенными. Так, в Олонецком районе из 75 демобилизованных офицеров устроились на более высокую должность 52 человека, в Прионежском районе – 14 человек из 26, в Лоухском – 22 из 30, в Калевальском – 12 из 25, в Шелтозерском – 17 из 25 человек. В конце марта 1947 г. в республике было 1969 демобилизованных офицеров, из них 1889 были трудоустроены²³.

В то же время часть демобилизованных в силу различных причин выехала из Карелии. Возвратились в республику по демобилизации, по разным учетным данным, от 15 851 до 17 160 демобилизованных воинов, из них до середины апреля 1947 г. выбыли из республики от 1807 до 1889 человек (10–12 %)²⁴. Наибольшее число выехавших из КФСР приходилось на г. Петрозаводск и Кондопожский район, откуда уехала одна треть прибывших фронтовиков, Беломорск – 23 %, Кемь – 16 %, Олонец – 14 %. В то же время в таких районах, как Питкярантский, Куркиёкский, Калевальский, не было зафиксировано случаев выезда демобилизованных²⁵.

Таким образом, в силу тяжелого положения республики после разрушительной войны не все удалось сделать по жилищному устройству, снабжению продовольственными и промышленными товарами демобилизованных и их семей, встречались и факты бездушного отношения к их нуждам. В результате часть бывших воинов покинула республику. Тем не менее правительство республики, местные органы власти приложили немало усилий для материально-бытового обеспечения и трудоустройства бывших фронтовиков, закрепления этих кадров в республике. В наилучшем положении оказались фронтовики, работавшие на крупных промышленных предприятиях республики, которые смогли оказать демобилизованным существенную материальную помощь.

¹ История советского рабочего класса : в 6 т. Т. 4 : Рабочий класс СССР в годы упрочения и развития социалистического общества, 1945–1960 гг. М., 1987. С. 101.

- ² Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК).
Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1339. Л. 8.
- ³ Там же. Д. 1133. Л. 2–3.
- ⁴ Там же. Л. 9.
- ⁵ Там же. Д. 1339. Л. 4.
- ⁶ Там же. Д. 1133. Л. 22, 26–28.
- ⁷ Там же. Д. 1339. Л. 1–1 об.
- ⁸ Там же. Д. 1335. Л. 13 об.
- ⁹ Там же. Д. 1326. Л. 36.
- ¹⁰ Там же. Д. 1133. Л. 16, 17, 19, 22.
- ¹¹ Там же. Д. 1335. Л. 10 об.
- ¹² Там же. Л. 6 об, 7.
- ¹³ Там же. Оп. 15. Д. 583. Л. 3.
- ¹⁴ Там же. Л. 3.
- ¹⁵ Там же. Оп. 17. Д. 182. Л. 6–7; Оп. 18. Д. 317. Л. 5.
- ¹⁶ Там же. Д. 182. Л. 6–7.
- ¹⁷ Там же. Оп. 1. Д. 1440. Л. 179–182.
- ¹⁸ *Зубкова Е. Ю.* Послевоенное советское общество : политика и повседневность, 1945–1953. М., 2000. С. 28.
- ¹⁹ Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 8.
Оп. 18. Д. 317. Л. 5.
- ²⁰ НА РК. Ф. Р-1394. Оп. 6. Д. 122/657. Л. 211.
- ²¹ Там же. Л. 212–213.
- ²² Там же. Л. 207.
- ²³ Там же. Л. 208, 210.
- ²⁴ Там же. Л. 207–208; Оп. 8. Д. 9/99. Л. 30–31, 41.
- ²⁵ Там же. Оп. 8. Д. 9/99. Л. 43.
-
-

Э. Л. Коршунов,
*начальник научно-исследовательского отдела
(военной истории Северо-Западного региона РФ)
НИИ(ВИ) ВАГШ ВС РФ, полковник
(Санкт-Петербург)*

КАРТЫ МИННЫХ ПОЛЕЙ 32-Й АРМИИ (ВТОРОГО ФОРМИРОВАНИЯ) КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК

Со времени окончания Второй мировой войны минуло почти семь десятилетий. Отголоски тех трагических дней до сих пор дают о себе знать. На бывших полях сражений в северо-западных районах России оставались миллионы мин и фугасов, неразорвавшихся авиабомб, снарядов и гранат, немалое число складов боеприпасов. Все это представляло серьезную опасность для передвижения войск, жизни людей, являлось серьезным препятствием для восстановления и развития экономики страны. За тридцать пять послевоенных лет инженерными подразделениями на территории СССР было обнаружено и уничтожено «свыше 122 млн различных боеприпасов и около 58,5 млн инженерных мин на площади 1,5 млн квадратных километров»¹. Находки нередки и в наши дни.

Международное сообщество на протяжении нескольких десятилетий выказывает свою озабоченность в отношении той опасности, которую несут сохранившиеся в земле неразорвавшиеся боеприпасы. Так, 3 декабря 1997 г. Организация Объединенных Наций открыла для подписания Конвенцию о запреще-

нии применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении (т. н. Оттавская конвенция). К тексту конвенции прилагался протокол о запрещении и ограничении применения мин, мин-ловушек и других устройств. 8 декабря 2005 г. Генеральная ассамблея ООН постановила провозгласить 4 апреля Международным днем просвещения по вопросам минной опасности и помощи в деятельности, связанной с разминированием и отмечать его ежегодно.

На территории Северо-Западного региона Российской Федерации активные боевые действия велись на протяжении всей Великой Отечественной войны. Общая площадь, которую они затронули, превышает 250 тыс. км² (40 % всей площади региона). Опыт очистки территории Ленинградской области от взрывоопасных предметов (ВОП²) показывает, что территории, на которых велись боевые действия, имеют засоренность взрывоопасными предметами в среднем 4 единицы на 1 га, а в районах бывших линий обороны – до 150 единиц на 1 га³.

Процесс очистки территории Северо-Западного региона от ВОП по объективным причинам растянулся на десятилетия. Не приходится говорить о том, что к настоящему времени извлечены все взрывоопасные предметы. Тем не менее основная их масса была обнаружена и уничтожена еще в 1944–1948 гг. В ходе последующих проверок отдельных площадей хотя и выявлялось значительное количество ВОП, однако несопоставимо меньшее, чем в вышеуказанный период.

В 1960–1980-е гг. администрациям областей Северо-Западного региона неоднократно приходилось возвращаться к проблеме ВОП.

То, что проблема разминирования не утрачивает своей актуальности, обусловлено, прежде всего, объективными причинами. С 1944 г. по 1970-е гг. работы по сплошной очистке местности проводились на глубину 20–40 см, «исходя из технических возможностей существовавших в то время средств поиска»⁴. Значительные территории Северо-Западного федерального округа, на которых проводились работы по очистке местности

от ВОП, остаются опасными из-за процесса постепенного «вымерзания» боеприпасов, т. е. их подъема, за счет промерзания грунта.

В 2006 г. на территории округа задачи по обезвреживанию, вывозу и уничтожению взрывоопасных предметов выполняли 12 нештатных групп разминирования. В составе групп было задействовано более 50 военнослужащих и 24 автомобиля. В 2008 г. группами разминирования было обезврежено, вывезено и уничтожено 58 348 снарядов, гранат, мин и других боеприпасов периода Великой Отечественной войны. Эти группы выполнили свыше 500 заявок на территории Северо-Запада. За весь 2008 г. не было ни одного случая подрыва и гибели местных жителей, чему способствовала постоянно проводимая саперами во время выездов разъяснительная работа с населением⁵.

В последующие годы работа по выявлению ВОП на Северо-Западе страны продолжалась. В ходе подготовки и проведения оперативно-стратегического учения «Ладога-2009» в августе – сентябре 2009 г. группами разминирования ЛенВО были проверены районы проведения учения на наличие ВОП. Саперами были обнаружены и уничтожены сотни взрывоопасных изделий времен минувшей войны. «Только в Заполярье, где этап с боевой стрельбой 200-й отдельной мотострелковой бригады проходил в районе старых оборонительных позиций, саперы обнаружили и подорвали 150 боеприпасов»⁶.

С начала полевых работ в 2009 г. личным составом 90-го отдельного специального поискового батальона при розыске неучтенных воинских захоронений были найдены 20 единиц оружия, 431 взрывоопасный предмет военной поры⁷.

В настоящее время воины инженерных войск успешно выполняют задачи по обнаружению и уничтожению взрывоопасных предметов в зоне ответственности Западного военного округа, по защите мостов и других гидротехнических сооружений от ледоходов и паводков, по обеспечению учений и повседневной деятельности войск. Силами групп разминирования инженерных воинских частей и подразделений военного округа

в течение 2013 г. обезврежено и уничтожено более 16 тыс. боеприпасов времен Великой Отечественной войны, очищено от взрывоопасных предметов 60 тыс. га территории полигонов, на которых в 2010–2012 гг. проводилось уничтожение боеприпасов взрывным способом. За выполнение поставленных задач только в 2013 г. награждено 17 военнослужащих инженерных войск Западного военного округа.

О масштабах выполненных группами разминирования в 2004–2013 гг. работ свидетельствуют данные, приведенные ниже в таблице.

**Данные об обнаруженных
и уничтоженных взрывоопасных предметах
на территории Северо-Западного федерального округа
в 2004–2013 гг.**

Год	2004	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Выполнено заявок	518	766	744	530	513	322	306	298	282	324
Всего уничтожено ВОП	24927	108048	56856	71937	58348	23747	13632	15785	11962	13986
Снаряды	9140	48279	18403	24628	20545	8209	6250	7011	5342	4833
Инж. мины	1081	2856	1737	1966	1499	253	258	129	151	297
Мин. мины	4777	26202	20149	27437	18913	4585	2589	3692	2920	1371
Гранаты	1672	14879	14681	16662	10775	9228	4011	3537	2410	5309
Другие ВОП	8257	15832	1886	1244	6616	1472	524	1416	1139	2176

Помимо инженерных частей Западного военного округа, большой вклад в очистку местности от ВОП внесли специализированные группы по разминированию Северо-Западного регионального центра по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий

МЧС Российской Федерации. Об этом свидетельствуют следующие данные по обезвреживанию и уничтожению ВОП на территориях (акваториях) Северо-Западного федерального округа РФ: 2007 г. – 13 323 ВОП (в т. ч. 95 авиабомб); 2008 г. – 9069 (113 авиабомб); 2009 г. – 14 753 (143 авиабомбы); 2010 г. – 16 488 (172 авиабомбы); 2011 г. – 16 890 (107 авиабомб); 2012 г. – 13596 (105 авиабомб); 2013 г. – 10 274 (76 авиабомб).

О крайне опасном труде тех, кто занимался разминированием, писали в своих воспоминаниях В. И. Демидов⁸, В. И. Репин, А. Б. Немчинский, П. А. Заводчиков. Особый интерес представляют воспоминания генерал-лейтенанта инженерных войск Бориса Владимировича Бычевского⁹, использовавшего при их написании имевшиеся в его распоряжении карты минных полей. Однако лучше всего об этом могут рассказать документы.

В XXI в. актуальность проблемы очистки местности, ранее бывшей ареной ожесточенных боев, вновь вызвала ряд публикаций историков, в том числе военных¹⁰. И эта актуальность состоит не только в том, чтобы отдать дань памяти людям, которые как в военное время, так и в послевоенные годы с риском для жизни выполняли боевые задачи по разминированию, но и до сих пор имеющимися фактами гибели людей от ВОП.

Карты минных полей в настоящее время играют роль не только исторического источника, но и документа, применение которого в работе специальных служб просто необходимо. Ведь это позволит не только целенаправленнее проводить профилактическую работу, особенно среди молодежи, но и снизит экономические затраты, связанные с инженерной разведкой при освоении новых земель.

В научно-исследовательском отделе (военной истории Северо-Западного региона РФ) Научно-исследовательского института (военной истории) Военной академии Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации находится коллекция карт минных полей 32-й армии (второго формирования).

Массив карт насчитывает 21 экземпляр. Карты (схемы) исполнены на бумаге различного сорта (картон, полукarton, оберточ-

ная бумага, миллиметровая бумага, калька и пр.), формата, при их отработке использовалась тушь, чернила, простые и цветные карандаши.

На схемах представлены участки обороны и участки заграждений, нанесены противотанковые и противопехотные минные поля с указанием типа и количества установленных мин, фугасов (в т. ч. с применением артиллерийских снарядов, труб), указаны камнеогнеметные¹ огневые точки, показаны завалы, созданные инженерными подразделениями, а также минированные завалы, есть отметки о разминировании некоторых минных полей, о переносе некоторых сведений на послевоенные карты, сделанные в 1945–1946 гг.

Большинство карт (схем), исполненных в феврале – марте 1944 г., подписаны начальником штаба инженерных войск 32А полковником Маркевичем и помощником начштаба майором А. Анкудиновым, карты (схемы), исполненные в августе – сентябре 1944 г., подписаны начальником штаба инженерных войск 32А подполковником Н. Ефановым и майором Анкудиновым.

Карта минных полей правого фланга (по рубежу оз. Волозеро, р. Салмозерка, оз. Салмозеро, Хижозеро) 313-й Краснознаменной стрелковой дивизии подписана дивизионным инженером майором Копыловым.

Необходимо отметить, что карты (схемы) были отработаны в единственном экземпляре, в настоящее время сохранность рассмотренных документов обеспечена, и они еще ждут своего исследователя.

¹ Инженерные войска / под ред. П. И. Бирюкова. М., 1982. С. 397.

² В официальных документах ООН также используется аббревиатура «ВОП» – «взрывоопасные остатки войны», под которыми понимаются неразорвавшиеся боеприпасы и оставленные взрывоопасные боеприпасы.

³ *Мякишев Б. А., Киселев В. А., Притолок А. А.* Анализ существующих методов контроля качества очистки местности от взрывоопасных предметов // *Военная мысль*. 2009. № 11. С. 47–52.

⁴ Там же.

⁵ *Вести*. 2009. 3 февр.

⁶ На страже Родины. 2009. 14 окт.

⁷ Там же. 17 июля.

⁸ *Демидов В. И.* Мы уходим последними. Л., 1972; *Репин В. И.* Без права на ошибку. М., 1976; *Немчинский А. Б.* Осторожно, мины. М., 1956; *Заводчиков П. А., Самойлов С. С.* Девичья команда. М., 1975; и др.

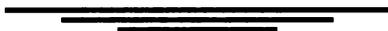
⁹ *Бычевский Б. В.* Оборона Ленинграда 1941–1944 гг. Л., 1959.

¹⁰ См. подробнее: *Взрывные поражения : руководство для врачей и студентов / Э. А. Нечаев, А. И. Грицанов и др.* СПб., 2002; *Из районов области сообщают... : свободные от оккупации районы Ленинградской области в годы Великой Отечественной войны, 1941–1945 : сб. документов / отв. ред. А. Р. Дзенискевич.* СПб., 2007 (документы № 164, 186, 190, 196, 198, 202, 218, 223); *Валецкий О. В.* Минное оружие : вопросы минирования и разминирования. М., 2009; *Коршунов Э. Л.* Очистка местности от взрывоопасных предметов на северо-западе Российской Федерации, 1944–2009 гг. // *Материалы работы круглого стола 26 ноября 2009 г.: «Последствия Второй мировой войны 1939–1945 гг. на Севере Европы и в Балтийском регионе: политические, социальные и экономические аспекты. Устранение последствий войны как фактор регионального сотрудничества Российской Федерации с международными организациями. История и современность».* СПб., 2010; *Коршунов Э. Л., Рупасов А. И.* Подвиг после Победы : очистка местности от ВОП на территории Новгородской области в 1944–2009 гг. (в административных границах на 2010 г.) // *И помнит мир спасенный : материалы Всерос. науч.-практ. конф. «Боевые подвиги защитников Отечества и их роль в патриотическом воспитании подрастающего поколения».* СПб., 2011; *Коршунов Э. Л.* Земля еще хранит тонны смерти : до сих пор идет очистка местности от взрывоопасных предметов на Северо-Западе России // *Военно-промышленный курьер*. 2010. № 9 (325); *Венделовский А. В., Коршунов Э. Л., Рупасов А. И.* Очистка местности и акваторий от взрывоопасных предметов (1944–2012 гг.) // *Труды 15-й Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы защиты и безопасности».* Т. 1 : Вооружение и воен-

ная техника. СПб., 2012; Калиниченко В. П., Зармаев А. А. Устройство для разминирования территорий принудительным подрывом мин в гуманитарных целях // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2012. № 1 (16); и др.

¹¹ О камнеметах, камнеогнетных фугасах см. подробнее: Военная энциклопедия. СПб., 1913. Т. 12. С. 330; Памятка о применении камнеогнетов в бою // Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 217. Оп. 1238. Д. 103. Л. 162–166.

И. Г. Петухова,
заместитель директора
Национального архива Республики Карелия
(Петрозаводск)

**«ЧЕЛОВЕК И ВОЙНА» –
РАБОТА СОТРУДНИКОВ
НАЦИОНАЛЬНОГО АРХИВА РК
ПО СБОРУ ДОКУМЕНТОВ
И ВОСПОМИНАНИЙ УЧАСТНИКОВ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

На протяжении 2013–2014 гг. Национальным архивом Республики Карелия ведется работа по проекту «Человек и война» – сбор документов участников и очевидцев Великой Отечественной войны. Завершение проекта намечено в 2015 г. к празднованию 70-летия Победы.

По предварительным итогам проекта, на сентябрь 2014 г. архив пополнился документами, фотографиями, воспоминаниями около 100 участников и очевидцев войны. Среди них участники боевых действий, воевавшие на разных фронтах Великой Отечественной войны (в т. ч. участники боев на Карельском, Ленинградском и других фронтах, участники Сталинградского сражения, Курской битвы), жители блокадного Ленинграда, малолетние узники лагерей, участники разминирования территории Карелии, граждане, находившиеся на оккупированной территории и в эвакуации, «дети войны».

Документальные свидетельства, собранные архивом, станут источниковой базой для многоаспектного и объективного изучения этого исторического времени.

Успешная работа по проекту была бы невозможна без партнеров. Большую помощь в установлении контактов с ветеранами оказал Военный комиссариат Республики Карелия в лице военного комиссара А. А. Артемьева, его помощника по работе с ветеранами С. В. Сандакова. Партнерами архива стали ветеранские организации республики и Петрозаводска.

В работе по сбору документов активное участие приняли волонтеры. К сожалению, надежды на волонтерство молодежи не оправдались. Нашими помощниками стали люди более старшего возраста. Одним из первых волонтеров проекта выступил Николай Георгиевич Голованов, ветеран войны в Афганистане. Он записал интереснейшие воспоминания, передал документы и фотографии участников и очевидцев войны, в том числе документы своего отца.

Национальный архив Республики Карелия на самом начальном этапе работы над проектом «Человек и война» продумал методические основы сбора документов и воспоминаний. Экспертно-методической комиссией архива были разработаны и согласованы «Анкета по приему документов от участника (очевидца) Великой Отечественной войны», «Анкета участника (очевидца) боевых действий, военного конфликта» (по локальным войнам и конфликтам XX в.), «Рекомендации по съемке видеомемуаров участника (очевидца) Великой Отечественной войны», «Рекомендации по составлению аннотаций к фотодокументам из семейного архива участника (очевидца) Великой Отечественной войны при передаче в Национальный архив Республики Карелия», «Рекомендации по составлению аннотаций к документам семейного (личного) архива участника (очевидца) Великой Отечественной войны при передаче в Национальный архив Республики Карелия». Все методические материалы размещены на сайте архива в разделе «Проекты», используются волонтерами проекта и его участниками.

Помимо участников, проживающих в Петрозаводске, на обращение архива откликнулись и в районах республики. Руководитель волонтерского отряда «Лига добра» Пудожского районного дома детского творчества Людмила Александровна Лымарь передала в архив восемь видеовоспоминаний, записанных 16-летними школьниками-волонтерами Эльмирой Мирзоевой и Никитой Лымарь. На встрече с ветеранами был продемонстрирован фрагмент видеозаписи Анастасии Дмитриевны Кирилловой, 1926 года рождения, труженицы тыла, участницы работ по разминированию карельской земли.

По инициативе председателя Совета ветеранов Великой Отечественной войны и труда Сегежского ЦБК Валентины Степановны Акимовой, директора Благотворительного фонда этого совета Лидии Ивановны Костюк, члена совета Валентины Васильевны Царевой в архив переданы 20 воспоминаний труженников тыла, информация о девушках-минерах, исследование о строительстве и работе аэродрома в Сегеже, а также фотографии города 1941–1943 гг. Сегежский журналист Ольга Викторовна Кузнецова передала архиву «Воспоминания солдата» – бесценную рукопись ушедшего из жизни ее деда, Александра Георгиевича Черкасова, закончившего войну в Будапеште.

Работа по проекту была насыщена различными мероприятиями и встречами с участниками проекта. В их числе встреча с учащимися Карельского кадетского корпуса в музейно-образовательном комплексе «Вера, Отечество, Честь!»; участие специалистов архива в заседании Координационного совета поисковых объединений Республики Карелия, в работе круглого стола «Петрозаводск вспоминает забытых героев», посвященного обороне Петрозаводска в 1941 г.

Национальный архив Республики Карелия пропагандировал проект и отчитывался перед общественностью об этой работе, регулярно размещая на сайте новости и пополняя раздел «Хроника проекта».

Самыми значимыми публичными отчетами стали выступления директора КУ НА РК О. М. Жариновой:

- «Архивы в системе патриотического воспитания» на заседании коллегии Министерства культуры РК по вопросу «Патриотическое воспитание граждан: опыт и перспективы работы республиканских учреждений культуры» (11 апреля 2013 г.);
- «Роль проекта “Человек и война” в сохранении исторической памяти о Великой Отечественной войне» на заседании организационного комитета «Победа» (6 мая 2013 г.); а также выступление заместителя директора КУ НА РК И. Г. Петуховой «О популяризации среди молодежи знаний о Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. на основе использования семейных архивов ветеранов и привлечения к участию в таких мероприятиях их прямых потомков» на заседании дирекции долгосрочной целевой программы «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации, проживающих на территории Республики Карелия» на 2012–2015 гг. (30 октября 2013 г.).

Оргкомитетом «Победа» 6 мая 2013 г. было принято решение о поддержке реализации проекта по организации Национальным архивом РК сбора документов и воспоминаний очевидцев Великой Отечественной войны, локальных войн и конфликтов XX в. Проект включен в План основных мероприятий по подготовке и проведению празднования 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Министерством Республики Карелия и администрациям муниципальных образований республики рекомендовано включить участие в реализации проекта в свои планы работы, обеспечить широкое привлечение детей и молодежи к участию в мероприятиях, проводимых в рамках проекта «Человек и война» на территории республики.

На базе сборного призывного пункта проведены встречи сотрудников Национального архива РК с призывниками и работниками Военного комиссариата г. Петрозаводска. В ходе встреч рассказывалось о проекте «Человек и война», демонстрировался фильм «Золотой фонд Отчизны», основанный

на воспоминаниях ветеранов – участников и свидетелей событий Великой Отечественной войны. Во встречах приняли участие свыше 100 призывников.

Проект «Человек и война» многократно освещался в средствах массовой информации. Сотрудники Национального архива РК приняли участие в радиопередаче «Доброе утро, Карелия» радиостанции «Радио Карелия», рассказав о ходе проекта «Человек и война». По инициативе архива подготовлены и вышли в эфир две передачи с любителем истории из г. Питкяранта, участником проекта «Человек и война» А. П. Мартысевичем, передача с участником проекта «Человек и война» Г. М. Лебедевым.

В журнале «Гиперборея. Первый молодежный» (2013. № 1), издаваемом Карельским региональным Центром молодежи при поддержке Министерства Республики Карелия по делам молодежи, физической культуре и спорту опубликована статья начальника отдела аналитической и организационно-методической работы КУ НА РК о сетевом проекте «Человек и война».

Значимыми для Национального архива РК являются открытые отчеты о своей работе перед широкой общественностью. 6 мая 2013 г. состоялся открытый отчет об итогах пилотного проекта «Человек и война», организаторами которого выступили Национальный архив РК и Военный комиссариат Республики Карелия. В акции приняли участие участники, очевидцы Великой Отечественной войны, общественные организации ветеранов, передавшие документы и воспоминания в Национальный архив РК. На мероприятие были приглашены волонтеры проекта и партнеры Национального архива и Военкомата Республики Карелия. Собранным был представлен 20-минутный фильм «Золотой фонд Отчизны», подготовленный Национальным архивом на основе отснятых материалов. В фильме использованы фрагменты видеозаписей интервью ветеранов Великой Отечественной войны – участников проекта «Человек и война» (Н. Ф. Логинов, З. С. Бодухина, И. Н. Селиванов, В. Н. Махнырь, С. С. Карху, Н. И. Апушкин,

Ф. И. Карельский, А. Ф. Чучвага, Б. П. Бойцов, Т. С. Михайлова, М. В. Тарасов, А. Г. Монин, М. Н. Звягин, Н. А. Карпенко). Информация о размещении фильма на сайте КУ НА РК была опубликована на официальном портале Правительства Республики Карелия «Карелия официальная».

6 мая 2014 г., накануне 69-й годовщины Победы, карельские архивисты встретились с жителями Лоухского муниципального района. В лоухском Доме культуры в торжественной обстановке состоялся отчет Национального архива РК и Архива Лоухского муниципального района о реализации проекта «Человек и война». О работе специалистов КУ НА РК и волонтеров проекта по сохранению исторической памяти нашего народа рассказала заместитель директора Национального архива РК И. Г. Петухова. Живой отклик участников встречи вызвал фильм «Золотой фонд Отчизны», подготовленный на основе видеомемуаров ветеранов Великой Отечественной войны. Участники мероприятия минутой молчания почтили память соотечественников, погибших в годы Великой Отечественной войны, ветеранов, ушедших в мирное время.

Работа по проекту продолжается. Так, 28 сентября 2014 г. на открытии выставки архивных документов, посвященной 70-летию освобождения Карелии, в архив поступили новые документы: участник проекта Николай Андреевич Карпенко передал интереснейшие воспоминания друга-однополчанина В. М. Архипова. На этом же мероприятии Национальный архив РК был отмечен благодарственным письмом Совета ветеранов (пенсионеров) войны, труда, Вооруженных сил и правоохранительных органов Республики Карелия за большую работу по патриотическому воспитанию населения республики.

Приглашаем жителей Карелии внести свой вклад в сохранение исторической памяти о Великой Отечественной войне.

С. В. Кошкина,
сотрудник МБУ «Центр Поморской культуры»
(Беломорск)

**КРАЕВЕДЧЕСКИЕ ПОИСКИ
И НАХОДКИ О СОБЫТИЯХ
ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ
В КАРЕЛИИ: СЕКРЕТНЫЙ БУНКЕР
КОМАНДОВАНИЯ КАРЕЛЬСКОГО ФРОНТА
В ОКРЕСТНОСТЯХ СЕЛА СУХОЕ
БЕЛОМОРСКОГО РАЙОНА**

В ходе исследовательской работы по воссозданию истории старинного поморского села Сухое Беломорского района не раз приходилось слышать от уроженцев села о том, что в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. в окрестностях Сухого был построен подземный бункер – командный пункт Карельского фронта. Старожилы села вспоминали, что его строительство велось в строжайшей секретности, что до самого последнего дня пребывания военных в населенном пункте никто не знал о том, что сооружается в полутора километрах от Сухого¹: территория постройки по периметру была оцеплена колючей проволокой², она и сегодня есть в 150–200 м от бункера.

Местные жители рассказывали о том, что село в годы войны являлось закрытым, въехать в него можно было только по пропускам. На выезд в г. Беломорск необходимо было брать специальное разрешение. Сухонцы подмечали, что в окрестностях их

родного села велось какое-то масштабное строительство, они вспоминали, что с прибрежных островов (а Сухое находится на самом берегу Белого моря) на малой воде возили на подводах песок и камень. Кроме того, на всех прибрежных островах, в частности Ламбострове, Питестрове, Дикой Луде и дальше на Сосновцах, со стороны моря стояли зенитные батареи и были вырыты в полный рост окопы и траншеи. По словам Н. Б. Прокопьева, во время войны в окрестности Сухого были сброшены три авиабомбы: в урочище Максимиha, перед железнодорожным мостом и вверх по р. Кузреке³.

Несомненно, воспоминания уроженцев села – это важный исторический и краеведческий материал. Почти каждый из них упомянул о строительстве командного пункта Карельского фронта. 7 августа 2013 г. мы с инициативной группой из Беломорска побывали в окрестностях Сухого и лично убедились в уникальности этого военного сооружения, частично разрушенного и временем, и людьми. Нашим проводником к бункеру стал местный житель Сухого Николай Фаддеевич Петров, который впервые оказался здесь в 15-летнем возрасте. На железобетонной стене коридора бункера даже сохранилась запись об этом событии. По его словам, в 1970-х гг. это военное сооружение было не так сильно разрушено, как сейчас.

В настоящее время объект представляет собой холм, поросший деревьями и кустарниками, по периметру это примерно 200 м. Убежище вырублено в скале. Вытянутое в длину примерно на 70 м, оно находится на 7 м ниже равнины и имеет над собой «потолок» – около 10 м скальной породы, валунов, прочнейшего железобетона со стальными рельсами – перекрытиями, непробиваемыми никакими авиабомбами. Сооружение прекрасно встроено в местность: мимо можно пройти, не заметив его. Оно имеет четыре входа-выхода. Входные двери отсутствуют. От каждого входа вниз ведет длинная бетонная лестница, хорошо сохранившаяся со времен постройки. Ранее ее ступеньки были покрыты деревянными досками, некоторые из них сохранились. Спускаясь по лестнице, попадаешь

в длинный коридор, железобетонные стены которого, а также и всех остальных помещений, изнутри были отделаны деревом и покрыты штукатуркой. Кое-где в комнатах есть прикрепленные к стенам кронштейны, внутри помещений сохранены трубы и остатки проводки, поскольку объект, предположительно, имел холодное и горячее водоснабжение и освещался электричеством. Внутри бункера можно с трудом, но передвигаться по обломкам досок пола и трубам отопления.

Напротив лестниц трех входов имеются вертикальные шахты – квадратные отверстия размером приблизительно 1×1 м, высотой около 7 м, обитые досками, которые ранее имели лестницы в виде металлических скоб. По-видимому, они предназначались для аварийного выхода. Снаружи данные отверстия не закрыты и представляют собой опасность для тех, кто находится наверху.

Один из входов не имеет вертикальной шахты, но напротив лестницы этого входа ранее находилась дверь, ведущая в скрытый подземный переход, уходящий в северную сторону от бункера. Сегодня перекрытия подземного входа разрушены, но отчетливо просматривается тоннель. Есть предположение, что именно сюда когда-то давно упала корова местных жителей, тогда-то ими и был обнаружен этот секретный объект.

Над бункером располагаются остатки скрытого помещения, в который вел отдельный вход. Данное помещение, сложенное из больших булыжников, очень сильно разрушено. Оно занимает меньшую площадь, чем сам бункер, и никаких перекрытий внутри его мы не увидели.

Недалеко от сооружения (приблизительно в 100 м) на бетонном фундаменте стоит остов локомотива, который, вероятно, подавал в бункер горячую воду и электричество. Можно предположить, что от железной дороги к месту строительства объекта была проложена узкоколейка, по которой локомотив доставлял стройматериалы и людей. После завершения строительства паровой котел локомотива стал выполнять функции котельной, подавая по железным трубам в бункер воду из пруда.

Ровно через месяц после нашей поездки в Сухое, 7 сентября 2013 г., в убежище побывали краеведы объединения «Поморский берег» В. С. Дрягуев, Н. И. Кошкин и В. А. Устинов. Они отправились туда с целью еще раз осмотреть объект, а также внимательно обследовать территорию вокруг бункера. Н. И. Кошкин составил примерную схему объекта, по которой видно, что в нем насчитывается сорок три комнаты и четыре входа-выхода. По словам Н. И. Кошкина, там, где мы ранее видели подземный переход, выходила канализация и далее, по тоннелю, видна сточная яма, из которой вода уходила в ручей. В свое время она была замаскирована. Стоки шли по трубам. От сточной канавы скрытого подземного помещения по теплотрассе идет труба отопления (сохранены ее фрагменты). Она наполовину по периметру огибает бункер и уходит в сторону от локомотива.

Между третьим и четвертым входами в бункер на его поверхности и в стороне от нижних помещений просматривается заросшее мхом и лесом перекрытие, возможно, одной из прямоугольных комнат, приблизительно 6×9 м. Входов и выходов в эту нами предполагаемую комнату не обнаружено. Почему там могут быть комнаты? Сверху подо мхом и дерном виден рубероид гидроизоляции. Пока не понятно, зачем сделана изоляция, если помещение находится в стороне от основных комнат. По мнению Н. И. Кошкина, третий вход в ближайшее время может частично обвалиться, так как по верху потолка осыпалась штукатурка, под которой видна деревянная полусгнившая балка. Непонятно ее предназначение, так как все строение железобетонное⁴.

К сожалению, сегодня, даже по прошествии стольких лет, мы не знакомы с документальными источниками по строительству объекта, поскольку тема эта ранее изучена не была, и мы до сих пор не располагаем информацией о том, что же происходило здесь в годы Великой Отечественной войны, несмотря на то, что всем известно значение Беломорска как прифронтовой

столицы Карелии. Небольшой свет проливает ответ Информационного центра МВД по Республики Карелия Л. Г. Саламахиной, заместителю главы администрации МО «Беломорский муниципальный район», в котором, в частности, указано, что «приказом народного комиссара внутренних дел Карело-Финской ССР от 8 июня 1942 года № 019 в селе Сухое Беломорского района была организована исправительно-трудовая колония № 6 на 500 человек для работы по заданию Управления полевого строительства. Сведений о характере работ, производимых заключенными данной колонии, не имеется...»⁵. Здесь необходимо отметить, что местные жители вспоминали о лагерях заключенных, находившихся недалеко от железной дороги, а краеведы объединения, кроме подземного бункера, обнаружили в 2 км от него еще одно помещение, а также фундаменты, предположительно, от бараков исправительно-трудовой колонии, располагавшейся в Сухом.

Несомненно, данный объект периода Великой Отечественной войны имеет огромную историческую ценность, факты его сооружения и использования еще ждут своего исследователя.

¹ См., например: Село Сухое в годы Великой Отечественной войны : [этнографический рассказ] : [исполнитель Петрова Любовь Павловна, 1936 г. р., м. р. с. Сухое; собиратель Кошкина С. В.; г. Беломорск, 23.07.2012] // Архив фото-, аудио- и видеодокументов МБУ «Центр поморской культуры». Ф. 1 : Аудиодокументы «Беломорск и Беломорский район». Д. 1/38; О Сухом в годы Великой Отечественной войны : [этнографический рассказ] : [исполнитель Чуркина Серафима Ивановна, 1928 г. р., м. р. с. Сухое; собиратель Кошкина С. В.; г. Беломорск, 03.09.2012] // Там же. Ф. 1. Д. 1/69; Сухое в годы войны : [этнографический рассказ] : [исполнитель Суходольская Зинаида Александровна, 1935 г. р., м. р. с. Сухое; собиратель Кошкина С. В.; п. Золотец Беломорского р-на, 02.02.2013] // Там же. Ф. 1. Д. 1/66; и др.

² Кошкина С. У моря Белого в Сухом Наволоке // Север. 2013. № 7–8. С. 213–225.

³ Записано автором от Прокопьева Николая Борисовича (1951 г. р., м. р. г. Беломорск) в г. Беломорске 26.11. 2013.

⁴ Записано автором от Кошкина Николая Игоревича (1963 г. р., м. р. г. Беломорск) в г. Беломорске 07.09.2013.

⁵ Из архива администрации МО «Беломорский муниципальный район». Письмо из Информационного центра МВД по РК Л. Г. Саламахиной от 08.10.2013 № 3/3663.

А. В. Антонов,
специалист Национального архива Республики Карелия
(Петрозаводск)

**ПЕТРОЗАВОДСК:
ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ОККУПАЦИИ
И ВОЗРОЖДЕНИЕ МИРНОЙ ЖИЗНИ**
**(по документам Национального архива
Республики Карелия)**

21 июня 1944 г. войска Карельского фронта начали Петро-заводско-Свирскую наступательную операцию с целью разгромить группировку финских войск между Онежским и Ладожским озерами и освободить южную Карелию, в том числе и г. Петрозаводск.

С самого начала наступления Красной Армии велись кровопролитные бои, освобождались все новые и новые населенные пункты, а противник отступал, неся значительные потери. Утром 28 июня группа десантников Онежской военной флотилии высадилась в районе Уйской губы, освободила с. Деревянное, а затем в 11:30 вошла в Петрозаводск. На следующий день к десантникам присоединились передовые части 368-й и 313-й стрелковых дивизий, наступавших с севера и с юга. В этот день Москва салютовала советским войскам, освободившим Петрозаводск, залпами из 324 орудий.

Так Петрозаводск был освобожден от финской оккупации, длившейся около трех лет. Однако теперь предстояла огромная работа по восстановлению города, подвергшегося сильнейшим разрушениям. Было уничтожено более половины жилого

фонда, здания учебных заведений: в том числе университета, 5 школ, публичной библиотеки, театра, филармонии, взорваны все мосты, здания почтамта и телеграфа, не действовали водопровод, телефонная связь. Практически полностью была уничтожена промышленность города: Онежский металлургический и машиностроительный завод, типография, хлебозаводы, судостроительный завод, паровозное депо, электростанция. По воспоминаниям очевидцев, город был превращен в развалины, люди, возвращавшиеся в Петрозаводск сразу после его освобождения, с трудом узнавали, где какая улица находится, все заросло бурьяном, вместо домов – груды кирпича и руины. Особенно пострадал центральный район и набережная, где раньше стояли лучшие здания города, а теперь были лишь пустыри и развалины.

Быстрыми темпами началось восстановление города. Уже через два дня после освобождения более 6 тыс. человек из проживавших на момент освобождения 18 тыс. вышли на улицы города, чтобы очистить его от мусора. К 30 июня были восстановлены мосты через Лососинку и Неглинку.

В первые же дни было обезврежено до 5 тыс. мин, хотя полностью разминирование столицы Карелии завершилось лишь к концу 1944 г. На разминировании были задействованы не только военные – саперы, но и гражданское население. В отчете о разминировании города за первые два месяца после его освобождения значится, что за этот период было обезврежено 40 противотанковых мин противника, 765 противопехотных мин, обнаружено 2 склада взрывчатых веществ, 2 из 26 гражданских лиц получили ранения¹.

В первой половине июля возобновилась деятельность основных государственных структур и общественно-политических организаций советской власти. 4 июля приступил к работе Петрозаводский городской комитет Коммунистической партии КФССР, секретарем которого с октября 1944 г. стал Юрий Андропов.

8 июля начал действовать Петрозаводский городской исполком депутатов трудящихся во главе с председателем Григорием Степановым. В Национальном архиве РК сохранился протокол первого состоявшегося после освобождения города заседания исполкома горсовета². На нем решались такие первоочередные вопросы, как перерегистрация населения, прием на продовольственное снабжение нетрудоспособных граждан, больных, находящихся на снабжении в лечебных учреждениях, в домах инвалидов; было принято решение о сдаче гражданами незаконно приобретенного имущества, до оккупации принадлежавшего другим лицам, организациям или оставленного врагом; также был рассмотрен ряд других вопросов, казалось бы, небольших, но имевших важное значение в жизни города, только что освобожденного от оккупации. В первые же дни в районах Петрозаводска и на отдельных улицах были проведены собрания, посвященные разъяснению ситуации в городе.

7 июля Совет Народных Комиссаров и бюро ЦК Компартии республики приняли постановление установить срок переезда правительства КФССР из Беломорска, где оно находилось во временной эвакуации, в Петрозаводск³, и 15 июля начался переезд республиканских учреждений. Таким образом, в июле 1944 г. Петрозаводск вновь стал столицей Карелии.

К середине июля были разработаны мероприятия, обеспечивающие нормальные условия жизни горожан и восстановление наиболее важных городских объектов. В частности, были организованы городской строительный и банно-прачечный тресты, ремонтно-строительная, дорожно-строительная и транспортная конторы, трест «Водоканал», готовивший водопровод к пуску в эксплуатацию. В Национальном архиве РК хранится докладная записка Петрозаводского горкома КП(б) КФССР «О ходе работ по пуску водопровода», в которой указано:

«На водонасосной станции первого подъема опробована 9/VII 44 г. система подачи воды в резервуар для запаса воды. Насос работал от двигателя в течение часа, подача воды нормальная,

течи на главной магистрали не обнаружено. 10/VII 44 г. после исправления некоторых дефектов в моторе... мотор снова запущен и работает нормально. В течение дня сегодня будут производиться работы по устранению течи воды в водораспределительной сети...»⁴.

Так проходили испытания и запуск городского водопровода, а уже к концу июля было восстановлено водоснабжение в десятке домов, поликлинике, школе, Доме крестьянина. Также благодаря восстановлению в городе подачи воды удалось открыть 4 бани с пропускной способностью на 170 человек и 2 прачечные.

Очень важно было обеспечить освобожденный город хлебом, в связи с этим на первом заседании объединенного бюро Петрозаводского горкома партии и горисполкома депутатов трудящихся 4 июля остро встал вопрос об организации хлебопечения в городе. Было принято решение:

- «1. Обязать директора хлебозавода тов. СУХАНОВА начать выпуск хлебопечения вручную. Первую выпечку хлеба дать населению города 6/VII и 10/VII с. г., выпуск хлеба довести до 20 тонн в сутки. Одновременно с выпуском хлебопродукции вручную начать подготовку завода к организации выпуска хлеба механическим путем.
2. Поручить городскому Совету до 6/VII 1944 года пустить в ход хлебопекарню Промсовета с ежедневным выпуском хлеба в количестве 6–7 тонн»⁵.

Полным ходом началось восстановление предприятий торговли и общественного питания Петрозаводска. Уже в начале июля были восстановлены и открыты 3 столовых, 2 магазина для торговли хлебом и склад-база⁶.

В начале июля стали решать еще одну ключевую задачу – снабжение города электроэнергией. Оккупантами были сильно повреждены электростанции, трансформаторное хозяйство и линии электропередачи, но благодаря слаженным и своевременным действиям к концу июля удалось восстановить подачу электроэнергии в учреждения и предприятия города⁷.

Послевоенный город очень остро нуждался в восстановлении разрушенных и постройке новых зданий и сооружений, поэтому было решено возобновить работу Петрозаводского строительного треста⁸.

Серьезный урон был нанесен врагом транспортному комплексу Петрозаводска. Железная дорога, один из основных видов транспорта, соединяющих город со всей страной, была повреждена. Поэтому было решено незамедлительно произвести восстановительные работы, связанные с прибытием поездов на станцию Петрозаводск. В справке о работе Петрозаводского горкома КП(б) в июле 1944 г. указано:

«С 30 июля 1944 г. приступили к восстановительным работам на станции Петрозаводск, приведены в порядок и отремонтированы станционные пути, помещение вокзала остеклено и очищено от мусора. Смонтирована временная установка по подаче воды для снабжения паровозов. ...Восстановлен железнодорожный мост длиной 12,6 м через Неглинку в течение пяти дней, восстановлены два стрелочных перевода на станции Петрозаводск...»⁹.

Водный транспорт Петрозаводска также активно приводился в порядок. Уже 4 июля была восстановлена и начала работать причальная пристань, дающая возможность производить разгрузку прибывающих барж с грузом. В середине месяца было открыто регулярное пассажирское сообщение по Онежскому озеру двумя пароходами. Также полным ходом шло восстановление разрушенных и строительство новых объектов Беломорско-Онежского пароходства¹⁰.

В июле была восстановлена работа городской автобазы, приведено в порядок помещение автопарка, смонтировано механическое оборудование, в эксплуатацию введено 6 грузовых автомобилей и 2 автобуса¹¹.

Топлива для автопарка катастрофически не хватало, поэтому в августе было принято решение о возобновлении деятельности газогенераторного завода. Завод выпускал газогенераторные

установки и занимался переоборудованием автомобилей с жидкого топлива на твердое¹².

Восстановление работы автомобильного транспорта повлекло за собой необходимость регулировать в Петрозаводске уличное движение. Исполком Петрозаводского горсовета уже 10 августа издал соответствующее решение:

- «1. Организовать в г. Петрозаводске регулирование уличного движения, для чего поручить зав. гор. коммунотделом т. Антохину подписать договор с Управлением милиции НКВД КФССР по организации и регулированию уличного движения, оборудованию постов, общежития для взвода регулировщиков...
4. Обязать зав. ГОКХом т. Антохина до 15 августа установить знаки уличного движения...»¹³.

Уже в конце июля началась реэвакуация из Петрозаводска населения, вывезенного в начале войны из Ленинградской области и районов Карелии и помещенного финнами в лагеря. К 30 июля была отправлена на родину первая партия – 250 человек в Ленинградскую область. Решением исполкома устанавливался срок для реэвакуации до 10 августа. То есть в течение 2 недель все лица, оказавшиеся в лагерях Петрозаводска, а это несколько тысяч человек, на момент освобождения города – большая часть населения, подлежала отправке на прежние места жительства группами по 100–150 человек. Люди вывозились по Кировской железной дороге и водным путем.

Многие учреждения здравоохранения Петрозаводска на момент освобождения от оккупантов были частично либо полностью разрушены, и обратиться за оказанием квалифицированной медицинской помощи населению было некуда. В сложившейся ситуации Петрозаводский горздравотдел принял немедленные меры по созданию необходимых учреждений. С начала июля были открыты городская поликлиника с квартирной помощью, аптека, детская консультация, а также хирургическая больница на 50 коек и еще 50 терапевтических коек в городской больнице¹⁴.

Очень остро стоял вопрос о медицинских кадрах и оборудовании для больниц и поликлиник, часть необходимого оборудования завозили из других медицинских учреждений страны. Молодые специалисты, окончившие Архангельский, Иркутский и Ленинградский институты, приезжали в Петрозаводск и оказывали помощь своим коллегам.

Промышленные предприятия Петрозаводска подверглись значительным разрушениям, а деятельность продолжавших свою работу была осложнена отсутствием необходимого сырья и оборудования.

В конце июля пострадавший от бомбежки Онежский металлургический и машиностроительный завод посетила комиссия Наркомлеса СССР, которая оценила причиненный ущерб и вскоре приняла решение о начале восстановительных работ на заводе¹⁵.

Совет Народных Комиссаров и ЦК КП(б) КФССР 10 августа издали постановление «О восстановлении Онежского металлургического и машиностроительного завода», в котором указано:

- «1. Считать целесообразным восстановление Онежского металлургического и машиностроительного завода со специализацией на машиностроении для лесной промышленности...
2. Просить Государственный комитет обороны, товарища В. М. Молотова:
 - 1) Включить Онежский металлургический и машиностроительный завод в число предприятий, подлежащих первоочередному восстановлению...»¹⁶.

Таким образом началось возрождение крупнейшего предприятия города.

Не только тяжелое машиностроение, но и легкая промышленность города налаживала и наращивала производство. Горожане остро нуждались в данной продукции, каждому хотелось поскорее вернуться к нормальной мирной жизни, приобрести все необходимые товары. В связи этим Совет Народных Комиссаров

КФССР в августе принял решение восстановить производственную деятельность Коопинсоюза:

- «1. Восстановить в г. Петрозаводске производство пищевых изделий, организовав специализированную пищевую артель на базе бывшей артели “Пищевик” с направлением ее работы:
 - а) производство кондитерских изделий...
 - б) производство безалкогольных и малоалкогольных напитков...
2. Для обеспечения выпечки кондитерских изделий восстановить пекарские печи, цех булочных изделий...
3. Восстановить бондарную мастерскую...»¹⁷.

В августе – сентябре был восстановлен Петрозаводский рыбозавод и на его базе приступили к созданию рыбопромышленного комбината¹⁸.

Петрозаводск испытывал большую потребность в квалифицированных кадрах, поэтому очень важно было сразу после освобождения реэвакуировать действовавшие ранее учебные заведения и создать новые для подготовки необходимых городу и республике специалистов.

Самым значимым событием в этой связи стало возвращение Государственного университета КФССР в Петрозаводск из Сыктывкара, где он находился в эвакуации. Переезд начался в начале июля и успешно завершился августе. Старое здание было разрушено, работу пришлось начинать в новом, малоприспособленном помещении. Тем не менее уже в первый учебный год кафедры наладили учебный процесс по основным дисциплинам¹⁹.

Огромные шаги были сделаны для организации системы среднего и профессионального образования. 18 июля начала свою работу школа ФЗО (фабрично-заводского обучения): 400 будущих плотников и каменщиков начали учебу с разборки груд битого кирпича на месте гостиницы «Северная». И уже осенью в Петрозаводске были созданы статистический, лесной, архитектурно-строительный техникумы²⁰.

Не хватало в республике и школьных учителей, поэтому 12 сентября Наркомпрос КФССР принял решение об открытии Петрозаводского школьного педагогического училища:

«Учитывая большую перспективную потребность в кадрах учителей для русских и нерусских школ КФССР, коллегия Наркомпроса постановляет:

1. Одобрить предложение Управления кадров Наркомпроса КФССР об открытии в Петрозаводске с 15 октября 1944 г. школьного педагогического училища...»²¹.

Начался учебный год и в школах, которых насчитывалось 10 вместо 22 довоенных. В период оккупации было вывезено из города все ценное оборудование из школ, наглядные пособия, пострадала большая часть школьной мебели. Несмотря на эти трудности, около 4 тыс. детей начали учебный год.

Трудно представить себе жизнь большего столичного города без учреждений культуры. Оккупация закончилась, и горожанам хотелось поскорее вернуться к мирной жизни, посетить театры, кино, послушать классическую и современную музыку. Полным ходом шло возвращение учреждений культуры в столицу республики. На заседании бюро Центрального комитета Компартии КФССР, состоявшемся 10 августа, Управлению по делам искусств при СНК КФССР было поручено:

- «а) перевести на постоянную работу в Петрозаводск к 10/ VIII с. г. Государственный театр музкомедии; к 15/ IX с. г. Госфилармонию КФССР с ансамблем «Кантеле»; к 1/XI 44 г. Государственный театр русской драмы КФССР...»²².

Таким образом, уже в 1944 г. в Петрозаводске открылся первый послевоенный театральный сезон.

Осенью, в связи с полным освобождением территории Карело-Финской ССР от оккупации, началось массовое организованное возвращение жителей республики на родину, в том числе и в Петрозаводск.

Уже в марте 1945 г. была утверждена схема генерального плана города, в соответствии с которым намечались основные направления застройки восстанавливаемого после войны города. За период со времени освобождения Петрозаводска до 9 мая 1945 г. вступили в действие 35 предприятий, в том числе молококомбинат, рыбозавод, мясокомбинат, типография, судоремонтный завод, завершилось восстановление 4 электростанций. Все эти предприятия давали более 25 % довоенного объема продукции.

Восстановление шло колоссальными темпами, перевыполняя все планы, несмотря на все трудности. Горожане и гости Петрозаводска преображали город, переживший вражескую оккупацию, и каждый из них знал и понимал, что восстановленный Петрозаводск должен быть еще красивее, чем он был до войны.

¹ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. Р-2264. Оп. 7. Д. 6/48. Л. 1; Д. 5/37. Л. 9.

² Там же. Ф. Р-1394. Оп. 3. Д. 116/885. Л. 1–3.

³ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1076. Л. 104.

⁴ Там же. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 77. Л. 15.

⁵ Там же. Д. 2. Л. 3.

⁶ Там же. Л. 10.

⁷ Там же. Л. 12.

⁸ Там же. Л. 6.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. Л. 4.

¹¹ Там же. Л. 5.

¹² Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1078. Л. 16–17.

¹³ Там же. Ф. Р-460. Оп. 1. Д. 43/455. Л. 31.

¹⁴ Там же. Ф. П-1230. Оп. 23. Д. 2. Л. 11.

¹⁵ Там же. Ф. Р-533. Оп. 11. Д. 4/46. Л. 1–3.

¹⁶ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1078. Л. 40.

-
- ¹⁷ НА РК. Ф. Р-1572. Оп. 1. Д. 18/128. Л. 1.
- ¹⁸ Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1346. Л. 49.
- ¹⁹ Там же. Ф. Р-1394. Оп. 3. Д. 120/910. Л. 74.
- ²⁰ Там же. Ф. Р-1986. Оп. 1. Д. 1/1. Л. 1; Ф. Р-8. Оп. 1. Д. 1078. Л. 10; Ф. Р-2972. Оп. 1. Д. 1/2. Л. 1.
- ²¹ Там же. Ф. Р-1192. Оп. 2. Д. 3/34. Л. 109.
- ²² Там же. Ф. П-8. Оп. 1. Д. 1078. Л. 60.
-
-
-

О. А. Киселева,
ст. преподаватель ПетрГУ
(Петрозаводск)

ЕВРОПЕЙСКИЙ СЕВЕР РОССИИ В ГОДЫ ВТОРОЙ МИРОВОЙ И ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙН: РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО СПЕЦКУРСУ

Спецкурс по истории Европейского Севера (1939–1945), собственно, не нов, его читали на разных факультетах, как правило, историки партии в рамках темы Великой Отечественной войны¹. Открытие перестройкой новых тем в истории, в том числе и военной, позволило кафедре отечественной истории ПетрГУ разработать вновь спецкурс, охватывающий историю Европейского Севера в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн. Прошедшая четверть века внесла в исторические исследования не только новые материалы, но и новые методы в изучении прошлого².

Курс по времени небольшой: 4 лекции и 5 практических занятий. За это время студенты должны освоить семь тем: «Хронологические рамки Второй мировой войны и ее основные события. Географическо-административные границы Севера, его хозяйственное состояние», «Боевые действия на территории Европейского Севера в 1939–1945 гг.», «Вклад населения тыла Европейского Севера в победу», «Конвои, юнги Северного флота», «Эвакуация населения, предприятий, эвакуогоспитали», «Партизанская борьба и подпольные партийные организации», «Массовый героизм советских людей – один из источников победы». Особое место отводится изучению боевых действий на территории Европейского Севера и вкладу населения тыла в победу

над врагом. Одна из задач курса – дать представление о роли человеческого фактора в переломный момент истории страны как на фронте, так и в тылу, о превращении в кузницу людских и производственных сил не только Урала, Сибири, Дальнего Востока, республик Азии, но и Севера страны. Важным представляется глубокое знакомство с географией, климатом, особенностями социально-демографического и экономического, политического и культурного развития региона. Студент после окончания спецкурса должен знать историю Европейского Севера (1939–1945), уметь ориентироваться в источниках и литературе; владеть приемами поиска материала для ответа по вопросам развития региона. Литературы по этой теме достаточно³.

Всего за годы войны из областей и республик Европейского Севера по общим и партийным мобилизациям было призвано в ряды Советской Армии более 500 тыс. северян. По неполным данным, за годы войны на Европейском Севере было подготовлено более 130 тыс. человек, прошедших военное обучение. Многие из них пополнили ряды армии в 1941–1942 гг.⁴ При этом значительная часть военнообязанных северян была мобилизована в армию еще в период советско-финляндской войны (1939–1940) и к началу Великой Отечественной продолжала служить в частях и соединениях ЛВО и на Северном флоте. Усилия сотен тысяч северян направлялись на оказание помощи фронту.

На борьбу с врагом поднимались советские люди всего северного региона, представители всех национальностей. Одной из форм защиты тыла явилось создание истребительных отрядов, так как враг бросил на Страну Советов не только регулярные войска, но и массу шпионов и диверсантов, провокаторов. Наряду с открытой вооруженной борьбой развернулась тайная война. Батальоны формировались военными отделами партийных органов из числа партийного, советского и профсоюзного актива. При приближении линии фронта истребительные батальоны, как правило, вливались в войска и в соответствии с обстановкой участвовали в боевых действиях. На базе ряда батальонов создавались партизанские отряды. Всего на Европейском Севере действовало более 80 истребительных батальо-

нов с числом бойцов и командиров свыше 15 тыс. человек, без данных по Коми Республике. Основную роль в защите родины, в годы войны, безусловно, сыграли регулярные войска, но немалый вклад в борьбу с врагом внесли ополченские формирования. Они участвовали в защите городов и во многих боях и сражениях. В подавляющем большинстве ополченские формирования, ставшие резервом пополнения армии, в первый период войны были преобразованы в кадровые соединения армии.

Беспримерный подвиг совершили трудящиеся прифронтовых областей при строительстве оборонительных сооружений. В западных и северо-западных районах по указанию Государственного комитета обороны в октябре – декабре 1941 г. были сооружены три крупных оборонительных линии протяженностью 10 500 км, возводящие обводы вокруг Вологды, Петрозаводска, Мурманска. На помощь саперным войскам было привлечено около 10 млн человек⁵. На Европейском Севере оборонительные сооружения создавались в районах обороны 14-й армии в Заполярье и Карелии. Летом 1941 г. и до глубокой зимы в лесах и болотах, на заполярных сопках, живя в палатках и землянках, испытывая недостаток во всем, трудящиеся помогали частям Карельского фронта совершенствовать оборону. Здесь работали 20 тыс. тружеников Карелии, 60 тыс. представителей Архангельской области, тысячи вологжан.

Используя оборонительные сооружения, войска Карельского фронта закрепились на этих рубежах, в ожесточенных боях 1941 г. остановили наступавшие соединения противника и заставили их перейти к обороне. В этом есть и вклад 130 тыс. северян и инженерных частей фронта. С этих рубежей началось победоносное наступление Карельского фронта на Севере в 1944 г.⁶ «Линия Карельского фронта тянулась по тундре, диким скалам Заполярья, затем спускалась к югу по многочисленным рекам и озерам, лесным массивам и болотам, перехватывая основные дорожные направления, выводящие к Мурманску, Белому морю и Кировской железной дороге»⁷.

На Севере всегда проживала наименьшая часть населения страны, даже при наличии эвакуированного населения (Череповец, Вологда – крупнейшие эвакуопункты), спецпоселений и заключенных лагерей. Вместе с тем значение Севера весьма велико как военно-фронтное, так и тыловое. Разумеется, не весь Европейский Север испытал воздушные бомбардировки и встречи с врагом, это коснулось прежде всего портов: Мурманска и Архангельска, а также Кировской железной дороги. Оккупировать названные объекты противник не сумел. Железная дорога оказалась в оккупационной зоне частично, более того, была закончена постройка ветки Сорока – Обозерск, соединившей Кировскую и Северную дороги. Таким образом, полезные ископаемые, продукция Севера, ленд-лизинговая помощь поступала как на Север, так и в Центр, Сибирь.

На каждой лекции и особенно на семинарских занятиях обнаруживается интерес студентов любого факультета к проблемам военного времени: у юношей – в силу увлеченности военными событиями, фронтами, оружием, у девушек – чаще судьбами родных и близких людей. На занятиях студенты представляют свои рефераты, доклады, эссе, среди которых бывают интересные воспоминания, например начальника Кандалакшского депо Николая Дмитриевича Кузьмина. В рекомендованной книге студенты читают главу о фронтовых испытаниях в годы войны и среди имен, кто особо отмечен наградами, находят знакомую фамилию⁸. Воспоминания написаны Кузьминым в 80-е гг. прошлого века, хранились в семье. Сколько интересных технических деталей жизни дороги уточняет автор воспоминаний, а как говорит о людях, какие интересные дополнения к просто названным фамилиям приводит!

Автор воспоминаний Н. Д. Кузьмин стал начальником депо в Кандалакше в 1941 г., имея за спиной один год трудового стажа на железной дороге после окончания института. В июле 1942 г. он вместе с группой железнодорожников был награжден государственным знаком «Почетному железнодорожнику». За свой труд Николай Дмитриевич награжден орденом

Трудового Красного Знамени, грамотами Верховного Совета КФССР и КАССР.

Приведем текст документа личного происхождения:

...Все многократные попытки врага перерезать железную дорогу на севере страны успеха не имели. Фронт постепенно стабилизировался. Кировская железная дорога работала бесперебойно...

Нормальная работа дороги приводила в бешенство врага, и он постоянно пытался сорвать продвижение поездов, особенно на тяжелом участке Кандалакша – Лоухи. Налеты авиации продолжались в течение всей войны. Особенно ожесточенные на Кандалакшу они были в конце декабря 1941 г. и в начале 1942 г. Ежедневно ночью с 20 часов до 7 утра через 40 минут, а днем через 1,5 часа с немецкой точностью авиация бомбила объекты железнодорожного депо, но это не сломило боевого духа железнодорожников...

Участок Кандалакша – Лоухи – самый тяжелый на Кировской дороге. Затяжные четырнадцати- и восемнадцатитысячные подъемы. Отопление паровозов производилось дровами свежей заготовки. Дрова были сырые. Обледенелые. При таком низкокалорийном топливе паробразование в котле было плохое и ведение поезда на затяжном подъеме вызывало большие трудности. В первый год войны не было никакой защиты от нападения авиации. Пользуясь безнаказанностью, вражеские самолеты, летая низко над поездами, вели прицельный огонь.

В большинстве случаев первое нападение на поезд выполняли два истребителя. Они вели пулеметный обстрел и сбрасывали легкие бомбы весом 50 кг. Основная задача их была вывести из строя локомотив и локомотивную бригаду. За время следования поезда от Кандалакши до Лоухи таких налетов совершалось до 8 раз. О выведенном из строя локомотиве летчики с истребителя сообщали на аэродром, откуда вылетали бомбардировщики и разрушали остановившийся поезд. Машинисты, увидев истребителей, действовали с исключительным мужеством. Они выводили поезда из зоны обстрела и доставляли их на конечный пункт. При налетах самолетов машинисты открывали закачивающий клапан инжектора. Паром закрывался паровоз. Летчики истребителей сообщали о своей победе и улетали, а к появлению бомбардировщиков поезд был уже далеко от места нападения истребителей.

Героически поступали локомотивные бригады при повреждениях котла или тендера от пулеметного обстрела и мелких осколков бомб. На все паровозы были выданы бородки, металлические и деревянные пробки. Машинисты после обстрела заглушали бородками отверстия в котле и пробками в тендере, не считаясь с тем, что обливались водой и обваривались паром. В ряде случаев следовали дальше с поездом или одиночным локомотивом, а при не возможности спасали котел от быстрого охлаждения и разрушения⁹.

И далее начальник депо пишет о мужестве и героизме локомотивных бригад. Например:

Машинист Блинов В., машинист Чайников... Иванов... Котельников... Чухин... [спасали локомотивы и вводили эшелоны от прилета бомбардировщиков]... Не дожид Чухин П. до победы над врагом. Он... был убит у семафора станции Долгий. На месте гибели ему поставили памятник. Все машинисты, проезжая с поездом у обелиска, подают сигнал своему товарищу. Свято выполняли свой воинский долг бригады машинистов Гурьева А. С., Немчинова, Мурмило. Они работали с бронепоездом на ветке Лоухи – Кестеньга и южных участках дороги. Бронепоезд отражал неоднократные атаки врага на подступах к станции Лоухи. В одном из боев, находясь под постоянным обстрелом, бронепоезд был выведен из строя. В ремонтных цехах депо его пришлось восстановить с заменой листов разрушенной брони¹⁰.

Автору воспоминаний очень хотелось назвать всех неутомимых тружеников, которые ремонтируют все то, что раньше делалось на заводах. Несмотря на свой юный возраст, многочасовую работу изо дня в день. Это серьезный рассказ о депо станции Кандалакша как об «индустриальной базе в прифронтовой полосе». За каждым случаем, событием – имя человека, которому автор бесконечно благодарен и желает, чтобы такие чувства разделяли те, кто не испытал военного лихолетья 1939–1945 гг. На практическом занятии производится критика источника, в частности уточняется название партии в годы войны – ВКП(б). Уточняются станции на линии Лоухи – Кандалакша и т. д. и т. п.

Рассказ об истории Кировской железной дороги ни в коем случае не умаляет значение других эпизодов Великой Отече-

ственной войны на Европейском Севере России. Воспоминания помогают раскрыть детали, которые объясняют психологию и мотивы людей в особых условиях прифронтовой полосы¹¹. Такое изучение войны стало возможно в конце XX – начале XXI в. благодаря использованию новых исторических методов и технологий.

¹ Улитин С. Д. Европейский Север России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск, 2004. 286 с.

² Историческое краеведение в Карелии : учебное пособие. Петрозаводск, 2012. 307 с.

³ Историческое регионоведение Европейского Севера России : сб. программ учебных курсов, читаемых в вузах Архангельска, Вологды, Мурманска, Петрозаводска и Сыктывкара. Петрозаводск, 2008. 165 с.

⁴ Улитин С. Д. Европейский Север России в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). С. 66, 73.

⁵ Там же. С. 80.

⁶ Там же.

⁷ Мерецков К. Я. На службе народу. М., 1988. С. 355.

⁸ Харитонов С. Ф. Рассказ о великом северном пути. Петрозаводск, 1984. С. 91.

⁹ Кузьмин Н. Д. Воспоминания // Семейный архив Кузьминых. Петрозаводск. С. 10–14.

¹⁰ Там же.

¹¹ Веригин С. Г. Предатели или жертвы войны: коллаборационизм в Карелии в годы Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск, 2012. 242 с.; Киселев А. А. Как жили и сражались мурманчане в войну : менталитет северян в 1941–1945 годах. 2-изд., доп. Мурманск, 2005. 512 с.; Сенявская Е. С. Военно-историческая антропология и психология (на материале российских войн XX века) : учеб.-метод. пособие для студентов, магистрантов и аспирантов гуманитарных специальностей высших учебных заведений. Петрозаводск, 2012. 223 с.

Ю. Н. Зеленская,
преподаватель ПетрГУ
(Петрозаводск)

ОБРАЗ ВРАГА НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКИХ ИЗДАНИЙ КИРОВСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Великая Отечественная война – военное столкновение, какого еще не знало человечество. В непримиримой схватке сошлись не только армии, военная техника, целые народы, но и противоположные идеологии, каждая из которых заявляла о своей абсолютной правоте и законности.

Поскольку Кировская железная дорога являлась стратегическим объектом в годы войны, то противник стремился блокировать порт Мурманск и парализовать движение грузов по Кировской магистрали. Совершались постоянные налеты авиации, вылазки диверсионных отрядов, подрыв железнодорожных составов.

Поскольку важнейшим инструментом формирования идеологической мотивации является пропаганда, то на Кировской магистрали, как и по всей стране, начали создавать агитационные бригады¹. В первые военные месяцы на дороге были сформированы 54 агитколлектива в составе 775 человек². Наиболее распространенными формами агитации стали публичные лекции, доклады и читка газет. Тематика выступлений была направлена на разъяснение и выполнение задач Великой Отечественной

войны, а также мобилизацию железнодорожников для разгрома врага. Еще одним средством формирования морально-психологического состояния железнодорожников стала наглядная агитация: газетные витрины, доски сводок, тематические вырезки из газет.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны периодические издания явились важнейшим элементом в агитационно-пропагандистской деятельности государства.

В основу данной статьи положены материалы газет «Кировская магистраль» и «Кировец», издаваемые Управлением и политотделом Кировской железной дороги.

В условиях военного времени, когда человек вынужден отказаться от привычного жизненного уклада, перестроить свою жизнь, особое значение приобретает идеологическая мотивация. С первых дней Великой Отечественной войны на страницах периодических изданий, издаваемых на Кировской железной дороге, стали выходить статьи, подчеркивающие важную роль железнодорожного транспорта и желание противника помешать его эффективному функционированию. Статьи были нацелены на формирование у читателей образа врага. Противник ассоциировался с «варваром», «жуликом», «шулером», «захватчиком, покусившимся на честь, свободу и независимость». Немецко-финские войска сравнивались с «разбойничьими отрядами», «ордами», «бандой Гитлера». Налеты на железнодорожные пути сопоставлялись с нападениями «воздушных хищников», «стервятников», «пиратов» и т. д. В первый период войны авторы статей уделяли большое внимание противостоянию железнодорожников с «вражескими полчищами». Чаще всего «белофинны» имели численное превосходство³, были вооружены винтовками, пулеметами, автоматами⁴. Железнодорожники же могли противопоставить им только «старое ружье и несколько патронов»⁵. В отличие от неприятеля, машинисты, путейцы, связисты Кировской магистрали отличались любовью к Родине и ненавистью к врагу, мужеством, героизмом

и презрением к смерти. В статьях активно использовалась прямая речь, передававшая мысли и рассуждения работников магистрالی:

«– Ишь, как бьют проклятые, – проговорил т. Мозолин. – Не дадут подняться, ничего. Я и так сделаю...»⁶.

«– Враг нас никогда не застанет врасплох, – говорит т. Чертков. – У нас есть все возможности работать еще лучше, и мы это сделаем»⁷. Таким образом предпринимались попытки поддержать боевой дух железнодорожников, внушить им веру в победу над врагом.

Газеты «Киевская магистраль» и «Кировец» освещали со ссылкой на иностранные издания события, происходившие в Германии и Финляндии. В первое военное полугодие, когда Красная Армия оставляла город за городом, в газетах появлялись статьи, повествовавшие о потерях вермахта на восточном фронте⁸, о запрете почтовой связи между фронтом и тылом в Германии, «чтобы солдаты из писем родных и знакомых не узнали об истинном положении в стране»⁹. Печатались данные об издевательствах гитлеровцев над советскими военнопленными¹⁰.

В рассматриваемый период население Финляндии воспринималось как отягощенное, измученное войной. «Финляндия одевается в траур. Нет семьи без покойника, как нет семьи без калеки. Над Финляндией стоит плач. Десятки тысяч вдов и сирот уже обречены на нищенскую жизнь...»¹¹. Приводились примеры издевательств немецких солдат над мирными жителями Финляндии, которые изнывали от голода. «Дети массами умирают от болезней, вызванных недоеданием. Все громче раздаются настоячивые требования об окончании бессмысленной войны»¹². Однако в последующем отношение к финнам резко изменилось в противоположную сторону. В 1944 г. на страницах газет появился образ жестокого, воинственного врага, которого называли «финский лахтари», т. е. мясник. Появились статьи, рассказывавшие о жизни в финских концлагерях, где «за проволочными

заграждениями находились 20 тыс. русских, в подавляющем большинстве женщин, детей и стариков»¹³. В газете «Кировская магистраль» от 6 июня 1944 г. вышла статья «Что происходит в городе. Каторжный режим в Петрозаводске». В ней описывались нечеловеческие условия, в которых оказались жители города, а также злодеяния «финских захватчиков». Автор публикации ссылался на рассказ «чудом вырвавшегося из фашистской неволи» С. К. Маркова, который говорил: «Телесные наказания заключенных введены в систему. Людей избивают за малейшую провинность. Порка розгами – обычное явление. Кроме того, финские солдаты из состава охраны часто устраивают для себя забавы: пьяные, они врываются в помещения, переполненные женщинами и детьми, избивают их плетками, поносят самыми гнусными словами, открывают стрельбу, бесчинствуют»¹⁴. По мере освобождения карельской территории на страницах газет появлялись новые подробности. Например, заметка «Лагерь смерти в Медвежьегорске». Автор, майор Л. Саксонов, описывал увиденное им на окраине Медвежьегорска: «Перед нами раскинулся громадный лагерь... Вот отдельный барак... В бараке маленькие темницы. Здесь пытали и убивали советских людей... Вот в грязных нарах, в щели между досками торчит маленькая бумажка. Она написана кровью и слезами: “Дорогие братья русские! Нас угоняют из Медвежки под конвоем в неизвестном направлении... Мстите, родные, за нас...”»¹⁵. 22 июля 1944 г. вышла еще одна статья под названием «Злодеяния финских лахтарей». В ней приводился рассказ мальчика Вани и девочки Насти, которые ходили собирать куски хлеба у финнов¹⁶.

На страницах газет создались яркие образы немецко-финского командования. Так, в статье «Жулики и шулера из игорного “Гитлер и Ко”» А. Гитлера назвали «хвастуном» и «жуликом»¹⁷. В статье «Финляндия в трауре» Р. Рюти и Й. Рангелл именовались приказчиками Гитлера¹⁸ и др. Также в газетах встречались сатирические образы, высмеивавшие противника. Например, в басне «Арийская моська» А. Никаноров сравнивал А. Гитлера

с моськой, которая напала на слона, утверждая: «– Арийской крови я, И в каждом волоске моей особой шерсти Заложена мечта моя: Загрызть славян до смерти... – И, превратившись в палача, Европу победить мечтаю, моська двинулась вперед, победоносно лая... От радости вскружилась голова. Моське все мерещилась Москва, Парад на площади, трофеи... И вдруг – удар по шее!» Заканчивалась басня поучительным выводом: «Не надобно бросаться на слона! Теперь уж каждый убедится может, Что скоро слон нацистскую мерзавку уничтожит. Чтоб человечеству жилось отрадно, Арийку-моську будем бить нещадно!»¹⁹. В газете «Кировец» в рубрике «Фронтовой юмор» печатались анекдоты и юмористические стихи, например: «В ставке Гитлера: – Этот генерал совсем от рук отбил. Придется ему наложить на себя руки»²⁰. Или: «Кажется, шепчут фрицы друг другу: “Скучно нам слушать здесь зимнюю вьюгу. Конница топчет, пехота нас бьет... Что же нам фюрер подмоги не шлет?!” Ветер несет им печальный ответ: “Вашему фюреру моченьки нет... Взять всю Россию – мечту он лелеял, Да не по силам работу затеял. Плохо бандиту – не ест и не пьет, Червь ему черное сердце сосет. Очи потухли и голос пропал... Чует погибель и полный провал!”»²¹.

Таким образом, заметки, очерки газет «Кировская магистраль» и «Кировец» стали одним из направлений агитационно-пропагандистской работы Управления Кировской железной дороги в годы Великой Отечественной войны. В газетных номерах прослеживались различные механизмы конструирования образа противника²². На всем протяжении войны немецкие войска рассматривались как захватчики, оккупанты, варвары, которым присуща звериная жестокость. Образ же финского солдата менялся. В начале войны финны изображались как невольники событий. Они обличались в трусости, несостоятельности. В последующем на страницах периодических изданий появился образ агрессивного лахтаря, разрушавшего все на своем пути. На отрицательный образ врага работали не только описания

злодеяний противника, но и юмористические зарисовки, высмеивающие эпитеты. Образы же советского солдата и труженика тыла строились только на положительных характеристиках. Доблесть, совесть, трудолюбие, бесстрашие – черты, которыми наделяли авторы очерков своих героев. Следовательно, главными идеями, пронизывавшими все номера газет, были мысли об освободительной миссии Красной Армии, о скорой победе над врагом при условии всеобщего сплочения, мобилизации местных ресурсов, организации бесперебойной работы Кировской железной дороги. Не вызывает сомнений, что материалы газет «Кировская магистраль» и «Кировец» вселяли надежду в читателей, отвечали на множество злободневных вопросов, формировали отвращение к врагу.

¹ *Сенявская Е. С.* Финляндия как противник СССР во Второй мировой войне : формирование и эволюция «образа врага» в сознании советского общества в 1939–1940 и 1941–1944 гг. // Многоликая Финляндия : образ Финляндии и финнов в России. В. Новгород, 2004. С. 283.

² Кировская магистраль. 1942. № 9. 6 февр. С. 3.

³ Там же. 1941. № 101. 4 дек. С. 4.

⁴ Там же. 1942. № 73. 15 авг. С. 2.

⁵ Там же.

⁶ Там же. 1941. № 101. 4 дек. С. 4.

⁷ Там же. № 102. 9 дек. С. 1.

⁸ Там же. № 101. 4 дек. С. 4.

⁹ Там же. 1942. № 3. 11 янв. С. 4.

¹⁰ Кировец. 1942. № 10. 7 февр. С. 2 ; Кировская магистраль. 1942. № 10. 11 февр. С. 4.

¹¹ Кировская магистраль. 1942. № 1. 1 янв. С. 4.

¹² Там же. № 20. 22 марта. С. 4.

¹³ Там же. 1944. № 65. 30 мая. С. 1.

¹⁴ Там же. № 68. 6 июня. С. 1.

-
- ¹⁵ Кировская магистраль. 1944. № 79. 1 июля. С. 2.
- ¹⁶ Там же. № 88. 22 июня. С. 2.
- ¹⁷ Там же. 1941. № 103. 14 дек. С. 4.
- ¹⁸ Там же. 1942. № 1. 1 янв. С. 4.
- ¹⁹ Там же. № 11. 15 февр. С. 4.
- ²⁰ Кировец. 1942. № 25. 4 февр. С. 2.
- ²¹ Там же. С. 2.
- ²² *Сенявская Е. С.* Военно-историческая антропология и психология (на материале российских войн XX века). Петрозаводск, 2012. 224 с.
-
-
-

А. В. Котович,
учитель истории МОУ «Заозерская СОШ № 10»
(Петрозаводск)

**ПАТРИОТИЗМ И ВОСПИТАНИЕ
ТОЛЕРАНТНОГО ОТНОШЕНИЯ
ПОСРЕДСТВОМ СОТРУДНИЧЕСТВА
С МУЗЕЕМ ЖЕРТВ ФАШИЗМА
им. М. КОЛЬБЕ**

Образование в современном обществе – процесс многогранный и многоаспектный, ввиду этого для эффективного образовательного процесса требуются максимально разнообразные подходы в передаче знаний со стороны преподавателя. В целях патриотического воспитания и формирования толерантного отношения у учащихся, а также достижения качественных знаний в области военной истории учебная программа образовательных учреждений разного уровня, содержащая классические урочную и лекционную форму обучения, очевидно, требует совершенствования.

Преподаватели ищут разнообразные варианты информации, среди них – хоть оно и не ново – посещение ряда музеев, имеющих тематическое отношение к темам, изучаемым в рамках школьной образовательной программы. Современный музей выполняет комплекс функций, среди которых, безусловно, присутствуют образовательная и воспитательная; именно поэтому посещение музеев позволяет обеспечить более качественный, более глубокий, более осмысленный процесс усвоения новых знаний учащимися.

Среди существующих в г. Петрозаводске музеев есть те, что связаны с темой войны непосредственно, и одним из таковых является музей жертв фашизма им. Максимилиана Кольбе. Музей появился в Петрозаводске относительно недавно, однако его история, также как и история того, о чем рассказывает его экспозиция, имеет немалый срок давности. Экспозиция музея, окончательно созданного в 2005 г., посвящена истории концентрационных лагерей, созданных в Европе гитлеровской Германией. Уникальный для России музей появился благодаря трудам и стараниям Вадима Николаевича Мизко – человека, знающего об ужасах и испытаниях концлагерей непонаслышке. Он, будучи юным мальчишкой, встретил войну, попал в заключение в концентрационный лагерь, и своими, еще детскими, глазами увидел все то, что психологически порой не мог выдержать даже взрослый человек. Однако ничего не проходит бесследно; вот и тяжелый груз юношеских воспоминаний не позволял Вадиму Николаевичу отбросить свою идею поделиться знанием о том, что все они – узники нацистских концлагерей – испытали. Эта идея нашла свое воплощение в создании упомянутого музея.

На фотографиях и в документах, научных публикациях и сборниках мемуаров, представленных в музее, отображена история жизни узников концлагерей, которые создавались, по мнению Адольфа Гитлера, для всех «недочеловеков». «Мы твари и хотим быть тварями, – говорил Гитлер. – И никто не оспорит наше право убивать этих насекомых».

Часто в народе говорят: «Лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать». Безусловно, воссоздание страшных дней Второй мировой войны – занятие далеко не из легких, а тем более дальнейшее его восприятие.

Фотохроники, демонстрирующие тяжелые будни заключенных лагерей – узников с истощенными телами и потускневшим, усталым взглядом, издевательства и унижающие действия нацистов над евреями, советскими и европейскими пленными – все это порой не нужно объяснять, не нужно рассказывать, все это

посетители музея видят в экспозиции своими глазами и, несмотря на свой еще школьный возраст, все понимают.

По результатам опросов о Дне Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., проводившихся среди школьников, тема данной войны является для них важной, серьезной. Школьники продемонстрировали хорошее знание истории своего государства в XX в.: буквально каждый в своей анкете говорил о событиях войны, рассказывал об их трагичности, потерях, оказалось, что в сам праздник все – от малышей-пятиклашек до взрослых 11-классников – посещают парад в городе, ходят к Вечному огню и Могиле Неизвестного Солдата, благодарят ветеранов за победу и мир над головой, смотрят военные фильмы. Это радует, это значит, что они помнят и чтят подвиг наших героев, не забывают своих предков, а значит, и своей истории.

Невозможно оставаться равнодушным к тому, через что проходят люди в военное время. «Дора», «Освенцим», «Заксенхаузен», «Равенсбрюк», «Дахау», «Бухенвальд»... Все это не просто названия. Осознанно останавливаемся на данной теме. Это сложно, но необходимо. Говорить об этом нужно, особенно подрастающему поколению. Просвещение молодежи по данной тематике дает не только фактические знания о какой-либо из войн, развивает патриотическое отношение к своей родине, но и прививает общественные моральные ценности, подводит молодое поколение к нравственному взрослению. В молодом возрасте многие люди, как правило, нечасто задумываются о последствиях тех или иных поступков, идей, а ведь подверженность какой-либо идее может стать губительной не только для ее сторонника, но и для его окружения, а иногда даже для всего мира, как это стало, например, с идеей нацизма.

Музей жертв фашизма им. Максимилиана Кольбе на протяжении нескольких лет ведет сотрудничество с рядом школ Петрозаводска, а также Прионежского района. Музей с большим интересом посещают люди разных поколений: и учащиеся-школьники, и студенты профессиональных средних и высших

учреждений, и представители старшего поколения. Удивительно, но каждый из них действительно уходит из музея с совершенно с другим взглядом: они уходят, осмысливая увиденное. В обращении к посетителям музея есть следующие слова: «Не пугайся мертвых, которые обращаются к тебе. Эти мертвые – частицы тебя, частицы тела твоей Родины. Это – твои родные, погибшие за все то, чему ты обязан жизнью». Вадим Николаевич говорил, что не мог сдержать слез, когда писал это обращение.

Для того чтобы не допустить подобных повторений в истории, для воспитания толерантного отношения молодежи к обществу просвещение на тему Второй мировой войны кажется нам необходимым элементом современного исторического образования.

Само понятие толерантности, провозглашенное организацией ЮНЕСКО в Декларации принципов терпимости, определяется как ценность и социальная норма гражданского общества, проявляющаяся в праве всех индивидов гражданского общества быть различными, обеспечении устойчивой гармонии между различными конфессиями, политическими, этническими и другими социальными группами, уважении к разнообразию различных мировых культур, цивилизаций и народов, готовности к пониманию и сотрудничеству с людьми, различающимися по внешности, языку, убеждениям, обычаям и верованиям. Одним словом, толерантность – это уважение ко всему «другому».

На бытовом уровне подобные вопросы отчасти решаются: родители посредством игры или серьезного разговора объясняют детям то, что существуют различные религии, каждый человек по-своему определяет эталон красоты, у любого может быть собственное мнение. Примерами здесь часто могут стать знакомые семье люди: соседи по двору, приятели из группы детского сада или класса школы. Вот только если копнуть глубже, к примеру в вопросы гармонии и понимания между различными национальными, этническими группами, то дело может осложниться. Одних разговоров в семейном кругу порой становится недостаточно.

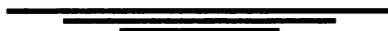

Хорошим подспорьем семье становится школа, которая помогает подрастающему поколению овладеть базовыми знаниями, умениями, навыками, а также вносит весомый вклад в процесс воспитания детей. На уроках истории учащиеся дискутируют о различных исторических личностях, анализируют мнения о их деятельности и личностных особенностях, могут высказать и собственное мнение, а иногда пробуют представить себя на месте героя в случае необходимости принятия важного решения. Кроме того, в процессе дискуссии часто появляются две противоположные точки зрения, а значит, учителю необходимо научить школьников искусству спора, умению выслушать чужое мнение, аргументировано доказать свою точку зрения.

В рамках школьной образовательной программы изучение истории Второй мировой войны в пределах основного образования, вопросы о концентрационных лагерях, созданных Гитлером, об идеологии нацизма, о стремлениях, которые воплощал в жизнь великий фюрер Германии, а также вопрос: имеет ли Карелия некую связь с подобным – все это темы, довольно обобщенно изучаемые в школе. Ввиду этого посещение учащимися музея жертв фашизма им. Максимилиана Кольбе может восполнить некоторые из этих пробелов.

Кроме того, музей обладает не только уникальной экспозицией, но и классом для занятий учащихся. В рамках специального проекта научными сотрудниками музея была реализована данная идея, ведется работа по методической подготовке занятий. Музей открыт для диалога с учебными заведениями и готов к тесному сотрудничеству.

Хочется верить, что, благодаря совместным усилиям школ и музеев, мы вырастим и воспитаем не просто грамотных людей, но образованных, высоко нравственных личностей, способных сделать наше общее будущее еще более счастливым.

Н. Н. Дубинина,
канд. пед. наук, доцент ПетрГУ
(Петрозаводск)

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ КАК ОСНОВА ДУХОВНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Мы живем в эпоху, которая характеризуется, с одной стороны, ожиданием неминуемой катастрофы, с другой стороны, прорывом в будущее – прорывом в новое качество жизни, радикально отличающим ее от настоящего.

Актуальными являются мысли В. И. Вернадского о неделимом пространстве – времени. И это есть начало нового понимания мира. Хотя Фома Аквинский считал, что он способен понять многое, но непостижимым для него является текущее взаимоотношение прошлого, настоящего и будущего. Мы сегодня переживаем не кризис, волнующий слабые души, а величайший перелом научной мысли человечества, совершающийся лишь раз в тысячелетия, переживаем научные достижения, равных которым не видели многие поколения наших предков. Может быть, нечто подобное было в эпоху зарождения эллинской научной мысли, за 600 лет до нашей эры. Стоя на этом переломе, охватывая взором раскрывающее будущее, мы должны быть счастливы, что нам суждено это пережить, в создании такого будущего участвовать.

В философских, социальных, педагогических исследованиях последних десятилетий особое внимание уделяется созданию целостной концепции понимания человека и его воспитания.

Совместное участие в изучении и освоении колоссального ресурса – великой истории России, языка, этнографии, литературы, изучение родиноведения – все это должно способствовать истинному сближению и может стать спайкой детско-родительского и родительско-учительского сообщества.

Сама логика общественно-педагогического сознания выдвигает в центр внимания нравственное самосознание и патриотическое самоопределение, понимание оснований национального самосознания. «Образ России, страны, Родины, принадлежит к аксиосфере культуры, составляет ее ядро. Но прежде всего – присутствует в индивидуальном личностном сознании каждого из тех, кто именует себя русским, человеком родной культуры, идентифицирует себя с нею. Именно наличие этого ядра и образа и есть основание самоопределения личности, обеспечивающее ей, по выражению Д. С. Лихачева, «духовную оседлость, нравственную устойчивость, чувство ответственности перед тем, чему принадлежишь»¹. Проблемы исследования патриотизма как составной национального самосознания стали рассматриваться с учетом взаимодействия языкового контекста с эмоциональным и когнитивным контекстом, связанным с психическими и психологическими структурами личности. Приоритетным для современных педагогических исследований является функциональный подход, изучающий патриотизм в действии: каким образом возникает, обретается, укореняется, живет и побуждает к действию эту духовную нравственную ценность.

Духовное переустройство и нравственное возрождение русского общества невозможны без воспитания, без глубокого уважения, бережной любви, даже восхищение родным языком, традициями, культурой, благодаря которой мы стали уникальной евразийской цивилизацией (Л. В. Савельева).

Актуальность избранной темы видится в изучении воспитания патриотизма как одного из условий «создания цивилизации, управляемой социоприродной эволюции, ноосферного общества будущего, где высокая патриотическая культура каждого человека должна стать главным условием обеспечения

общей социальной культуры и жизнеспособности всех людей, общества в целом» (С. И. Григорьев).

Патриотизм является основой государственной идеологии (В. Путин). Действенная государственная идеология – это образ страны, Родины, в котором непротиворечиво сочетаются ценности общностей с идеями и идеалами «общего блага», это цели и стратегии совместного движения, наличие в сознании всех, кто сознательно и добровольно участвует, образа Родины, России, ее прошлого, настоящего и будущего.

В сознании россиян настоятельно проявляется потребность и стремление обрести общенациональное согласие, определенную общность целей, выраженную в национальной идее. В свете антропологического подхода национальная идея связана с целями конкретного индивида, она создает и поддерживает у человека чувство сопричастности к судьбе страны, психологического комфорта и защищенности. Национальная идея утверждается как синоним патриотической идеи и закрепляется в культуре общества, выполняя тем самым консолидирующую функцию. Патриотическая составляющая – важнейший из элементов, обозначенных в тематическом континууме дискурса о национальной идее.

Для оценки распространенности типа идентичности «россиянин» молодым людям Карелии был задан вопрос: *«Ассоциируете ли Вы себя с гражданином России, т. е. россиянином?»* В целом по выборке подавляющее большинство опрошенных (85,4 %) предпочли утвердительный ответ. 4,7 % молодых людей отметили отсутствие у себя таких ассоциаций и 9,9 % затруднились ответить.

Процент считающих себя россиянами практически идентичен во всех возрастных и поселенческих подвыборках. Исключение составляет подвыборка незанятой молодежи – только 78,9 % таких молодых людей ассоциируют себя с гражданами Российской Федерации. Наибольшая доля не считающих себя россиянами – 5,1 % – в группе работающей молодежи.

По мнению М. О. Мнацаканяна², самоидентификация проявляется на двух уровнях, отражая основные стороны национальной психологии и самосознания: а) как выражение обыденных массовых форм настроений, ощущений и представлений о самом себе; б) как выражение знаний и представлений более высокого, концептуального уровня в форме идейно-теоретических обобщений. Гражданская идентичность – это осознание своей принадлежности к политическому сообществу. Дружественное совместное проживание различных национальностей на одной территории предполагает необходимость условий, в которых этническая идентификация не формирует этноизолированные общности. Важно, чтобы, чувствуя себя этнически особенными, люди признавали себя политически и социально равноправными гражданами одного государства. Причем в условиях многонационального государства предпочтительнее, чтобы гражданская идентификация в сознании отдельного человека превалировала над этнической.

Вопрос «*Что лучше всего описывает Вас в настоящий момент?*» направлен на выявление гражданской идентичности современной карельской молодежи. Анализ распределений ответов показал, что подавляющее большинство молодежи считают себя, прежде всего, жителями России (44,8 %) и лишь затем – жителями Республики Карелия (26,5 %), т. е. преобладает общегражданский, не локальный, тип идентичности. Наименее популярными вариантами ответов были «советский человек» (0,8 %) и «западный человек» (1,3 %). Таким образом, молодежь не ассоциирует себя с советским прошлым и не причисляет к носителям западной культуры. Более десятой части опрошенных (10,7 %) причисляют себя гражданам страны с великим прошлым: «гражданин страны, которая перестала быть великой державой», 5 % и сейчас видят величие государства: «гражданин великой державы».

Чаще всего позиционируют себя в качестве граждан России жители сел Карелии (50 %) и в меньше степени – неработающие (33,3 %). Среди предпочитающих локальную идентификацию

«житель республики» незначительно преобладают горожане и в весьма значительной степени – неработающие (50 %). Если среди считающих себя гражданами России практически равномерно представлены молодые люди всех возрастных категорий (от 14 до 19 лет – 45,9 %, от 24 до 25 лет – 46,2 %, от 25 до 29 лет – 41 %), то среди «локального» типа – значительно выше доля старшей возрастной группы – 37,3 % (от 14 до 19 лет – 26,7 %, от 24 до 25 лет – 23,3 %).

В целом же во всех подвыборках, за исключением неработающих, доминирующей является ассоциация с Россией. Для работающей молодежи более младших групп несколько более выражена идентификация через определение себя как жителя локального социума, более «глобальна» идентичность сельчан, а также учеников школ и студентов («жители страны»). Наименее адаптированная неработающая молодежь демонстрирует тенденцию символического отказа от гражданства, выбирая вариант самоидентификации «гражданин мира». В пределе это означает, что чем менее включен субъект в социальные связи и адаптирован, тем в меньшей степени он считает себя гражданином своей страны.

Анализ ответов разных категорий карельской молодежи позволил выявить следующее: установка на благосостояние наиболее значима для работающей молодежи (53,4 %) и молодых людей в возрасте 25–29 лет (52,9 %); верность максимально значима для сельчан (59,5 %) и минимально – для незанятых молодых людей (37,5 %); установка на категорию «национальная гордость» максимально выражена у неработающей части молодежи (12 %) и старшей группы от 25 до 29 лет (8 %); «ответственность» реже прочих выбирают незанятые молодые люди (28,1 %), также как и «свободу» (25 %); а «патриотизм» – сельчане (8,1 %); однако городские жители реже прочих выбирают категорию «религиозность» (всего 2,4 %).

Таким образом, работающая молодежь демонстрирует наибольшую выраженность потребности в благосостоянии и порядке, в наименьшей мере ее занимают этические категории

(«гуманизм»). Наименее лояльной по отношению к государственной идеологии является группа неработающей молодежи, в сознании которой минимально актуализированы понятия «Россия», «Родина», «патриотизм», «верность». При этом, что любопытно, именно неработающая молодежь максимально ориентирована на западные ценности (9,4 %, этот показатель более чем в 5 раз превышает выборы других групп молодежи).

Наиболее патриотично настроенной частью молодежи выступают работающие молодые люди, представители младшей и старшей возрастных когорт, а наименее – сельская молодежь.

Итак, патриотизм, по мнению современной карельской молодежи, – это особое отношение к Родине, являющееся ценностным отражением в сознании и практическим проявлением в поступках связи субъекта. Отношение к Родине, оставаясь универсальной ценностью, сохраняет индивидуальность в своих конкретных проявлениях. Сущностью патриотизма является основывающееся на сознании и чувстве патриотического долга деятельное отношение субъекта к Родине как объекту патриотизма. Деятельностная сторона патриотизма является определяющей, именно она способна преобразовать чувственное начало в необходимые для Отечества дела и поступки.

Формирование патриотизма в условиях российской социокультурной реальности может осуществляться как мерами государственного воздействия, так и мерами, включающими активизацию всех элементов культурного комплекса. Процесс восстановления патриотического сознания включает в себя: проблемы улучшения качества жизни россиян, проблемы семейного воспитания, формирования исторического сознания, проблемы более широкого использования в идеологической и воспитательной работе символической и обрядовой стороны, преодоления недооценки их значимости, разумное сочетание местной, республиканской и общегосударственной символики и, что особо следует подчеркнуть, утверждение патриотизма в качестве ведущей социокультурной ценности в среде политической и экономической элиты современного российского общества.

Одним из важнейших условий формирования патриотического сознания человека является осознание национальных интересов и последующая реализация их в деятельности. Рациональный уровень патриотизма невозможен без осознания национальных интересов. Национальный интерес выражает активное, творчески преобразующее отношение гражданина к событиям, происходящим в Отечестве, и выражается в деятельности. У каждого гражданина есть свои потребности, интересы, но их успешная реализация невозможна в отрыве от реализации национальных интересов. В условиях современной России в систему национальных интересов могут быть включены: защита цивилизационной идентичности, национальной самобытности, социокультурных ценностей, этносоциальных архетипов российского социума; сохранение культуры; развитие науки и образования.

В процессе социокультурной трансформации в России столкнулись две системы ценностей – либеральная, которая пришла на смену социалистической как ее антитеза, и традиционная, складывавшаяся на протяжении многих веков. В результате этого значительно увеличилось число людей, для которых стала характерной социокультурная амбивалентность, связанная с раздвоением ценностного сознания, проявляющаяся в одновременном стремлении к противоположным ценностям. Человек в современной России, с одной стороны, стремится жить в обществе, исповедующем традиционные ценности, и в то же время пользоваться достижениями современной науки и техники. Ситуация ценностного раскола является главной антропологической проблемой реформирования российского общества. Существовая в ситуации разлома культур, человек формирует напряженный и конфликтный внутренний мир, и эта конфликтность пронизывает все уровни российского социума.

В современной России завершается этап глубинной социокультурной трансформации. В обществе стала превалировать синтезированная система социокультурных ценностей, включающая в себя различные ценностные элементы – от либеральных

до националистических. Патриотизм в современной социокультурной ситуации представляет собой особую системообразующую ценность, духовную основу интеграции и формирования новой системы ценностей, гармонизации российского общества, обеспечивающую цивилизационную целостность и единение народа. Будучи одной из наиболее значимых ценностей общества, он интегрирует в своем содержании социальные, духовные, нравственные, политические, исторические и культурные компоненты.

Понятие «россияне» в качестве идентификационного термина в целом получило общественное признание и перешло в разряд актуализированных социокультурных понятий. Уверенность индивида в позитивности и ценности реалий окружающей его жизни, его патриотические убеждения способствуют формированию его *позитивной* идентичности. Применительно к современной карельской молодежи можно говорить о наличии *переходного типа социокультурной идентичности*, с одной стороны, совмещающей черты современного типа и традиционалистские ценности и установки, а с другой – амбивалентную идентичность: «западный человек» и «россиянин».

Обеспечение духовной и социальной безопасности, модернизация без вестернизации под знаком православной духовной и державной традиции – возможны и зависят от способности социума к самомобилизации, а патриотизм, являясь высшей ценностью, одной из важнейших государственных скреп, обеспечивает реализацию этой способности.

¹ Образ России : сборник научных статей. СПб., 2009. С. 7.

² Мнацаканян М. О. Этносоциология : нации, национальная психология и межнациональные конфликты : учебное пособие для студентов. Анкил, 1998.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Чумаков Г. В.</i> Предисловие	5
<i>Худилайнен А. П.</i>	8
<i>Петеляева И. В.</i>	10
<i>Черненко Н. П.</i>	13
<i>Макуров В. Г.</i> Основные этапы вооруженной борьбы на Карельском фронте	15
<i>Осиев А. Н.</i> Поисковая работа на рубежах боев в Карелии	26
<i>Черненко Н. П.</i> Роль и значение ветеранских организаций Карелии в патриотическом воспитании молодежи	33
<i>Копанев В. Н.</i> Эвакуация органов власти Карелии в 1941 году	37
<i>Меньшикова Е. В.</i> Размещение и проживание эвакуированных жителей Карелии в Архангельской области в годы Великой Отечественной войны	46
<i>Сенявская Е. С.</i> «Погиб героически. Награжден посмертно»: судьба майора П. Д. Нужа и его ордена. История одного поиска	52
<i>Марков М. Б.</i> Изменения идейных оснований советской пропаганды среди войск Карельского фронта в годы Великой Отечественной войны	62

<i>Матвеева Е. Ю.</i> Материалы наглядной агитации периода Великой Отечественной войны (из фондов Национального архива Республики Карелия)	69
<i>Шикалов Ю. Г.</i> Ментальный портрет финского солдата периода «войны-продолжения»	75
<i>Чумаков Г. В.</i> Письма финских военнослужащих и гражданского населения как источник по истории Великой Отечественной войны	85
<i>Эркиля В.</i> Финский взгляд на начало «войны-продолжения»	96
<i>Иивари П.</i> Лапландская война – малоизученный эпизод Второй мировой войны	100
<i>Титов С. М.</i> Онежская военная флотилия в 1944 году	106
<i>Юсупова Л. Н.</i> Вклад осоавиахимовских команд в разминирование территории Карелии в 1944–1945 годах	117
<i>Вавулинская Л. И.</i> Демобилизованные воины в Карело-Финской ССР: положение и государственная поддержка (1944–1947)	124
<i>Коришонов Э. Л.</i> Карты минных полей 32-й армии (второго формирования) как исторический источник	134
<i>Петухова И. Г.</i> «Человек и война» – работа сотрудников Национального архива РК по сбору документов и воспоминаний участников Великой Отечественной войны	142
<i>Кошкина С. В.</i> Краеведческие поиски и находки о событиях Великой Отечественной войны в Карелии: секретный бункер командования Карельского фронта в окрестностях села Сухое Беломорского района	148
<i>Антонов А. В.</i> Петрозаводск: освобождение от оккупации и возрождение мирной жизни (по документам Национального архива Республики Карелия)	154

-
- Киселева О. А.* Европейский Север России
в годы Второй мировой и Великой Отечественной войн:
размышления по спецкурсу 165
- Зеленская Ю. Н.* Образ врага на страницах периодических изданий
Кировской железной дороги в годы
Великой Отечественной войны 172
- Котович А. В.* Патриотизм и воспитание толерантного отношения
посредством сотрудничества с музеем жертв фашизма
им. М. Кольбе 179
- Дубинина Н. Н.* Патриотическое воспитание
как основа духовной безопасности 184
-
-
-

Научное издание

**КАРЕЛЬСКИЙ ФРОНТ
И СОВЕТСКАЯ КАРЕЛИЯ
В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ**

*Сборник статей
международной научно-практической
конференции*

Редактор *И. И. Куроптева*
Художественный редактор *Е. Ю. Ермолаева*

Подписано в печать 20.03.15. Формат 60 × 84 1/8.

Бумага офсетная. Уч.-изд. л. 9,2. Тираж 250 экз. Изд. № 388

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего профессионального образования
ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Отпечатано в типографии Издательства ПетрГУ

185910, Петрозаводск, пр. Ленина, 33

К22 Карельский фронт и Советская Карелия в годы Великой Отечественной войны : сб. ст. междуна­род. науч.-практ. конф. / [отв. ред. Г. В. Чу­маков]. – Петрозаводск : Изд-во ПетрГУ, 2015. – 194 с.

ISBN 978-5-8021-2463-5

Сборник включает доклады, сделанные на международной научно-практической конференции «Карельский фронт и Советская Карелия в годы Великой Отечественной войны», посвященной 70-летию освобождения Республики Карелия от немецко-финской оккупации в сентябре 1944 г. Издание адресовано специалистам-историкам, а также тем, кого интересуют история Карелии и проблемы Великой Отечественной войны.

УДК 94(470.22)
ББК 63.3(2Р-6Кар)

ISBN: 978-5-8021-2463-5

9 785802 124635

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТРОЗАВОДСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

PETROZAVODSK STATE UNIVERSITY
PRESS